

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Мухит Асанбаев	Воссоединение Центральной и Южной Азии с Афганистаном: видение общего будущего 7
----------------	--

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Камран Гусейнов Дулат Есенбаев	О некоторых особенностях формирования режима запрещения ядерного оружия 19
-----------------------------------	--

Дулат Бакишев	О текущей геополитической ситуации на Корейском полуострове 35
---------------	--

Аида Сагинтаева, Гүлжанат Гафу, Жулдыз Давлетбаева	Образование в интересах устойчивого развития: кейс Казахстана 45
--	--

Меруерт Тулебаева	Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере Алмагинской и Жетысуской областей 61
-------------------	--

Гүлишхан Нахбаева, Роза Нургазина, Ляззат Адилова	Интернационализация как компонент развития высшего образования в Казахстане: текущая ситуация и тенденции развития 70
---	---

Сауле Искендинова, Кульжахан Бакирова, Даниал Саари	Факторы, влияющие на качество высшего образования в Республике Казахстан 88
---	---

Бауыржан Шериязданов, Тенгеш Каленова, Разия Асылгожина, Асем Осанова	Политическая и просветительская деятельность Алашской интеллигенции в 1920-1930 годы 105
--	--

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асель**,
главный эксперт КИСИ при Президенте РК,
доктор PhD по экономике

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Меруерт Әсіл

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в. Тираж.

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Мұхит Асанбаев

Орталық және Оңтүстік Азияның Ауғанстанмен қайта табысуы: ортақ болашақ көрінісі 7

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Камран Гусейнов,
Дулат Есенбаев

Ядролық қаруға тыйым салу режимін қалыптастырудың кейбір ерекшеліктері туралы 19

Дулат Бәкішев

Корей түбегіндегі бүгінгі геосаяси жағдай туралы 35

Аида Сағынтаева,
Гүлжанат Ғафу,
Жұлдыз Давлетбаева

Тұрақты даму үшін білім беру: Қазақстан мәселесі 45

Меруерт Түлебаева

Қазақстанда жастардың ішкі миграциясы: Алматы және Жетісу облыстары мысалында. 61

Гүлісхан Нахбаева,
Роза Нургазина,
Ләззат Әділова

Қазақстандағы жоғары білімді дамытудың құрамдас бөлігі есебіндегі интернационалдандыру: қазіргі ахуал және даму үрдістері. 70

Сәуле Ескендірова,
Кұлжахан Бәкірова,
Даниал Саари

Қазақстан Республикасында жоғары білім сапасына әсер ететін факторлар 88

Шериязданов Бауржан,
Қаленова Теңгеш,
Асылгожина Рәзия,
Оспанова Әсем

1920-1930 жылдардағы Алаш қайраткерлерінің саяси және ағартушылық қызметі 105

Қазақстан Республикасы
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы,
экономика ғылымдарының PhD докторы

Шығаруға жауапты: Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бәкірова
Беттеу: Меруерт Әсіл
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21.
E-mail: office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте
1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін. . Таралымы: .

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Mukhit Assanbayev** Reconnecting Central and South Asia with Afghanistan:
a vision of common future 7

POLITICS AND SOCIETY

- Kamran Guseinov,
Dulat Yesenbayev** On certain features of the formation of the regime for
the prohibition of nuclear weapons 19

- Dulat Bakishev** On the current geopolitical situation surrounding
the Korean Peninsula 35

- Aida Sagintaeva,
Gulzhanat Fafu,
Zhuldyz Davletbaeva** Education for Sustainable Development: the case
of Kazakhstan 45

- Meruert Tulebayeva** Internal migration of youth in Kazakhstan: the example
of Almaty and Zhetysu regions. 61

- Guliskhan Nakhbayeva,
Roza Nurtazina,
Lyazzat Adilova** Internationalization as a part of Higher Education development
in Kazakhstan: current situation and latest trends 70

- Saule Iskenderova,
Kulzhakhan Bakirova,
Danial Saari** Factors influencing the quality of Higher Education
in the Republic of Kazakhstan 88

- Baurzhan Sheriyazdanov,
Tengesh Kalenova,
Raziya Assylgozhina,
Assem Osanova** Political and Educational activities of Alash figures
in 1920-1930 105

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
chief expert of the KazISS under the President
of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

Responsible for publication: Almas Arzikulov

Editor-corrector: Akmaral Bakirova

Layout: Meruyert Asyl

Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.

Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

The journal was registered by the National Agency of press and information of

the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318

All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the

editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Printed by.

Copies: .

Редакционный совет

- Еркин Тукумов** – директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, кандидат политических наук
- Рахман Алшанов** – президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Гульмира Илеуова** – директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
- Гульнар Насимова** – заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Вячеслав Додонов** – главный научный сотрудник ИФПР Комитета науки МНВО РК, доктор экономических наук
- Андрей Чеботарёв** – директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
- Мартин Брусис** – доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
- Синтия Каплан** – профессор Калифорнийского университета (США)
- Геннадий Чуфрин** – академик РАН, доктор экономических наук, профессор
- Асель Абен** – шеф-редактор, главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор PhD по экономике

Редакциялық кеңес

- Еркін Тұқымов** – Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы ҚСЗИ директоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** – «Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Вячеслав Додонов** – ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің ФСДИ бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
- Андрей Чеботарёв** – «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Мартин Брусис** – әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Европаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
- Синтия Каплан** – Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
- Геннадий Чуфрин** – РФА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Әсел Әбен** – бас редактор, ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы

Editorial Board

- Yerkin Tukumov** – Chairman of the Editorial Board, Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Rakhman Alshanov** – President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
- Gulmira Ileuova** – Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
- Gulnar Nasimova** – Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
- Vyacheslav Dodonov** – Chief Research Fellow of the IFPR of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
- Andrey Chebotarev** – Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
- Martin Brusic** – Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Cynthia Kaplan** – Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
- Gennady Chufrin** – Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Assel Aben** – Chief Editor, chief expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

МРНТИ:
11.25.15

ВОССОЕДИНЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ С АФГАНИСТАНОМ: ВИДЕНИЕ ОБЩЕГО БУДУЩЕГО

Мухит Асанбаев,

главный эксперт КИСИ при Президенте РК,
кандидат политических наук,
e-mail: assanbayev_m@kisi.kz

ORCID: 0000-0003-1130-0845

doi.org/10.52536/2415-8216.2024.112.4.001

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы развития региональной взаимосвязанности стран Центральной и Южной Азии в контексте сотрудничества с Афганистаном. Основное внимание уделено изучению реализуемых и рассматриваемых между странами двух регионов инициатив и проектов в сферах торгово-экономического, транзитно-транспортного и водно-энергетического сотрудничества. В работе внимание уделено вопросам, раскрывающим направления сотрудничества Центральной и Южной Азии с Афганистаном в контексте региональной взаимосвязанности.

Взаимоотношения Центральной и Южной Азии неразрывным образом связаны с историей Афганистана. В силу своей географии, эта страна на протяжении многих столетий являлась важным перекрестком между Центральной и Южной Азией.

Однако новейший период истории Афганистана связан с длительным противостоянием на ее территории глобальных держав. Данное обстоятельство на десятилетия сформировало из этой страны непреодолимый барьер между Центральной и Южной Азией. Лишь после известных событий 2021 года, связанных с выводом международных сил и второго прихода движения «Талибан», Афганистан живет в новых политических реалиях. При этом актуальным остается главная проблема – искоренение дисфункции в отношениях Афганистана и его соседей. Разрешение этой проблемы окажет влияние на многие вопросы, касающиеся развития региональной взаимосвязанности в Центральной и Южной Азии. Афганистан и его соседи должны изучить пути расширения сотрудничества в различных сферах – от экономики и торговли, энергетики и транспорта, до борьбы с трансграничным терроризмом, управления водными и другими общими ресурсами. Провал в этих начинаниях приведет к нестабильности на обширной территории.

Ключевые слова: Центральная Азия, Южная Азия, Афганистан, безопасность, региональная взаимосвязанность, энергетическое и транзитно-транспортное сотрудничество, инфраструктурные проекты

ОРТАЛЫҚ ЖӘНЕ ОҢТҮСТІК АЗИЯНЫҢ АУҒАНСТАНМЕН ҚАЙТА ТАБЫСУЫ: ОРТАҚ БОЛАШАҚ КӨРІНІСІ

Мұхит Асанбаев

саяси ғылымдарының кандидаты, ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, e-mail: assanbayev_m@kisi.kz

Аңдатпа. Мақалада Орталық және Оңтүстік Азия елдері арасындағы аймақаралық байланысының даму перспективалары қарастырылып, олардың арасындағы сауда-экономикалық, транзиттік-көлік және су-энергетикалық ынтымақтастық салаларында жүзеге асырылып жатқан және қарастырылып жатқан бастамалар мен жобалар талданады. Мақалада Ауғанстанмен ынтымақтастық контекстінде Орталық және Оңтүстік Азия елдерінің аймақтық өзара байланысы дамитын бағыттарды түсінуге ерекше көңіл бөлінген.

Орталық және Оңтүстік Азия арасындағы қарым-қатынас Ауғанстан тарихымен тығыз байланысты. Бұл ел өзінің географиялық орналасуына байланысты көптеген ғасырлар бойы Орталық және Оңтүстік Азия арасында маңызды жол торабы болып табылатын.

Дегенмен, Ауғанстан тарихындағы жаңа кезең жаһандық державалар арасындағы ұзаққа созылған текетіреспен байланысты болды. Бұл жағдай бұл елді ондаған жылдар бойы Орталық және Оңтүстік Азия арасындағы тұрақты тосқауылға айналдырды. Ауғаныстаннан халықаралық күштердің шығарылуымен және Талибан қозғалысының екінші рет билікке келуімен байланысты 2021 жылғы оқиғалардан кейін ғана бұл ел салыстырмалы түрде жаңа саяси ақиқат жағдайында өмір сүруде. Бұл ретте Ауғаныстан мен оның көршілері арасындағы қарым-қатынастардағы дисфункцияны жою – басты қиындық болып отыр. Бұл мәселені шешу Орталық және Оңтүстік Азиядағы аймақтық байланысты дамытуға қатысты көптеген мәселелерге әсер етеді. Атап айтқанда, Ауғаныстан мен оның Орталық және Оңтүстік Азиядағы көршілері экономика, сауда, энергетика мен көліктен бастап трансшекаралық терроризммен күрес, су және басқа да ортақ ресурстарды басқаруға дейінгі салалардағы ынтымақтастықты кеңейту жолдарын зерттеуі керек. Бұл әрекеттердің сәтсіздігі қомақты аумақта тұрақсыздыққа әкеледі.

Түйінді сөздер: *Орталық Азия, Оңтүстік Азия, Ауғанстан, қауіпсіздік, аймақаралық байланыс, энергетикалық және транзиттік-көліктік ынтымақтастық, инфрақұрылымдық жобалар.*

RECONNECTING CENTRAL AND SOUTH ASIA WITH AFGHANISTAN: A VISION OF COMMON FUTURE

Mukhit Assanbayev

Candidate of Political Sciences, chief Expert of Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, e-mail: assanbayev_m@kisi.kz

Abstract. The article examines the prospects for development of regional connectivity between the countries of Central and South Asia in the context of cooperation with Afghanistan. The main focus is a study of initiatives and projects being implemented and considered between the countries of the two regions in the areas of trade and economic, transit and transport, water and energy cooperation. Particular attention in the work is paid to understanding the directions in which regional interconnectedness of the countries of Central and South Asia will develop in the context of cooperation with Afghanistan.

The relationship between Central and South Asia is inextricably linked with the history of Afghanistan. Due to its geography, this country has been an important crossroads between Central and South Asia for many centuries. The peoples of these regions have historically had extensive trade and cultural ties.

However, Afghanistan's new times history has been associated with a long-term confrontation between global powers in Afghan soil. This circumstance has made this country an insurmountable barrier between Central and South Asia for decades. Only after the well-known events of 2021, referring to the withdrawal of international forces and the second return of the Taliban movement to power here, Afghanistan lives in the conditions of relatively new political realities. At the same time, the main problem remains relevant for Afghanistan - the eradication of dysfunction in relations between Afghanistan and its neighbor countries. The resolution of this problem will have an impact on many issues related to the development of regional connectivity in Central and South Asia. In particular, Afghanistan and its neighbors in Central and South Asia should explore ways to expand cooperation in various areas - from economics and trade, energy and transport to the fight against cross-border terrorism, water and other common resource management. Failure in these endeavors will lead to instability in a vast territory adjacent to Afghanistan.

Keywords: *Central Asia, South Asia, Afghanistan, security, regional connectivity, energy and transit transport cooperation, infrastructure projects.*

Введение

Перспективы развития региональной взаимосвязанности стран Центральной и Южной Азии напрямую зависят от ситуации в Афганистане. При этом никакие внешние акторы или усилия не смогут обеспечить стабильность этой стране, пока афганские власти не предпринял реальные шаги, направленные на достижение согласия и построение инклюзивного общества. Выход Афганистана на траекторию устойчивого развития обеспечит этой стране возможность стать неотъемлемым игроком в торговле, транзите и межрегиональном экономическом сотрудничестве, став точкой соприкосновения в соединении экономик Центральной и Южной Азии.

Не случайно глобальные державы предлагают странам Центральной Азии различные инициативы, направленные на экономическое сближение со странами Южной Азии посредством вовлечения Афганистана. Известно, к примеру, что США неоднократно предлагали странам Центральной Азии идею создания региональной транзитной и торговой инфраструктуры с Афганистаном, с перспективой выхода к рубежам Южной Азии. В то же время Китай активно продвигает инициативу «Пояс и Путь», обещая экономический

рост посредством объединения инфраструктуры Центральной и Южной Азии в рамках «Китайско-пакистанского экономического коридора». В этом направлении следует упомянуть также политику Индии и России. Каждая из этих стран стремится экономически доминировать в государствах Центральной Азии, но каждая по-своему ставит задачи. Если Россия стремится создать в Центральной Азии экономическую зону сопряжения в формате взаимодействия Евразийского экономического союза с другими регионами, в том числе с Южной Азией, то Индия развивает транспортный коридор, ключевым звеном которого является Иран. В этом направлении Индия активно продвигает проекты по транспортной инфраструктуре, нацеленные на соединение Афганистана с Центральной и Южной Азией через иранский порт Чабахар.

Между тем, долгие годы нестабильности и гражданской войны в Афганистане отделили страны Центральной Азии от Южной Азии. Согласно последним расчетам Всемирного банка, текущая торговля между Центральной и Южной Азией находится на низком уровне. Торговля между двумя регионами оценивается в пределах от 0,2% до 4% от общего объема торговли по всем направлениям. Более того, менее 5% общего объема торговли в Центральной Азии осуществляется внутри региона, а в Южной Азии этот показатель составляет всего 1,5% [1].

В самом Афганистане к 2021 году правительство США потратило 145 млрд долларов на восстановление этой страны, его сил безопасности, гражданских государственных учреждений, экономики и гражданского общества. Тем не менее, многие учреждения и инфраструктурные проекты, которые США построили в Афганистане, оказались не устойчивыми. Более того, коррупция подвергла средства США, направляемые через афганское правительство, риску растраты, мошенничества и злоупотреблений [2].

ЕС и правительства других стран аналогичным образом не смогли обеспечить устойчивость многим своим проектам в Афганистане, поэтому большой объем помощи и ресурсов, выделенных на реконструкцию Афганистана на протяжении нескольких последних десятилетий, также не достигли своей цели, как по причине отсутствия безопасности и стабильности в этой стране, так и по причине неэффективности предпринятых мер.

Ситуация в Афганистане фактически стала меняться лишь после «второго» прихода к власти в стране движения «Талибан» в 2021 году, которому в целом удалось преодолеть кризис государственности, установить безопасность и централизовать власть в стране. Об улучшении общей ситуации в Афганистане сегодня свидетельствуют более или менее устоявшаяся экономика, стабильный курс афганской валюты (1 доллар - 70 афгани), функционирование банковских операций внутри страны, развитие частного сектора и приграничной торговли со странами Центральной и Южной Азии. Косвенно об этом говорит возросшее использование международными авиакомпаниями воздушного пространства Афганистана [3].

Таким образом, через сотрудничество с Афганистаном сегодня появляются новые возможности для восстановления утраченных культурных связей и формирования региональной взаимосвязанности экономик

Центральной и Южной Азии. Это также говорит о том, что проекты по соединению экономик Центральной и Южной Азии становятся одним из векторов развития международной политики. В настоящее время на стадии реализации находится ряд значимых международных проектов, которые смогут обеспечить транспортное и энергетическое соединение Центральной и Южной Азии.

Важно отметить, что соединение Центральной и Южной Азии в рамках сотрудничества с Афганистаном требует политической воли и решимости со стороны соответствующих правительств в части упрощения поездки, получения виз и ведения торговли, а также требует взаимодействия между академическими учреждениями, исследовательскими центрами и институтами, ориентированными на политику.

В начале 2023 года значимая работа в этом направлении была осуществлена Пенджабским университетом и региональной программой Фонда Конрада Аденауэра в Юго-Западной Азии – проведена международная конференция «Воссоединение Центральной и Южной Азии», г. Лахор, 8-10 мая 2023 года, в работе которой приняли участие эксперты из Пакистана, Великобритании, Германии, Турции и Центральной Азии. Участниками конференции были подробно рассмотрены меры по воссоединению Центральной и Южной Азии путем развития торговых, коммерческих, культурных, туристических, образовательных и туристических связей [4].

В том же году при содействии региональной программы Фонда Конрада Аденауэра в Юго-Западной Азии была проведена аналогичная конференция с Университетом Карачи «Южная Азия и региональная взаимосвязанность в 21 веке», г. Карачи, 21-22 ноября 2023 года, участники которой также акцентировали внимание на роли Афганистана в процессе развития региональной взаимосвязанности [5].

В 2024 году значимая работа по решению вопросов регионализации экономик Центральной Азии и участия стран региона в восстановлении Афганистана была осуществлена Институтом стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан в сотрудничестве с региональным представительством Фонда им. Конрада Аденауэра по Центральной Азии – проведен международный круглый стол «Центральная Азия и Афганистан. Видение общего будущего» (г. Термез, Узбекистан, 11-12 сентября 2024 года). В ходе этого мероприятия экспертами из Афганистана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана и Германии были подробно рассмотрены вопросы текущего взаимодействия с властями Афганистана, вероятность легитимизации режима талибов и перспективы реализации торгово-экономических и транс-региональных инфраструктурных проектов между Центральной и Южной Азией [6].

В этой связи следует отметить, что выработанные в ходе проведения вышеуказанных международных конференций результаты дискуссий и предложений должны быть доведены до сведения соответствующих заинтересованных сторон и заинтересованных политиков. Это позволит предпринять практические шаги по расширению связей между Центральной и Южной Азией.

Методы исследования

В статье использован ряд положений теории экономической взаимосвязанности, с акцентированием внимания на исследовании специфики рассматриваемых регионов, которая охватывает как экономические, так и политические вопросы. При этом экономические перспективы рассмотрены в данной статье как конечная цель, без увязки к вопросу политическом единении. Использование в статье теории экономической взаимосвязанности позволило, в частности, обосновать необходимость реализации политики, направленной на соединение экономик Центральной и Южной Азии. Эта задача остается актуальной для не имеющего выход на мировые рынки Центральной Азии, страны которой страдают от отсутствия региональной связанности с другими регионами. Аналогичным образом эта задача является важным для рынков Южной Азии, где с каждым годом растет потребность в доступе к сырьевым ресурсам и ее решение могло бы помочь в урегулировании экономических и политических проблем, как на национальном, так и межгосударственном уровне.

Методологической основой исследования является метод историзма, системный подход, сравнительный анализ и контент-анализ. Метод историзма позволил выявить основные направления развития региональной взаимосвязанности Центральной и Южной Азии. Благодаря системному и сравнительному анализу выявлены сходства и различия в развитии стран Центральной и Южной Азии. Контент-анализ применен в изучении официальных документов и различных фактов и тенденций, отраженных в них.

Результаты исследования и их обсуждение

Взаимодействие стран Центральной и Южной Азии в энергетической и транзитно-транспортной сферах сотрудничества

Страны Центральной и Южной Азии имеют комплементарный характер экономик, т.е. их экономики не конкурируют, а дополняют друг друга. Для энергоемкой Центральной Азии, не имеющей выхода к морю, улучшение связей с Южной Азией расширит доступ к международным рынкам. Для энергодефицитной Южной Азии такие связи обеспечат доступ к значительным природным ресурсам Центральной Азии, а также откроют новые транзитные маршруты на мировой рынок. Не случайно, что список реализуемых в настоящее время проектов энергетической инфраструктуры для соединения двух регионов внушает оптимизм. В их числе следует отметить, прежде всего, газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ), мощностью 33 млрд кубометров газа в год, который должен проходить от туркменского месторождения «Галкыныш» через афганские города Герат и Кандагар, пакистанские Кветту и Мултан до города Фазилка на западе Индии. На туркменском участке строительство началось в декабре 2015 года, а в феврале 2018 года был заложен афганский участок газопровода. О намерении участвовать в финансировании ТАПИ заявляли АБР, ЕБРР, ИБР, Саудовский фонд развития и другие организации. Общая стоимость проекта составит \$8-10 млрд [7]. 11 сентября 2024 года власти Туркменистана и Афганистана презентовали на туркмено-афганской границе железнодорожный мост Серхетабат–Тургунди, заложили фундамент газокompрессорной станции «Шатлык-1», начали строительство участка Серхетабат-Герат проекта ТАПИ и оптико-волоконной линии связи Серхетабат-Герат [8].

Важным проектом является строительство ЛЭП по маршруту «Туркменистан-Афганистан-Пакистан». По словам туркменских экспертов, данный проект должен быть запущен приблизительно через два года. На сегодня туркменская сторона уже завершила прокладку маршрута передачи электроэнергии в Кабул по маршруту от Марыйской государственной электростанции до ГЭС «Ватан» и от афганского города Мазари-Шариф до Кабула. Афганская сторона планирует завершить работы на своем участке в течение ближайших двух лет.

Одним из заметных шагов стало начало строительства линии электропередачи «Central Asia-South Asia electricity transmission project» или CASA 1000, которая будет транспортировать излишки электроэнергии с гидроэлектростанций в Кыргызстане и Таджикистане в Афганистан и Пакистан на расстояние 1270 км [9].

Кроме того, следует отметить, что сегодня Россия и Пакистан рассматривают проект прокладки магистрального газопровода «Пакистанский поток», предусматривающий строительство газопровода мощностью 12,4 млрд м³/год, который обеспечит поставки газа с юга Пакистана, где расположены терминалы для приема СПГ на север страны к крупным промышленным потребителям [10].

В качестве источников газа для проекта «Пакистанский поток» Россия рассматривает три варианта: 1. Поставки газа через Центральную Азию, из России в Казахстан, Узбекистан, Афганистан в Пакистан; 2. Строительство газопровода по укороченному маршруту Иран - Пакистан, которому Россия готова оказать необходимую поддержку и участвовать в нем исходя из наличия своих поставок между Россией и Ираном; 3. Путем присоединения России к проекту ТАПИ, что неоднократно была отмечена российской стороной как политически привлекательная альтернатива [11].

С учетом того, что Иран и Россия остаются в долгосрочной перспективе под санкционным давлением США, наиболее приемлемым вариантом является маршрут поставки российского газа через газопроводную систему Центральной Азии. Именно по данному варианту могут быть достигнуты конкретные договоренности, поскольку сами США на протяжении долгих лет стремятся интегрировать экономику Центральной и Южной Азии.

Большое значение имеет заключенный в феврале 2021 года между Узбекистаном, Афганистаном и Пакистаном соглашение о строительстве железной дороги «Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар». Данный транспортный коридор протяженностью в 573 км более известный как Трансафганская железная дорога, должен связать ЕС, Россию и страны Центральной Азии с Афганистаном, Пакистаном, Индией и странами Юго-Восточной Азии. Реализация этого проекта стоимостью в 5 млрд долларов позволит сократить время транспортировки товаров, например, из Узбекистана в Пакистан с 30–35 до 10–15 дней. Перевозки грузов по новой железной дороге могут снизить транспортные расходы между странами Центральной Азии с Пакистаном на 30–35% [12].

На днях также достигнуто соглашение между Узбекистаном и Афганистаном о реконструкции афганского участка железной дороги «Хайратон – Наивабад – Мазари-Шариф». Эту работу с декабря 2023 года осуществляют специалисты «Узбекистон темир йуллари».

В 2024 году Узбекистан и Афганистан пришли к соглашению по продвижению проекта развития зоны приграничной торговли в приграничном городе Термез. Согласно соглашению, с августа 2024 года в зоне приграничной торговли в Термезе действует круглосуточный контрольно-пропускной пункт, введен безвизовый режим сроком до 15 суток, открыт Международный торговый центр [13].

Здесь же расположены «Термез Карго центр» и распределяющий международную гуманитарную помощь Афганистану региональный логистический хаб Всемирной продовольственной программы ООН. При этом на территории зоны приграничной торговли находится обширная сеть цехов по обработке изделий из золота, серебра и других драгметаллов.

Геополитические и экономические преимущества создания взаимосвязанности экономик Центральной и Южной Азии

Сближение двух регионов имеет свои геополитические и экономические преимущества. Центральная Азия окружена Россией и Китаем, которые доминируют в импорте и экспорте региона. Создание сухопутных коридоров через Афганистан предоставит странам Центральной Азии доступ к Ирану в одном направлении и к Пакистану, Индии и большому Индо-Тихоокеанскому региону в другом направлении. Это также предоставит Центральной Азии альтернативу ее неэффективным и дорогим маршрутам через Китай для доступа к мировому рынку и преодоления своей изоляции и зависимости от России и Китая.

В свою очередь, региональные связи помогут перезапустить афганскую экономику за счет подключения Афганистана к крупнейшему рынку региона в Индии. Улучшенная инфраструктура предоставит странам возможность торговать множеством товаров по наземным маршрутам, которые более рентабельны, чем существующие воздушные маршруты. Экономические связи, возникающие вместе с новой инфраструктурой, также будут стимулировать страны Южной и Центральной Азии к взаимодействию с Афганистаном как через государственный, так и через частный сектор [14].

Пакистан тоже выиграет от мирного Афганистана. Прямой сухопутный маршрут в Центральную Азию через Афганистан предоставит Пакистану более эффективную и удобную альтернативу его нынешним маршрутам через Иран или Китай. Благодаря этой связи Пакистан сможет получить доступ к новым рынкам для своих товаров и укрепить связи со странами Центральной Азии. Пакистан, к примеру, мог бы наладить устойчивые каналы экспорта своей сельскохозяйственной продукции в страны Центральной Азии.

Таким образом, речь здесь идет о сдвиге в геополитике транспортных коммуникаций, который окажет существенное влияние на логистическую отрасль Центральной и Южной Азии и всего Евразийского континента. При этом меняющаяся динамика глобальной экономической активности вносит свои корректировки – на наших глазах наблюдается смещение центра тяжести мирового развития в Азию и Индо-Тихоокеанский регион, которые будут определять развитие глобальной экономики в долгосрочной перспективе.

Наиболее активными игроками на данном треке являются Китай, Пакистан и Индия. Пекин настойчиво продвигает проект создания транспортного коридора из Китая в пакистанский порт Гвадар по «Китайско-пакистанскому экономическому коридору» (КПЭК), стремясь решить сразу

несколько задач: создать короткий путь для своего экспорта на Запад, обеспечить надежный, независимый от США, маршрут транспортировки ближневосточных углеводородов в Китай и способствовать развитию своих западных территорий.

Китай принимает активное участие в создании прямого пути сообщения из Афганистана в Китай. 29 ноября т.г. в афганском Бадахшане Китай запустил строительство Ваханского коридора, который напрямую свяжет две страны [15]. В ближайшее время Китай будет добиваться реанимации проектов по разработке месторождений меди в долине Мес-Айнак, огромных залежей меди к югу от Кабула и бурению нефти на севере Афганистана (согласно договору от 2008 года между тогдашним правительством Афганистана и Китайской государственной корпорацией Metallurgical Group Corporation о 30-летней концессии за три миллиарда долларов, которые были приостановлены по соображениям безопасности). В августе 2024 года в Афганистане начато строительство двадцати пяти километровой автомобильной дороги до месторождения Мес-Айнак. Его разработку планирует начать Metallurgical Corporation of China Limited, дочернее предприятие Metallurgical Group Corporation [16].

Таким образом, Китай приступил к расширению КПАК за счет включения в него Афганистана, официальный старт которому был положен после участия министра коммерции и индустрии Афганистана Хаджи Нуруддин Азизи в саммите «Пояс и Путь» в Пекине в октябре 2023 года [17].

Для Пакистана развитие порта Гвадар и Каракорумского шоссе также может стать отправной точкой направления своих товаров в Евразийском направлении. Каракорумское шоссе уже имеет большое межрегиональное значение. Уникальность данного маршрута заключается в том, что это шоссе является одним из наиболее коротких летних наземных сообщений, связывающих страны Южной Азии с Казахстаном через сопредельные территории Китая и Кыргызстана. Первым пунктом назначения является г. Алматы – главный финансово-экономический центр Казахстана. Это шоссе уже сегодня в состоянии обеспечить значительный поток товаров из морских портов Пакистана, расположенных в Индийском океане с Казахстаном и другими странами Центральной Азии. По самым оптимистичным подсчетам, в летнее время дорога из Исламабада в Алматы по данному направлению в среднем занимает 6-8 дней, что намного короче существующих альтернативных маршрутов. При этом Каракорумское шоссе обходит территорию Афганистана, что значительно повышает степень безопасности и сохранности доставки и обмена грузовых потоков.

Для Индии местом пересечения может стать иранский порт Чабахар, который не подпадает под санкции США. Активная вовлеченность Индии в данный инфраструктурный проект позволит ей в будущем получить доступ к природным ресурсам и рынкам товаров Афганистана и Центральной Азии, а также поставкам товаров на евразийские рынки по маршруту «Север-Юг», включая его восточную ветку через территорию Казахстана.

В целом, новые инициативы региональной кооперации в рамках взаимодействия стран Южной и Центральной Азии – это рациональный шанс защиты от экономических, политических и идеологических влияний и конкуренции извне. Организация устойчивого сухопутного коридора

для транзитной торговли между странами Центральной и Южной Азии и привлечение значительного потока международных перевозок в перспективе может создать условия для строительства и расширения сети транс-афганской железнодорожной магистрали, которая должна обеспечить выход к пакистанским морским портам – «Карачи», «Касем» и «Гвадар» и связать Южноазиатскую железнодорожную систему с Центральноазиатской и Евразийской железнодорожными системами. Все это будет способствовать возрождению исторической роли Афганистана в качестве моста, связывающего Европу и Азию кратчайшим сухопутным маршрутом.

Выводы

Развитие региональной взаимосвязанности экономик Центральной и Южной Азии будет длительным и сложным процессом, зависящим, главным образом, от способности афганских властей обеспечить долговременный мир и безопасность в Афганистане и в приграничных с ним территориях соседних стран. Для достижения этой цели Кабулу следует предпринять реальные шаги по построению в стране инклюзивного общества.

В свою очередь, установление мира и политической стабильности Афганистана будет означать для стран Центральной и Южной Азии стабильность коммуникаций и сообщений между двумя регионами. Более того, это позволит региональным и международным институтам принять полноценное участие в улучшении и воссоздании транзитно-транспортной инфраструктуры Афганистана для соединения экономик Центральной и Южной Азии. Причем, трансграничные инфраструктурные проекты и растущие отношения между странами Центральной и Южной Азии способны быстро реанимировать естественные торгово-экономические и транзитно-транспортные маршруты между двумя регионами.

Главная сегодняшняя задача состоит в том, чтобы перенести концепцию взаимосвязанности стран Центральной и Южной Азии в плоскость реально действующей политики, направленной на достижение ощутимых результатов в краткосрочной перспективе. Прежде всего, странам двух регионов следует принять комплекс мер по устранению тарифных и нетарифных барьеров в торговле, которые приведут к сокращению времени транспортировки и существенному снижению затрат.

Список литературы:

1. Nuttall, C. (2021, July 16). Conference call: Afghanistan crucial to rebuilding ties between Central and South Asia.
2. Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. (2021). What we need to learn: Lessons from twenty years of Afghanistan reconstruction. Retrieved from <https://www.sigar.mil/pdf/lessonslearned/SIGAR-21-46-LL.pdf>
3. Сулайман, Б. (2024, September 11–12). Афганистан: безопасность и экономическое развитие [Paper presentation]. Международный круглый стол «Центральная Азия и Афганистан. Видение общего будущего», Термез, Узбекистан.
4. Ahmar, M. (2023, May 16). How to reconnect Central and South Asia. The Express Tribune.
5. Assanbayev, M. (2023, November 22). Afghanistan security dilemma: Implications on regional connectivity in Central and South Asia [Conference session]. International Conference «South Asia and Regional Connectivity in 21st Century», University of Karachi, Konrad Adenauer Stiftung.

6. Мирный и интегрированный в мировое сообщество Афганистан – это ключ к общему будущему в регионе. (2024). Retrieved from https://dunyo.info/ru/central_asia/mirnyy-i-integrirrovannyu-v-mirovoe-soobschestvo-afganistan-%E2%80%93-eto-klyuch-k-obschemu-buduschemu-v-regione
7. To promote the TAPI project, the Turkmen delegation will visit Kabul. (2022). Retrieved from <https://turkmenportal.com/blog/45053/dlya-prodvizheniya-proekta-tapi-turkenskaya-delegaciya-posetit-kabul>
8. Амансарииев, Б. (2024, September 11–12). Роль Туркменистана в социально-экономическом восстановлении и обеспечении устойчивого развития Афганистана [Paper presentation]. Международный круглый стол «Центральная Азия и Афганистан. Видение общего будущего», Термез, Узбекистан.
9. Central Asia-South Asia electricity transmission project. (2023). Retrieved from <https://www.nsenenergybusiness.com/projects/casa-1000-electricity-transmission/>
10. Алифирова, Е. (2023). Россия и Пакистан концептуально договорились о поставках нефти и начали новый раунд переконфигурации МГП Пакистанский поток. Retrieved from <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/767184-rossiya-i-pakistan-kontseptualno-dogovorilis-o-postavkakh-nefti-i-nachali-novyy-raund-perekonfigurats/>
11. Russia considers TAPI pipeline idea politically attractive. (2022). Retrieved from <https://www.ariananews.af/russia-considers-tapi-pipeline-idea-politically-attractive/>
12. The Trans-Afghan Railway project has begun. (2022). Retrieved from <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/20/railway/>
13. Ибрагимов, У. (2024, September 11–12). О перспективах развития зоны приграничной торговли в г. Термез [Paper presentation]. Международный круглый стол «Центральная Азия и Афганистан. Видение общего будущего», Термез, Узбекистан.
14. Carll, E. (2021, May 18). An Afghanistan at peace could connect South and Central Asia. *New Atlanticist*.
15. Hakimi, B. (2023). Wakhan corridor important for trade: ACCI. Retrieved from <https://tolonews.com/business-186256>
16. Кузнецов, И. (2024). Как Китай развивает добычу меди в Афганистане. Retrieved from https://www.prometall.info/analitika/china/kak_kitay_razvivaet_dobychu_medi_v_afganistane
17. Kulagin, V. (2023). The Taliban will take part in the Chinese “Belt and Road” forum. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/10/16/1000737-talibi-primut-uchastie-v-kitaiskom-forume>

References:

1. Nuttall, C. (2021, July 16). Conference call: Afghanistan crucial to rebuilding ties between Central and South Asia.
2. Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. (2021). What we need to learn: Lessons from twenty years of Afghanistan reconstruction. Retrieved from <https://www.sigar.mil/pdf/lessonslearned/SIGAR-21-46-LL.pdf>
3. Sulaiman, B. (2024, September 11–12). Afghanistan: Security and economic development [Paper presentation]. International Round Table “Central Asia and Afghanistan. Vision for a Common Future,” Termez, Uzbekistan.
4. Ahmar, M. (2023, May 16). How to reconnect Central and South Asia. *The Express Tribune*.
5. Assanbayev, M. (2023, November 22). Afghanistan security dilemma: Implications on regional connectivity in Central and South Asia [Conference session]. International Conference “South Asia and Regional Connectivity in 21st Century,” University of Karachi, Konrad Adenauer Stiftung.
6. A peaceful and integrated Afghanistan is the key to a common future in the region. (2024). Retrieved from https://dunyo.info/ru/central_asia/mirnyy-i-integrirrovannyu-v-mirovoe-soobschestvo-afganistan-%E2%80%93-eto-klyuch-k-obschemu-buduschemu-v-regione

7. To promote the TAPI project, the Turkmen delegation will visit Kabul. (2022). Retrieved from <https://turkmenportal.com/blog/45053/dlya-prodvizheniya-proekta-tapi-turkmenskaya-delegaciya-posetit-kabul>
8. Amansariyev, B. (2024, September 11–12). The role of Turkmenistan in the socio-economic recovery and sustainable development of Afghanistan [Paper presentation]. International Round Table “Central Asia and Afghanistan. Vision for a Common Future,” Termez, Uzbekistan.
9. Central Asia-South Asia electricity transmission project. (2023). Retrieved from <https://www.nsenenergybusiness.com/projects/casa-1000-electricity-transmission/>
10. Alifirova, E. (2023). Russia and Pakistan conceptually agreed on oil supplies and began a new round of reconfiguration of the Pakistan Stream international gas pipeline. Retrieved from <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/767184-rossiya-i-pakistan-kontseptualno-dogovorilis-o-postavkakh-nefti-i-nachali-novyy-raund-perekonfigurats/>
11. Russia considers TAPI pipeline idea politically attractive. (2022). Retrieved from <https://www.ariananews.af/russia-considers-tapi-pipeline-idea-politically-attractive/>
12. The Trans-Afghan Railway project has begun. (2022). Retrieved from <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/20/railway/>
13. Ibragimov, U. (2024, September 11–12). On the prospects for the development of the border trade zone in Termez [Paper presentation]. International Round Table “Central Asia and Afghanistan. Vision for a Common Future,” Termez, Uzbekistan.
14. Carll, E. (2021, May 18). An Afghanistan at peace could connect South and Central Asia. New Atlanticist.
15. Hakimi, B. (2023). Wakhan corridor important for trade: ACCI. Retrieved from <https://tolonews.com/business-186256>
16. Kuznetsov, I. (2024). How China is developing copper mining in Afghanistan. Retrieved from https://www.prometall.info/analitika/china/kak_kitay_razvivaet_dobychu_medi_v_afganistane
17. Kulagin, V. (2023). The Taliban will take part in the Chinese “Belt and Road” forum. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/10/16/1000737-talibi-primit-uchastie-v-kitaiskom-forume>

*Материал поступил в редакцию 01.10.2024.
Утвержден к публикации 25.11.2024*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЖИМА ЗАПРЕЩЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Камран Гусейнов ^{1*}

Дулат Есенбаев ²

¹ кандидат политических наук, Assistant Professor, Школа политики и права, Almaty Management University, *k.guseinov@almau.edu.kz

² магистр социальных наук, Senior Lecturer, Школа политики и права, Almaty Management University, d.esenbayev@almau.edu.kz

ORCID¹: 0000-0001-7344-3433

doi.org/10.52536/2415-8216.2024.112.4.002

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы формирования глобального режима запрещения ядерного оружия как эволюционного продолжения режима нераспространения. Авторами проанализировано современное состояние режима нераспространения, рассмотрены ключевые вызовы, а также причины кризиса данного режима. В статье представлен компаративный анализ Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), рассмотрена эволюция идеи глобального ядерного разоружения. Используя методологию теории международных режимов, авторы определяют составные элементы глобального режима запрещения ядерного оружия. В статье дана оценка дальнейшим перспективам формирования режима ДЗЯО. Авторами сделана попытка критического осмысления норм и принципов формирующегося режима и их влияние на процесс глобального ядерного разоружения.

Ключевые слова: ядерное оружие, Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о запрещении ядерного оружия, международный режим, нормы, обзорный процесс, гуманитарная инициатива.

ЯДРОЛЫҚ ҚАРУҒА ТЫЙЫМ САЛУ РЕЖИМІН
ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ КЕЙБІР ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ ТУРАЛЫ

Камран Гусейнов^{1*}, Дулат Есенбаев²

¹ саясаттану ғылымдарының кандидаты, Алматы Менеджмент Университетінің Саясат және құқық мектебінің Ассистент профессоры, *k.guseinov@almau.edu.kz

² Әлеуметтік ғылымдар магистрі, Алматы Менеджмент Университетінің Саясат және құқық мектебінің аға оқытушысы, d.esenbayev@almau.edu.kz

Андатпа. Бұл мақалада ядролық қаруға тыйым салу жөніндегі жаһандық режимді қалыптастыру мәселелері таратпау режимінің эволюциялық жалғасы ретінде қарастырылады. Авторлар таратпау режимінің қазіргі жағдайын талдап, оның негізгі сын-қатерлері мен дағдарыс себептерін қарастырды. Мақалада Ядролық қаруды таратпау туралы шарт (ЯҚТШ) пен Ядролық қаруға тыйым салу шартының (ЯҚТСШ) салыстырмалы талдауы жүргізіліп, жаһандық ядролық қарусыздану идеясын дамыту жолдары қарастырылған. Халықаралық режимдер теориясының әдістемесін қолдана отырып, авторлар ядролық қаруға тыйым салу жөніндегі жаһандық режимінің құрама бөліктерін анықтайды. Мақалада ЯҚТСШ режимін қалыптастырудың болашақ мүмкіндіктеріне баға беріліп, қалыптасып жатқан режимнің нормалары мен қарастырылып, олардың жаһандық ядролық қарусыздану үдерісіне ықпалы талқыланады.

Түйінді сөздер: ядролық қару, Ядролық қаруды таратпау туралы шарт, Ядролық қаруға тыйым салу туралы шарт, халықаралық режим, шолу үдерісі норма, гуманитарлық бастама.

ON CERTAIN FEATURES OF THE FORMATION OF THE REGIME FOR THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS

Kamran Guseinov^{1*}, Dulat Yesenbayev²

¹ PhD in Political Science, Assistant Professor, School of Politics and Law, Almaty Management University, *k.guseinov@almau.edu.kz

² Master of Social Sciences, Senior Lecturer, School of Politics and Law, Almaty Management University, d.esenbayev@almau.edu.kz

Abstract. This article examines the problems of forming a global regime for the prohibition of nuclear weapons as an evolutionary continuation of the non-proliferation regime. The authors analyzed the current state of the nonproliferation regime, examined the key challenges, as well as the causes of the crisis of this regime. The article presents a comparative analysis of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (TPNW) and examines the evolution of the idea of global nuclear disarmament. Using the methodology of international regime theory, the authors identify the constituent elements of a global regime for the prohibition of nuclear weapons. The article assesses the future prospects for the formation of the TPNW regime and provides the critical review of the norms and principles of this emerging regime, along with their impact on the global nuclear disarmament process.

Keywords: nuclear weapon, Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, international regime, norm, review process, humanitarian initiative.

Введение

Распространение ядерного оружия является одним из ключевых вызовов глобальной и региональной безопасности. Несмотря на значительные усилия мирового сообщества в области нераспространения ядерного оружия, включающие ограничение и контроль за ядерными арсеналами, мир сталкивается с новыми вызовами и противоречиями, обусловленными изменяющимся мировым порядком и продолжающимися конфликтами. В условиях геополитических потрясений и усиления конфликтогенного потенциала международных отношений, а также значительных разногласий между ядерными державами, угроза приобретает новые, вполне конкретные очертания. Бюллетень ученых-атомщиков, авторитетное издание в сфере изучения проблем ядерного оружия, ежегодно, с 1947 г., выпускает релиз о символических часах Судного дня, в соответствии с которыми наступление полночи означало бы ядерную катастрофу. Второй год подряд часы держатся на отметке в 90 секунд до полуночи, что является самым близким к отметке ядерной катастрофы за всю историю мониторинга [1].

На фоне усиливающихся угроз вопросы всеобщего ядерного разоружения становятся все более актуальными. Чаще звучат призывы к принятию мер по снижению вероятности ядерной катастрофы, а также выдвигаются инициативы по всеобщему ядерному разоружению. Вероятно, квинтэссенцией таких инициатив послужил Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). ДЗЯО был открыт для подписания 7 июня 2017 г. В течение нескольких последующих лет продвижения договора на различных международных площадках, благодаря активной деятельности государств, в том числе Казахстана, а также международных организаций, например, ICAN (International Campaign to Abolish Nuclear Weapons / Международная кампания за запрещение ядерного оружия), договор достиг 50-й ратификации и вступил в силу 22 января 2021 г. В настоящее время число стран-участниц – 70. Еще 23 страны подписали, но пока по тем или иным причинам не ратифицировали ДЗЯО [2]. Причем большинство из них – это страны, подписавшие Договор в год открытия для подписания.

Тематика глобального ядерного разоружения является актуальной как в рамках дискуссий о параметрах глобальной и региональной безопасности, так и в свете активной внешней политики Казахстана. Казахстан является одним из наиболее активных государств, продвигающих идею о всеобщем ядерном разоружении. Первый Президент Н.А. Назарбаев выдвинул ряд инициатив, таких как, например, полный отказ от ядерного оружия во всем мире к 100-летию ООН к 2045 г., создание банка низкообогащенного урана в Казахстане, а также всеобщей декларации по построению мира, свободного от ядерного оружия [3]. Президент К.К. Токаев сохранил преемственность внешней политики Казахстана в области ядерного разоружения. Об этом свидетельствуют активность в рамках обзорных циклов ДНЯО, а также то, что Казахстан будет председателем третьей встречи стран-участниц ДЗЯО.

Данная статья ставит своей целью критическое осмысление формирующегося режима ДЗЯО и определение основных параметров данного режима. Авторы стремятся внести вклад в отечественную историографию по вопросам ядерного разоружения. Анализ научной литературы показывает, что казахстанские авторы, в основном, сфокусированы на анализе инициатив

Казахстана в области ядерного нераспространения и ядерного разоружения. Безусловно, одной из ключевых работ в области ядерного разоружения Казахстана является научный труд Т. Касеновой «Атомная степь. Как Казахстан отказался от ядерного оружия», в которой изучается сложный процесс денуклеаризации Казахстана и присоединения к ДНЯО [4]. Ж.Д. Кошербаев и К.И. Байзакова рассматривают роль Казахстана в режиме ядерного нераспространения [5]. Р. Амангельдин изучает вклад Казахстана в глобальное ядерное разоружение [6]. К.Н. Шакиров в своей статье проводит анализ инициатив руководства страны в области ядерного разоружения [7]. С.Г. Азербайев проводит сравнительный анализ ядерного разоружения в Казахстане и африканских странах [8]. К.Н. Величков рассматривает вопросы внутренней политики в сфере управления атомной отраслью, в том числе, физической ядерной безопасности (nuclear safety), а также возможность использования опыта Казахстана другими странами [9]. Стоит отметить, что в зарубежном экспертном сообществе ведется активная дискуссия о реализации ДЗЯО, его комплементарности по отношению к ДНЯО и о параметрах формирующего режима. Т. Эрasto изучает вопросы юридической совместимости ДНЯО и ДЗЯО [10]. Н. Ритчи и А. Кментт рассматривают проблему универсализации ДЗЯО, его нормативную силу и основополагающие принципы [11]. Кроме того, А. Кментт в своем исследовании посвященном ДЗЯО, исследует проблематику гуманитарной инициативы, являющейся одним из ключевых элементов формирующего режима [12]. Работы Р.Д. Гиббонс также посвящены вопросам гуманитарной инициативы [13]. Р. Леннан и Р. Мойэс разрабатывают идею о том, как сделать режим ДЗЯО устойчивым [14]. Стоит также отметить, что проблематика ДЗЯО находится в фокусе исследований Центра проблем нераспространения им. Джеймса Мартина в Монтерее и Венского Центра по разоружению и нераспространению (VCDNP).

Авторы данной статьи полагают, что полученные выводы будут способствовать дискуссии в казахстанском экспертном сообществе о параметрах формирующегося режима запрещения ядерного оружия.

Методология и методы исследования

Режимы ДНЯО и ДЗЯО рассматриваются в работе с точки зрения теории международных режимов. Согласно теоретику неолиберальной школы международных отношений, Роберту Кеохейну, режим представляет из себя набор формальных и неформальных правил (институтов), формируемых государственными акторами, которые затрагивают ту или иную область международных отношений [15]. Это является принципиальным отличием режима от исключительно формальных форм взаимодействия, таких как международные организации. Существование того или иного режима исходит из примата сотрудничества над конфликтогенным потенциалом. Исследователи в области теории режимов, такие как, Р. Кеохейн, С. Краснер, О. Янг так или иначе признают роль государств и, соответственно, государственных акторов в процессе формирования международного режима (О. Янг также рассматривает международный режим с точки зрения социального феномена, для которого характерны черты конструктивистского построения). При этом у режима должны быть четкие характеристики и элементы. С. Краснер определяет следующие составные элементы

международного режима: нормы, принципы, правила и процедуры принятий решений [16, р. 186]. Нормы и принципы в рамках одного режима являются константами, т. е. их изменение возможно только в случае появления нового режима и окончания действия старого. Симбиоз всех составных элементов формирует устойчивый режим, для которого характерны несколько базовых установок. Ниже рассмотрим данные характеристики и их применимость для изучения ДЗЯО как режима.

◀ Режим как следствие структурных причин (structural causes). В условиях анархичной системы международных отношений режим является следствием стремления системы к упорядочению действий различных акторов. Несмотря на имеющееся сопротивление различным элементам системы (включая акторов), режим способен к созданию определенного порядка в конкретной области. ДЗЯО возник в ответ на имеющуюся в режиме ДНЯО структурную асимметрию, связанную с легитимизированным наличием ядерного оружия у ограниченного числа стран и отсутствием его у подавляющего большинства. Соответственно на ДЗЯО как на режим оказывается давление со стороны ядерных государств, но при этом ДЗЯО позволяет неядерным государствам иметь рычаг давления.

◀ Режим как промежуточная переменная (intervening variable). Любой международный режим выступает ограничителем власти и силы государства и придает больше стабильности и предсказуемости международной системе, хотя не может полностью контролировать деятельность всех акторов. ДЗЯО создает серьезную нормативно-правовую базу и помогает консолидировать усилия неядерных государств.

◀ Влияние режима (regime consequence). Как правило, режимы оказывают давление на структурные силы с помощью непрямого влияния, например акцентирования внимания на определенных вопросах, пропаганды (advocacy). ДЗЯО предполагает деятельность по различным направлениям, включающим в себя оказание влияния на общественное мнение, в том числе, в ядерных государствах.

Международные режимы представляют собой набор формальных и неформальных практик. Причем наличие неформальных устоявшихся практик играет важную роль с точки зрения степени влияния режима на международные отношения. Режимы зачастую являются несистемными и двойственными, сочетая в себе элементы различных идей [17, р. 341]. При этом для формирования любого международного режима важна гармоничная корреляция всех его элементов. С этой точки зрения эффективный международный режим включает в себя наличие определенного соглашения и институциональное оформление в качестве одного из центральных элементов его имплементации. В целом международный режим, основанный на определенном договоре, формально может представлять собой следующую структуру: договор – международная организация – дополнительные соглашения. Такая трехступенчатая система взаимосвязанных составляющих эффективна для его стабильного функционирования. Для сопоставления режимов и определения ключевых элементов режима ДЗЯО, таких как нормы и принципы, в работе используются структурный и компаративный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

У режима ядерного нераспространения есть несколько существенных недостатков. Во-первых, существуют государства, находящиеся вне режима. Государствами-участниками ДНЯО не являются Израиль, Индия, КНДР (вышла из договора в 2003 г.), Пакистан и Южный Судан (в результате разделения Судана на два государства), причем первые четыре государства обладают ядерным оружием. Обладание ядерным оружием государствами, не входящими в режим и, в особенности, имеющими конфликты (например, Индия и Пакистан) – является серьезной угрозой не только региональной безопасности, но и глобальной.

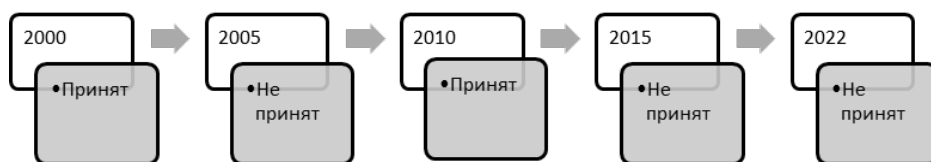
Из данной проблемы вытекает следующий вызов, который является предметом разногласий в рамках обзорных конференций ДНЯО, проводимых раз в пять лет. Это отсутствие на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО). Конфликтотенный потенциал региона несет в себе значительные риски распространения и использования ядерных технологий в регионе. В особенности это актуально ввиду очередной фазы противостояния Израиля и арабских государств.

Есть и другая проблематика, связанная с ЗСЯО. На сегодняшний день существуют пять таких зон, покрывающих большую часть земного шара: Латинская Америка и Карибский бассейн (договор Тлателолко 1967 г.); южная часть Тихого океана (договора Раротонга 1985 г.); Юго-Восточная Азия (Банкогский договор 1995 г.); Африка (договор Пеллиндаба 1996 г.) и Центральная Азия (Семипалатинский договор 2005 г.) [18]. Также сюда можно отнести Монголию, формально не входящую ни в одну из зон, но объявившую себя безъядерным государством, и Антарктиду. Каждый из договоров по созданию безъядерной зоны содержит дополнительный протокол для ратификации ядерными государствами, которые гарантируют отказ от угрозы применения и неприменение ядерного оружия относительно государств, подписавших договор, т. е. ядерные государства предоставляют так называемые негативные гарантии безопасности. Отличие негативных гарантий безопасности (*negative security assurance*) от позитивных гарантий (*positive security assurance*) заключается в том, что позитивные означают защиту от ядерного удара, а негативные – гарантии ненападения. На сегодняшний день «ядерной пятеркой», т. е. государствами, которые, согласно ДНЯО, могут обладать ядерным оружием, ратифицирован только протокол к договору Тлателолко. Дополнительные протоколы к договорам Раротонга, Пелиндаба и Семипалатинскому ратифицированы всеми государствами, кроме США, а протокол к Банкогскому договору не ратифицировало ни одно ядерное государство. Помимо этого, есть и юридическая сторона вопроса. Дело в том, что данные протоколы рассматриваются не как юридические обязательства, а в качестве выражения намерения [19, р. 49]. Фактически государствам, находящимся в данных зонах, не гарантировано неприменение ядерного оружия против них. Как отмечает Т. Кронберг, при принятии решения о применении ядерного оружия ядерные государства будут полагаться на оперативные решения и исходить из того, что они посчитают фундаментальным нарушением национальных интересов [19, р. 50].

Одним из показателей кризиса режима ДНЯО являются результаты

обзорных циклов, состоящих из череды подготовительных комитетов (Preparatory Committee, PrepCom) и обзорной конференции (Review Conference), проводимой один раз в пять лет. В обзорный процесс вовлечены различные акторы, как государственные, так и негосударственные, причем влияние неправительственных организаций становится все более существенным [20, с. 102]. Обзорная конференция предполагает принятие финального документа. Однако большинство обзорных конференций (четыре из шести) завершилось без принятия документа, поскольку страны не смогли достичь консенсуса по тем или иным вопросам (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Обзорный цикл ДНЯО и соотношение принятия / не принятия субстантивного итогового документа

Причины, по которым финальные документы так и не были приняты, носят сугубо политический характер и связаны с позицией отдельных государств, а также нарастающим противостоянием между ядерными государствами, что несет в себе очевидную угрозу международной безопасности. У. Поттер отмечает, что обзорный процесс на текущем этапе подвержен острой политической поляризации, что приводит к практическому отсутствию сотрудничества между конфликтующими ядерными державами даже по тем вопросам ДНЯО, которые были наиболее консенсусными [21]. Кульминацией стала обзорная конференция 2022 г. (была перенесена с 2020 г. ввиду пандемии Covid-19). Впервые в двух обзорных циклах подряд страны не смогли согласовать финальный документ. На наш взгляд, проблема консенсуса по ряду ключевых вопросов, а также отсутствие прогресса в области глобального ядерного разоружения стали одним из основных факторов появления и продвижения Договора о запрещении ядерного оружия и других инициатив, направленных на содействие всеобщему ядерному разоружению.

Ядерные державы выступили с однозначным осуждением ДЗЯО. В совместном заявлении постоянные представители США, Великобритании и Франции при ООН объявили о том, что страны «не намереваются подписать, ратифицировать или когда-либо становиться частью данного договора», а также что данный договор «не соответствует политике

¹Обзорная конференция 1995 г. также завершилась непринятием итогового документа. Однако, в рамках данной конференции ДНЯО был продлен бессрочно, поэтому однозначно неуспешной данную конференцию признать нельзя. По этой причине она не отображена в рисунке (примечание авторов).

ядерного сдерживания, которая является ключевой для сохранения мира в Европе и Северной Азии на протяжении последних 70 лет» [22]. Россия и Китай заняли позицию аналогичную остальным ядерным государствам, входящим в «ядерную пятерку» [23]. Кроме того, через год ЯОГ подтвердили свою позицию совместным заявлением в рамках 73 сессии Генассамблеи ООН, в котором раскритиковали ДЗЯО и отметили, что новый договор подрывает основы режима нераспространения, а также призвали страны к выполнению обязательств по ДНЯО [24].

Следует отметить, что появление ДЗЯО является не первой попыткой запрещения ядерного оружия. Как отмечают Е. Б. Михайленко и Н.С. Дегтярев, первые попытки запрещения ядерного оружия появились еще в 1995 г. – в год бессрочного продления [25, с. 116]. В рамках дискуссий о дальнейшей судьбе ДНЯО, ряд стран подняли вопрос о ядерном разоружении, считая, что именно разоружение, а не бессрочное продление договора является логичным продолжением Договора о нераспространении ядерного оружия. Несмотря на имевшуюся оппозицию, ДНЯО был продлен бессрочно, что было выгодно для ядерных государств, за которыми сохранялся юридически неоспоримый ядерный статус. Впоследствии международными организациями принималось множество попыток поднять тему ядерного разоружения, в том числе в рамках ООН и обзорного цикла ДНЯО (положение о необходимости ядерного разоружения содержались в итоговом документе Обзорной конференции 2010 г.) [25, с. 117]. Тем не менее, к реальному результату они не привели. С этой точки зрения Договор о запрещении ядерного оружия стал уникальным и первым юридически оформленным Договором, претендующим на дальнейшую замену ДНЯО.

Режим ДЗЯО: проблемы континуитета и универсальности

Договор о запрещении ядерного оружия был составлен таким образом, чтобы в наименьшей степени компрометировать Договор о нераспространении ядерного оружия [10]. Очевидно, это было сделано для того, чтобы ДЗЯО в дальнейшем заменил ДНЯО. В ДЗЯО упоминается ДНЯО в контексте того, что он (ДНЯО) является «краеугольным камнем режима ядерного разоружения и нераспространения» [26]. Кроме того, Статья 18 ДЗЯО подчеркивает, что Договор не нарушает обязательств стран-участниц в отношении Договоров, в которых они участвуют, если «эти обязательства согласуются с Договором (ДЗЯО)» [26]. Т. Эрасто отмечает существующее мнение о том, что такая формулировка подчиняет ДНЯО Договору о запрещении ядерного оружия [10]. Однако данное положение видится спорным.

Таблица 1. Компаративный анализ ДНЯО и ДЗЯО

Критерий	ДНЯО	ДЗЯО
Цели	Предотвращение распространения ядерного оружия, мирное использование атомной энергии	Полное запрещение ядерного оружия, его разработки, испытания и хранения

Область применения и специальные положения	- постепенное ядерное разоружение - распространение мирных ядерных технологий	- помощь жертвам ядерных испытаний - восстановление окружающей среды - побуждение других государств к подписанию договора
Верификация и следование договору	Гарантии МАГАТЭ Обзорный цикл	Отсутствие системы верификации Встречи стран-участниц
Значение	Сокращение числа ядерных государств Создание нового режима	Создание нормативно-правовой среды для запрещения ядерного оружия
Число стран-участников	191	70

Источник: составлено авторами

Для понимания того, на каком этапе находится формирование режима ДЗЯО, необходимо определение того, с какой точки зрения рассматривать сам договор. Среди академического и экспертного сообщества нет однозначного мнения о том, является ли ДЗЯО логическим продолжением ДНЯО. Есть два ответа на данный вопрос: ДЗЯО – это продолжение ДНЯО, его эволюционное развитие, либо это некая отдельная форма взаимодействия, претендующая на параллельное сосуществование. Позиция о том, что ДЗЯО является эволюционным продолжением ДНЯО, основана на самом договоре ДНЯО. Статья VI Договора о нераспространении ядерного оружия обязует каждого участника договора стремиться к *ядерному разоружению, а также договору «О всеобщем и полном разоружении»* [27]. Данная статья прямо указывает на обязательство всех стран (в том числе ядерных держав) стремиться к безъядерному миру. Однако ввиду отсутствия каких-то конкретных временных рамок и рекомендаций, такие обязательства могут трактоваться достаточно субъективно. С одной стороны, о всеобщем разоружении сегодня речи не идет, но при этом ядерные государства, по крайней мере, до недавнего времени всячески стремились к тезису о том, что процесс разоружения и так происходит. На наш взгляд, для эффективного функционирования режима ДЗЯО необходимо однозначное его признание в качестве продукта эволюции ДНЯО. Апелляция к такому происхождению ДЗЯО является важным для перспектив дальнейшего развития процесса отказа от ядерного оружия. Р. Леннан и Р. Мойес, рассуждая о соотношении ДНЯО и ДЗЯО, отмечают, что ДЗЯО может заменить ДНЯО в качестве главной площадки по обсуждению вопросов ядерного разоружения [14, р.63]. Исследователи акцентируют внимание на том, что вполне справедливым и логичным было бы постепенное смещение активности неядерных государств от режима ДНЯО к режиму ДЗЯО, поскольку последний предполагает разрешение главного противоречия – наличие ядерных и неядерных государств [14, р. 63]. При этом стоит отметить, что ДЗЯО не несет юридических обязательств для стран по выходу из ДНЯО.

Рассмотрение ДЗЯО в качестве эволюции ДНЯО может иметь эффект, поскольку ядерным государствам придется быть вовлеченными в активности в рамках ДЗЯО ввиду их заинтересованности в сохранении стабильной и функционирующей системы, гарантирующей ядерное нераспространение [14, р. 64]. Вопрос континуитета режима ДЗЯО важен по нескольким причинам. Во-первых, режим ДЗЯО действует в рамках той же проблематики, что и ДНЯО, т. е. фактически новый режим возникает внутри старого режима. В случае, если нормы и принципы одного режима пересматриваются, то это, согласно теории международных режимов, приводит либо к исчезновению этого режима и / либо возникновению нового. Во-вторых, ДЗЯО нормативно позиционируется как следствие ДНЯО. Об этом свидетельствует упоминание роли ДНЯО в преамбуле ДЗЯО, гарантий МАГАТЭ, а также, как подчеркивалось выше, само позиционирование ДЗЯО как имплементации статьи VI ДНЯО. Эксперты отмечают, что для реализации статьи VI ДНЯО необходима строгая юридическая норма [28, р.89]. Таковую норму как раз вводит ДЗЯО.

Вопросы универсальности ДЗЯО также являются ключевыми с точки зрения рассмотрения режима ДЗЯО в качестве устойчивого и полноценного. Н. Ритчи и А. Кментт отмечают, что универсализация ДЗЯО заключается в максимизации его норм и принципов с целью влияния на ядерные государства и государства-сателлиты («nuclear client states») [11, р. 71]. Фактически, одной из главных задач режима ДЗЯО должно являться вовлечение данных государств в свою орбиту. Режим ДЗЯО создает поле возможностей для различных акторов, в том числе неправительственных организаций, которые могут активно продвигать универсальные ценности. Инициативы в рамках ДЗЯО идейно направлены на решение важных общечеловеческих вопросов, которые возникают в связи с наличием ядерного оружия. Идеационные факторы так или иначе влияют в перспективе на политику государств в сфере ядерного разоружения, т. е. они формируют определенные возможности, а ДЗЯО предоставляет для этого нормативно-концептуальные основания.

Параметры режима ДЗЯО на современном этапе

Для стабильного существования и устойчивого функционирования международного режима необходимо формирование его составных элементов, прежде всего, норм и принципов. С формальной точки зрения, нормативная база режима ДЗЯО предполагает принципиальную позицию по отказу от ядерного оружия. Необходимо значительное расширение нормативной силы режима, причем как через призму экстенсивной модели, так и интенсивной. Нормативная сила ДЗЯО будет прямо пропорциональна как расширению самого договора, так и новым инициативам в рамках режима.

Вероятно, одним из наиболее дискуссионных и сложных вопросов является создание системы верификации. Т. Шеа подчеркивает, что такая система требует учета требований по безопасности ядерных государств, для повышения вероятности их вовлечения в данный режим в будущем [29]. Система верификации действительно должна быть спроектирована таким образом,

чтобы, с одной стороны, учитывать стремление режима к универсальности и учитывать чувствительность самой сферы контроля, а с другой – представлять собой строгий набор юридически обязывающих норм. Авторам представляется очевидным, что для верификации и обеспечения устойчивого развития в рамках режима ДЗЯО необходимо создание специальной организации. В статье 4 ДЗЯО указана необходимость наличия компетентного органа, однако процесс его формирования и степень полномочий остаются неясными [26]. Наличие такого специального органа сделало бы режим ДЗЯО эффективным с точки зрения процессов менеджмента, решения оперативных вопросов и улучшения взаимодействия между государствами. Данной позиции, в частности, придерживается Т. Шеа, имеющий более 25-летний опыт работы в департаменте гарантий МАГАТЭ. Он отмечает, что МАГАТЭ, в целом, способно взять на себя контроль над техническими вопросами, но для режима ДЗЯО желательным было бы создание новой организации, которая позволила бы избежать структурных и иных ограничений, существующих в рамках МАГАТЭ [29]. Стоит отметить, что кроме технической верификации, есть вопросы сугубо политического характера, которые могла бы взять на себя новая организация.

Одной из главных особенностей ДЗЯО является то, что в нем сделан упор на гуманитарную инициативу [30, с. 239]. Вопросы гуманитарного характера, связанные с последствиями ядерных взрывов для человечества, так или иначе, обсуждались и раньше. Впервые напрямую гуманитарный дискурс появился в документах, связанных с ДНЯО лишь в 2010 г. [13, р. 7] Развитие идеи о гуманитарных последствиях ядерного оружия, и ее имплементация в ДЗЯО являются сильной стороной ДЗЯО и делает договор качественно новым. А. Кментт отмечает, что гуманитарные вопросы неожиданно придали сильный политический импульс в области запрещения ядерного оружия [12, р.17]. Возможно, гуманитарная инициатива является одной из самых сильных сторон ДЗЯО. В рамках ее имплементации предполагается становление механизмов содействия жертвам (victim assistance) и восстановление окружающей среды (environmental remediation), упомянутых в статьях 6 и 7 ДЗЯО [26]. Для эффективной политики в данных областях необходимо наличие четкого плана действий со стороны стран-участниц [31, р. 258]. Действенные механизмы могли бы быть институционально оформлены в рамках встреч сторон с учетом опыта государств, пострадавших от проведения ядерных испытаний. Прошедшие две встречи сторон ДЗЯО свидетельствуют об определенном прогрессе в данной области. В рамках первой встречи государств-участников были определены общие принципы разработки процедурных решений, связанных с содействием жертвам и восстановлением окружающей среды [32]. Для этих целей была учреждена рабочая группа под председательством Казахстана и Кирибати. По итогам второй встречи, государствам удалось договориться о введении системы добровольных отчетов в данной области, а также создании фонда помощи жертвам, пострадавшим от ядерного оружия [33]. Стоит отметить, что данная задача не является легкой ввиду того, что так или иначе предполагает

вовлечение государств, проводивших ядерные испытания, т. е. ядерных государств, не являющихся участниками ДЗЯО и рассматривающих ДЗЯО в качестве угрозы режиму ДНЯО.

Таким образом, формирующийся режим ДЗЯО основывается на нескольких базовых принципах. Во-первых – это полный и бессрочный запрет ядерного оружия. ДЗЯО в отличие от ДНЯО предлагает юридически точную норму, которая искореняет ядерное оружие как класс вооружений. Во-вторых, принцип гуманизма. Взаимодействие стран должно быть сфокусировано не на проблематике сдерживания, а на негативных последствиях для человечества наличия и использования ядерного оружия, как в военных действиях, так и в проведении испытаний. В-третьих, принцип этической ответственности. Государства ответственны за причиненные страдания и вред окружающей среде и должны быть вовлечены в мероприятия в соответствующей области. Данные принципы делают режим ДЗЯО уникальным, а перспективы его становления в качестве полноценного и устойчивого режима зависят от того, насколько мировое сообщество готово к гуманистическому повороту в международных отношениях.

Выводы

В ходе проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам:

1. Режим ДНЯО в настоящее время характеризуется системным кризисом, связанным с недоговороспособностью стран по ключевым вопросам ядерной безопасности, а также значительным кризисом в отношениях между конфликтующими ядерными государствами.

2. Режим ДЗЯО может быть эффективен в случае позиционирования его в качестве продолжения режима ДНЯО. Континуитет ДЗЯО обеспечивается самой идеей всеобщего отказа от ядерного оружия, которая постулируется в статье VI ДНЯО. Фокусирование неядерными государствами на активности в рамках ДЗЯО, а не ДНЯО может в перспективе привлечь ядерные государства к диалогу о дальнейшем ядерном разоружении.

3. Универсальность режима ДЗЯО необходима для того, чтобы данный режим стал полноценной заменой ДНЯО. Она должна быть достаточно гибкой для того, чтобы учитывать чувствительную сферу национальной безопасности государств, в первую очередь, отказывающихся от ядерного оружия.

4. Для формирования эффективного режима ДЗЯО необходимо разработать и внедрить четкую систему верификаций, которая будет соответствовать интересам всех стран-участниц. В этой связи наличие компетентного органа способствовало бы продвижению ДЗЯО и разрешению спорных вопросов.

5. Сильной стороной ДЗЯО является то, что он сконцентрирован на гуманитарных инициативах, в рамках которых формируются механизмы помощи жертвам ядерных испытаний и восстановления окружающей среды. Это требует, с одной стороны консолидации усилий всех стран-участниц Договора и вовлечения государств, проводивших ядерные испытания.

Список литературы:

1. Bulletin of the Atomic Scientists. (n.d.). A moment of historic danger: It is still 90 seconds to midnight. Retrieved from <https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/>
2. International Campaign to Abolish Nuclear Weapons. (n.d.). TPNW signature and ratification status. Retrieved from https://www.icanw.org/signature_and_ratification_status
3. Министерство иностранных дел Республики Казахстан. (n.d.). Вклад Казахстана в ядерное разоружение, нераспространение и мирное использование ядерной энергии. Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-amman/press/article/details/59812?lang=ru>
4. Kassenova, T. (2022). Atomic steppe: How Kazakhstan gave up the bomb. Stanford University Press.
5. Кошербаев, Ж. Д., & Байзакова, К. И. (2016). Роль Казахстана в укреплении режима нераспространения ядерного оружия и его избрание в непостоянные члены Совета Безопасности ООН. Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право, (3), 4–11.
6. Амангельдин, Р. (2014). Вклад Казахстана в дело ядерного разоружения. Международный научно-исследовательский журнал, 115–117.
7. Шакиров, К. Н. (2014). Международная ответственность Казахстана по ядерной безопасности: Инициативы Президента Н. Назарбаева. Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право, (2), 167–169.
8. Азербайев, С. Г. (2020). Ядерное разоружение Казахстана и общность в этом вопросе с африканскими странами. Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, (9), 6–12.
9. Velichkov, K. (2021). Kazakhstan's nuclear governance as a foreign policy asset. NNC RK Bulletin, (3), 21–28.
10. Erästö, T. (2019). The NPT and the TPNW: Compatible or conflicting nuclear weapons treaties? Retrieved from <https://www.sipri.org/commentary/blog/2019/npt-and-tpnw-compatible-or-conflicting-nuclear-weapons-treaties>
11. Ritchie, N., & Kmentt, A. (2021). Universalising the TPNW: Challenges and opportunities. Journal for Peace and Nuclear Disarmament, 4, 70–93.
12. Kmentt, A. (2021). The treaty prohibiting nuclear weapons: How it was achieved and why it matters. Routledge.
13. Gibbons, R. D. (2018). The humanitarian turn in nuclear disarmament and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Global Change, Peace & Security, 25, 11–36.
14. Lennane, R., & Moyes, R. (2021). How can the TPNW regime be sustained? Journal for Peace and Nuclear Disarmament, 4, 50–69.
15. Keohane, R. O. (1989). Neoliberal institutionalism: A perspective on world politics. In International institutions and state power (pp. 1–20). Routledge.
16. Krasner, S. D. (1982). Structural causes and regime consequences: Regimes as intervening variables. International Organization, 36(2), 185–205.
17. Young, O. R. (1980). International regimes: Problems of concept formation. World Politics, 32(3), 331–356.
18. Международное агентство по атомной энергии. (n.d.). Зоны, свободные от ядерного оружия. Retrieved from <https://www.iaea.org/ru/temy/zony-svobodnye-ot-yadernogo-oruzhiya>
19. Cronberg, T. (2022). The security of nuclear weapon-free zones: The Middle East as a test case for unconditional security assurances. Journal for Peace and Nuclear Disarmament, 5, 45–60.
20. Михайленко, Е. Б., & Михайленко, В. И. (2017). Подорывает ли договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки, 12(4), 100–111.
21. Potter, W. C. (2023). Behind the scenes: How not to negotiate an enhanced NPT review process. Retrieved from <https://www.armscontrol.org/act/2023-10/features/behind-scenes-how-not-to-negotiate-enhanced-npt-review-process>

22. United States Mission to the United Nations. (n.d.). Joint press statement from the permanent representatives to the United Nations of the United States, United Kingdom, and France following the adoption. Retrieved from <https://usun.usmission.gov/joint-press-statement-from-the-permanent-representatives-to-the-united-nations-of-the-united-states-united-kingdom-and-france-following-the-adoption/>
23. Sokov, N. (n.d.). Russia and the nuclear ban treaty. Retrieved from <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep17415.6.pdf>
24. Government of the United Kingdom. (n.d.). P5 joint statement on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/news/p5-joint-statement-on-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons>
25. Михайленко, Е. Б., & Дегтярев, Н. С. (2019). Эволюция идеи запрещения ядерного оружия в контексте режима ядерного нераспространения. Вестник Томского государственного университета, (62), 115–127.
26. Организация Объединенных Наций. (2017). Договор о запрещении ядерного оружия. Получено с https://treaties.un.org/doc/Treaties/2017/07/20170707%2003-42%20PM/Ch_XXVI_9.pdf
27. Организация Объединенных Наций. (n.d.). Договор о нераспространении ядерного оружия. Получено с https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml
28. Hanojci, T. (2020). The relationship between the NPT and the TPNW. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 3, 87–91.
29. Shea, T. (2020). On creating the TPNW verification system. Получено с <https://toda.org/assets/files/resources/policy-briefs/92.shea-tpnwv4.pdf>
30. Калинин, Р. Р. (2023). Друг или враг ядерных держав: политические аспекты договора о запрещении ядерного оружия. Вестник Томского государственного университета, (71), 237–245.
31. Docherty, B. (2020). From obligation to action: Advancing victim assistance and environmental remediation at the first meeting of States Parties to the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 3(2), 253–264.
32. Организация Объединенных Наций. (2022). First meeting of States Parties to the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Получено с <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/434/57/pdf/n2243457.pdf?OpenElement>
33. Организация Объединенных Наций. (2023). Second meeting of States Parties to the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Получено с <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/406/72/pdf/n2340672.pdf>

References:

1. Bulletin of the Atomic Scientists. (n.d.). A moment of historic danger: It is still 90 seconds to midnight. Retrieved from <https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/>
2. International Campaign to Abolish Nuclear Weapons. (n.d.). TPNW signature and ratification status. Retrieved from https://www.icanw.org/signature_and_ratification_status
3. 3. Ministerstvo inostrannykh del Respubliki Kazakhstan. (n.d.). Vklad Kazakhstana v yadernoe razoruzhenie, neraspredelenie i mirnoe ispol'zovanie yadernoi energii [Kazakhstan's contribution to nuclear disarmament, non-proliferation, and peaceful use of nuclear energy]. Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-amman/press/article/details/59812?lang=ru>
4. Kassenova, T. (2022). *Atomic steppe: How Kazakhstan gave up the bomb*. Stanford University Press.
5. Koshbaev, Zh. D., & Baizakova, K. I. (2016). Rol' Kazakhstana v ukreplenii rezhima neraspredeleniya yadernogo oruzhiya i ego izbranie v nepostoyannye chleny Soveta Bezopasnosti OON [Kazakhstan's role in strengthening the nuclear non-proliferation regime and its election as a non-permanent member of the UN Security Council]. *Vestnik KazNU. Seriya mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*, (3), 4–11.

6. Amangeldin, R. (2014). Vklad Kazakhstana v delo yadernogo razoruzheniya [Kazakhstan's contribution to nuclear disarmament]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 115–117.
7. Shakirov, K. N. (2014). Mezhdunarodnaya otvetstvennost' Kazakhstana po yadernoi bezopasnosti: Initsiativy Prezidenta N. Nazarbaeva [Kazakhstan's international responsibility for nuclear safety: Initiatives of President N. Nazarbayev]. *Vestnik KazNU. Seriya mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*, (2), 167–169.
8. Azerbaev, S. G. (2020). Yadernoe razoruzhenie Kazakhstana i obshchnost' v etom voprose s afrikanskimi stranami [Kazakhstan's nuclear disarmament and commonality in this issue with African countries]. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (9), 6–12.
9. Velichkov, K. (2021). Kazakhstan's nuclear governance as a foreign policy asset. *NNC RK Bulletin*, (3), 21–28.
10. Erästö, T. (2019). The NPT and the TPNW: Compatible or conflicting nuclear weapons treaties? Retrieved from <https://www.sipri.org/commentary/blog/2019/npt-and-tpnw-compatible-or-conflicting-nuclear-weapons-treaties>
11. Ritchie, N., & Kmentt, A. (2021). Universalising the TPNW: Challenges and opportunities. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 4, 70–93.
12. Kmentt, A. (2021). *The treaty prohibiting nuclear weapons: How it was achieved and why it matters*. Routledge.
13. Gibbons, R. D. (2018). The humanitarian turn in nuclear disarmament and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. *Global Change, Peace & Security*, 25, 11–36.
14. Lennane, R., & Moyes, R. (2021). How can the TPNW regime be sustained? *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 4, 50–69.
15. Keohane, R. O. (1989). Neoliberal institutionalism: A perspective on world politics. In *International institutions and state power* (pp. 1–20). Routledge.
16. Krasner, S. D. (1982). Structural causes and regime consequences: Regimes as intervening variables. *International Organization*, 36(2), 185–205.
17. Young, O. R. (1980). International regimes: Problems of concept formation. *World Politics*, 32(3), 331–356.
18. Mezhdunarodnoe agents'tvo po atomnoi energii. (n.d.). Zony, svobodnye ot yadernogo oruzhiya [Nuclear-weapon-free zones]. Retrieved from <https://www.iaea.org/ru/temy/zony-svobodnye-ot-yadernogo-oruzhiya>
19. Cronberg, T. (2022). The security of nuclear weapon-free zones: The Middle East as a test case for unconditional security assurances. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 5, 45–60.
20. Mikhailenko, E. B., & Mikhailenko, V. I. (2017). Podryvaet li dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya rezhim neraspredeleniya? [Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons undermine the non-proliferation regime?]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*, 12(4), 100–111.
21. Potter, W. C. (2023). Behind the scenes: How not to negotiate an enhanced NPT review process. Retrieved from <https://www.armscontrol.org/act/2023-10/features/behind-scenes-how-not-to-negotiate-enhanced-npt-review-process>
22. United States Mission to the United Nations. (n.d.). Joint press statement from the permanent representatives to the United Nations of the United States, United Kingdom, and France following the adoption. Retrieved from <https://usun.usmission.gov/joint-press-statement-from-the-permanent-representatives-to-the-united-nations-of-the-united-states-united-kingdom-and-france-following-the-adoption/>
23. Sokov, N. (n.d.). Russia and the nuclear ban treaty. Retrieved from <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep17415.6.pdf>
24. P5 Joint Statement on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. (n.d.). Retrieved from <https://www.gov.uk/government/news/p5-joint-statement-on-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons>
25. Mikhailenko, E. B., & Degtyarev, N. S. (2019). Evolyutsiya idei zapreshcheniya yadernogo oruzhiya v kontekste rezhima yadernogo neraspredeleniya [Evolution of the idea of nuclear weapons prohibition in the context of the nuclear non-proliferation regime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (62), 115–127.

26. United Nations. (2017). Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Retrieved from https://treaties.un.org/doc/Treaties/2017/07/20170707%2003-42%20PM/Ch_XXVI_9.pdf
27. United Nations. (n.d.). Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml
28. Hanojci, T. (2020). The relationship between the NPT and the TPNW. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 3, 87–91.
29. Shea, T. (n.d.). On creating the TPNW verification system. Retrieved from <https://tda.org/assets/files/resources/policy-briefs/92.shea-tpnvw4.pdf>
30. Kalinin, R. R. (2023). Drug ili vrug yadernykh derzhav: Politicheskie aspekty dogovora o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [Friend or foe of nuclear powers: Political aspects of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (71), 237–245.
31. Docherty, B. (2020). From obligation to action: Advancing victim assistance and environmental remediation at the first meeting of States Parties to the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 3(2), 253–264.
32. United Nations. (2022). First meeting of States Parties to the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Retrieved from <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/434/57/pdf/n2243457.pdf?OpenElement>
33. United Nations. (2023). Second meeting of States Parties to the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Retrieved from <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/406/72/pdf/n2340672.pdf>

*Материал поступил в редакцию 15.10.2024.
Утвержден к публикации 25.11.2024*

ON THE CURRENT GEOPOLITICAL SITUATION SURROUNDING THE KOREAN PENINSULA

Dulat Bakishev

Professor at Hanguk University of Foreign Studies
(HUFS, Seoul – Yongin, Republic of Korea), PhD in History,
e-mail: dulatastana2002@gmail.com

doi.org/10.52536/2415-8216.2024.112.4.003

Abstract. This article deals with the geopolitical developments happening in the region and the world. The current war in Ukraine has direct implications for political processes in the Republic of Korea and the DPRK and the foreign policies of the two Korean states. The ongoing transformation in the current world order has a profound effect on Central Asian states as well. In this regard, it is important to follow and analyze the events on the Korean Peninsula, which have practical implications for the countries of the Central Asia region.

Keywords: *Korean Peninsula, Central Asia, geopolitics, competition between the US and China, war in Ukraine, “multivector” policy, active neutrality.*

КОРЕЙ ТҮБЕГІНДЕГІ БҮГІНГІ ГЕОСАЯСИ ЖАҒДАЙ ТУРАЛЫ

Дулат Бәкішев

тарих ғылымдары кандидаты, «Хангук» шетелтану университетінің профессоры (Сеул – Ёңин, Корея Республикасы), e-mail: dulatastana2002@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада аймақтағы және әлемдегі геосаясатқа қатысты мәселелер қарастырылады. Украинадағы соғыстың Корея Республикасы мен КХДР - дегі саяси үрдістер мен осы екі корей мемлекетінің сыртқы саясатына тікелей ықпалы бар. Әлемдегі тәртіптің трансформациялануы Орта Азия елдеріне де әсер етеді. Сондықтан Корей түбегіндегі жағдайға сараптама жасау біз үшін практикалық тұрғыдан маңызды іс.

Түйінді сөздер: *Корей түбегі, Орталық Азия, геосаясат, АҚШ пен ҚХР арасындағы бәсеке, Украинадағы соғыс, көпвекторлы саясат, белсенді бейтараптық.*

О ТЕКУЩЕЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Дулат Бакишев

кандидат исторических наук, профессор университета иностранных исследований «Хангук» (Сеул - Ёнинь, Республика Корея), e-mail: dulatastana2002@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются геополитические события, происходящие в регионе и мире. Нынешняя война в Украине имеет прямое влияние на политические процессы в Республике Корея и КНДР, а также на внешнюю политику двух корейских государств. Продолжающаяся трансформация нынешнего мирового порядка оказывает глубокое влияние и на государства Центральной Азии. В этой связи важно следить и анализировать события на Корейском полуострове, имеющие практическое значение для стран Центральноазиатского региона.

Ключевые слова: *Корейский полуостров, Центральная Азия, геополитика, конкуренция между США и КНР, война в Украине, многовекторная политика, активный нейтралитет.*

Introduction

The Korean Peninsula is a clear example of how geopolitics determines the fate and behavior of states.

The Republic of Korea (South Korea) and the DPRK (North Korea) were formed due to the ideological and geopolitical confrontation between the two systems after World War II. During the Cold War, geopolitics strongly influenced the formation and development of these two states.

Due to the geopolitical situation on the peninsula, and despite the great difference in the demographic, economic, financial, scientific, and technological potential of the two countries (in favor of Seoul), the tough confrontation on the peninsula persists to this day. The war in Ukraine and escalating tensions in the Middle East have significantly aggravated the situation on the Korean peninsula.

It should be noted that the two Korean states are not major geopolitical players. Therefore, they are members of respective groups in the conflict between two ideological blocs, which is the essence of global geopolitics.

Therefore, the article focuses mainly on the geopolitical aspect of the situation around the Korean Peninsula.

The war in Ukraine triggered a chain reaction that caused enormous changes in the global world order. There is a process of deepening confrontation between blocs and state systems. The conflict threatens not only the direct participants of the war in Ukraine. Current tectonic shifts affect the situation in the Indo-Pacific Region (IPR) and on the Korean peninsula.

In the foreseeable future, the place and role of the states of the so-called “Global South”, including the countries of Central Asia, will depend on their reaction to these changes.

In the 1990s, Kazakhstan established diplomatic relations with both Koreas. At that time, there was hope that Pyongyang would take the course of reform. However, that didn't happen. Now it is carrying out secret and illegal military programs. Kazakhstan consistently opposes the DPRK's nuclear missile program and advocates denuclearization of this country. In general, there are no close contacts between the countries for many reasons, including the closure of the DPRK.

Astana and Seoul have been able to establish trusting and very productive relations. In the context of the war in Ukraine, there is a growing interest in Kazakhstan on the part of political, business, and academic circles of the "country of morning calm". Recently, several Korean firms have moved their offices and production lines to Kazakhstan.

In June this year, the President of the Republic of Korea paid a very productive visit to three Central Asian countries (Turkmenistan, Kazakhstan, and Uzbekistan). Specific and serious agreements were reached in many areas, especially in the economy.

In particular, in Kazakhstan, the South Korean side will build energy facilities, develop lithium, actively work in the banking sector, etc. More importantly, sustainable ties are being established in technology (e.g., drones), education and science (in particular, the leading Korean institute KAIST plans to open its Central Asian branch in Almaty).

An important political outcome of the negotiations in the capitals of Central Asian states is the launch of a new format of interaction. Thus, a "Korea-Central Asia" summit is planned for May-June 2025 in the capital of South Korea. In particular, Seoul intends to intensify cooperation with our region by implementing the "K - Silk Road" initiative (Korea - Silk Road countries), which prescribes specific directions of multilateral cooperation in priority areas.

As Seoul is a global player in the fields of economy, science and technology, etc., it is important for Kazakhstan to maintain and increase close relationships between states. This is important for South Korea as well. For Seoul, Kazakhstan and the CA region are important subjects of international relations, which will grow and develop dynamically in the near future. In addition, the region has the resources that are necessary for the economic and national security of South Korea.

Therefore, it is very important to regularly monitor the situation around the Korean Peninsula, which is the focus of this article.

Methodology

In writing this article, quantitative methods, analysis and comparison were used. This includes the study of statistical data on development, reports of international organizations and specialized multilateral institutions, scientific articles in the field of geopolitics, issues of war and peace, economics, trade, technology, finance, education and science, and diplomacy. The main emphasis was placed on the problems of geopolitics, strategic stability and security.

Research results and discussions

Situation on the Korean Peninsula

The Korean peninsula has always been characterized by a particular volatility. Here we can limit ourselves to mentioning the fact that during World War II (WWII) it was decided to divide the peninsula into two parts. After the end of World War II, the first major conflict between the two blocs took place on the peninsula (Korean War, 1950-1953).

Despite the fact that after the collapse of the USSR came a period that was called by the American scientist Francis Fukuyama "the end of history", those changes did not directly affect the peninsula. Here, the Cold War, that is, geopolitical confrontation, persisted, and it continues to this day. It should be added that the hot phase of the war stopped after the parties signed the Korean Armistice Agreement (1953).

There are clear indications that the situation has become much more acute in recent years. In the 1990s, Pyongyang decided to acquire its own nuclear shield to ensure its own security. At that time, Russia and China (PRC) were preoccupied with the problems of reform and economic modernization. In particular, for the purposes of modernization and development, they implemented economic projects that were beneficial to themselves, including those involving Western companies. Beijing gradually became Pyongyang's main trade and economic partner, taking the place of the USSR.

War in Ukraine. Geopolitical alliances and blocs

The following factors significantly influenced the aggravation of confrontation on the peninsula:

1. Annexation of Crimea. The war in Donbass (2014). Open full-scale war in Ukraine, which began in February 2022.

2. Deepening distrust and growing global strategic competition between the US and the PRC, between the West and the “bloc of authoritarian countries”.

Amid the war in Ukraine, Seoul, Tokyo, and other allies and partners of Washington in the Indo-Pacific region have undertaken a series of urgent measures and activities that have rallied their ranks.

The cornerstone of strategic security and stability of the IPR, economic well-being and development of such countries as South Korea and Japan for the last seventy years has been the significant U.S. military presence on their territory.

Actions of the DPRK. The DPRK continues to build up its nuclear missile program in defiance of the adopted UN Security Council resolutions. Apparently, it is aimed not only at “threats” from the US, South Korea and Japan. It is intended to ensure DPRK's security along all perimeters of its borders.

In the conditions of the war in Ukraine, S. Korea is pursuing a line of intensification of contacts in the military sphere. This is not only due to considerations of allied or partnership relations. Since the military-industrial complex is a key sector of the DPRK economy, the export of arms, equipment and ammunition brings good economic dividends. Such revenues are also necessary for the continuation of secret military programs.

Policies of Seoul. South Korea is a presidential republic. President Yoon Suk-yeol is seeking international status for his country at the level of a “global pivotal state” (global pivotal state, [1]).

Seoul is not only relying on its increased and significant economic and military capabilities. In the face of Pyongyang's growing nuclear missile threat and rising geopolitical tensions in the region, South Korea has been forced to take the following measures to further strengthen its military-political alliance with Washington and Tokyo.

1. From the outset, the conservative government of President Yoon Suk-yeol (who came to power in May 2022) has made clear its intention to prioritize strengthening its military-political alliance with Washington.

2. Along with this, mutual grievances in relations with Tokyo (mainly “historical issues”) were overcome as soon as possible.

3. Bilateral and trilateral summits were held (the meeting at Camp David in August 2023 was particularly effective). In parallel, there was a significant deterioration in the emotional background and quality of Seoul's relations with Moscow and Beijing (to a lesser extent).

President Yoon Suk-yeol's administration continues to strengthen its partnership with the EU and NATO. This is only due to the need to assist Kiev. In the current geopolitical realities, it is important for Seoul to strengthen its defense capabilities and economic engagement with all developed democracies and their alliances.

Career diplomat Cho Tae-yul, who was appointed as South Korea's foreign minister in January 2024, shared his vision of the situation and his role as the country's foreign minister during a parliamentary hearing.

First of all, in his opinion, “the international order is undergoing seismic changes” today, where “geopolitical landscape trending toward the formation of liberal and authoritarian blocs” [2].

Secondly, “It is a new geopolitical environment where economics, security and technology are interconnected, leading to an inevitable change in the environment where countries sharing constitutional values and values of liberal democracy ultimately see their national interests aligning”. “The world is gradually transitioning into a jungle where the logic of power dominates”. In this context, Minister Cho noted “we should handle relations with China based on the principle of not undermining the Korea-US alliance” [2].

Seoul has to conduct its policy toward Russia “in a stable manner based on principles and standards that align with national interests and values.” The minister does not see any opportunities to improve them in the near future. In Cho Tae-yeol's opinion, due to the current circumstances, restoring relations with Moscow in the future will require enormous efforts.

On April 10, 2024, South Korea held parliamentary elections in which the opposition managed to retain a majority of seats in the National Assembly.

However, the opposition's victory does not mean that the president has completely lost the opportunity to advance his agenda, especially in the international arena. Regardless of the outcome of the elections, the country will continue to strengthen its military-political alliance with Washington.

Washington's policy. President Joe Biden's administration is emphasizing the development of an alliance relationship with Seoul. He visited South Korea on May 20-22, 2022 (i.e. 11 days after the inauguration of President Yoon Suk-yeol). This is related to the fact that the previous President Moon Jae-in (a representative of another political camp, which advocates a “more balanced relations” with all neighbors, especially with the DPRK and the PRC) was not particularly active.

“Conservative” (who are primarily in favor of a strong military-political alliance with the U.S.) Yoon Suk-yeol during his election campaign openly stated the need, together with the U.S., to counter not only threats from the DPRK but also Beijing's very ambitious aspirations in the IPR [3].

President Joe Biden managed to hold several productive summits with the new leader of South Korea in a short period. He also organized the first trilateral summit with the leaders of the U.S., South Korea, and Japan in 12 years (August 18, 2023, Camp David, [4].

In July 2024, the U.S. hosted a NATO summit, to which the leaders of South Korea and Japan were invited [5]. In October this year. Four Indo-Pacific states will attend the NATO Defense Ministers' Meeting for the first time.

Japan. In recent years, Prime Minister Fumio Kishida (Shigeru Ishiba was elected the 102nd Prime Minister of Japan on October 2 this year) has implemented several measures that have led to an increase in Japan's role and status in international

affairs. This is evidenced by the results of his recent visit to the United States. The main outcome is that Tokyo has now become a "global partner" of Washington. Within the framework of the visit, concrete agreements were reached that will contribute to uniting the efforts of the two economic giants, including in the field of artificial intelligence and semiconductors, defense industry (submarine project), quantum mechanics and others. Shigeru Ishiba intends to continue this line.

Strengthening of cooperation in the sphere of economy and technology is also observed in the US relations with South Korea [6]. US President Joe Biden, supported by Democrats in Congress (bipartisan consensus was also reached on some legislation), is implementing several economic measures aimed at developing and attracting modern high-tech industries and "quality" jobs in the USA. Leading South Korean companies are taking a very active part in them. Of particular importance is the cooperation between the two sides in semiconductor and chip manufacturing, electric vehicles (EVs), and other high-tech goods (total: six priority areas).

The PRC factor. Beijing also faces difficult tasks. If we talk about external problems, they include the war in Ukraine; strategic rivalry with Washington; trade wars (primarily with the U.S. and the EU); the consequences of the pandemic, etc. The Chinese government is also facing some challenges.

As for internal processes, the PRC development is negatively affected by the crisis in the real estate sector (which, according to various estimates, accounts for approximately 1/3 of China's GDP and 60% of Chinese household assets), the decline in FDI and Chinese exports, youth unemployment and others.

According to Asia Society [7]: in the foreseeable future, China's GDP growth will not exceed 4% (which is objectively low for a "developing country").

The problem of the middle-income trap is also very urgent for Beijing, which requires serious reforms to overcome.

In its industrial development, the PRC has to some extent followed the model successfully tested earlier by Japan and South Korea (i.e., so-called "export-oriented development"). Since the PRC is larger than these two countries combined, this model is flawed for both China and the world. Therefore, further rapid growth requires not only measures to increase domestic consumption but also specific reforms that will strengthen such attributes necessary for a more developed society as an open society and protect the rights and freedoms of citizens (including entrepreneurs).

The Communist Party of China has set very ambitious goals for the country. In particular, in the defense sphere, the PRC intends to become the "preeminent" military power in Asia.

In today's realities, Seoul needs to reduce its excessive trade dependence on the PRC, as it allows Beijing to exert significant pressure (there are many examples) on Seoul's behavior in the external and internal arenas.

In this regard, South Korea has taken active measures in recent years to ensure its "supply chain security", including in the area of "strategic resources".

Of strategic importance to Seoul is the semiconductor manufacturing sector, where South Korean firms play an important global role. It is known that Washington has imposed controls on the supply of equipment and advanced chips to the PRC.

In general, Seoul does not see China as an imminent current threat (imminent challenge). Washington and its allies in the region view the PRC as a potential "strategic threat" in the medium- and long term.

However, the situation around Taiwan is of serious concern to all states in the region. Seoul experts tend to link the further development of the situation around Taiwan with the outcome of the war in Ukraine.

Speaking at the 60th Munich Security Conference (2024), China's high representative repeatedly reiterated Beijing's position on “the need to avoid competition” and that “it is important for major powers to learn to coexist peacefully and develop mutual trade”. Undoubtedly, Beijing “will protect its national interests.

The general statements of China's leaders and its foreign policy initiatives since the beginning of the war in Ukraine suggest that Beijing intends to maintain its strategic line without much revision. To be more precise, after the 20th Congress of the Communist Party of China (October 2022), Beijing has already softened its rhetoric in relations with the United States and the West in general.

Russian Policy. Since the outbreak of the war in Ukraine, South Korea has demonstrated its commitment to the democratic and liberal values of the West and condemned the aggression together with its allies.

Now there are no direct flights between the countries, economic contacts are minimized (for instance, gas deliveries under previously signed contracts are carried out).

In the foreseeable future, Seoul will be in favor of a military-political alliance with Washington and the preservation of the U.S. military presence on its territory. This is the foundation of the country's prosperity and a guarantee of its national security.

Military sphere

At the end of February 2024, Carlos Del Toro (US Secretary of the Navy) visited South Korea. During his stay, he visited the shipyard of Hyundai Heavy Industries (HHI) and Hanwha Ocean (HHO). Washington intends to increase the capacity and capability of its presence in Asia. These military infrastructure facilities are important for the maintenance of U.S. warships directly in the region.

Carlos Del Toro also familiarized himself with the construction progress of a South Korean Aegis-equipped destroyer (to track and intercept missiles) and a modern Korean Chongnam-class frigate.

In 2022, HHI, having signed a Master Ship Repair Agreement with the U.S. military, opened a marine logistics service center in the Philippines. At this time, the company is also busy producing patrol ships and frigates for Manila's military needs.

During the visit to HHO, the U.S. representative familiarized himself with the construction of the South Korean submarine JangBogo KSS III Batch-I. Following the visit, the U.S. military officer met with South Korean Defense Minister Kim Won-shik, during which the parties agreed “that defense industry collaboration is vital for reinforcing the naval strength of both nations by ensuring supply chain stability and improving joint operational efforts” [8].

Another important development was the recent decision by the U.S. Department of Defense to begin work to sign a new special agreement with South Korea on defense procurement (RDP, Reciprocal Defense Procurement Agreement). It goes in line with the agreements reached by the presidents of the two countries in April 2023 (during the April summit Washington and Seoul decided to strengthen the stability of supply chains in the military sphere by signing a special agreement - RDP Agreement).

Specialists often refer to the RDP Agreement as the “Military Free Trade Agreement” because it aims to reduce trade barriers and increase bilateral trade in this “sensitive” area [9].

It should be added that in November last year, the parties also signed a Security of Supply Agreement, which allows a counterparty to make a "special request" on a priority basis in order to expedite the delivery (receipt) of military goods.

All these joint agreements and measures in the military-political and economic sphere demonstrate the following:

1. The U.S. and South Korea, responding to current problems (primarily the war in Ukraine), are preparing for threats directly in the Indo-Pacific region.

2. The growth of economic potential allows Seoul to take an increasingly clear and unambiguous position in ideological issues as well. Recently, one can increasingly hear Seoul's statements about the need to protect democratic values, freedoms and human rights in the face of the growing threat from authoritarianism and totalitarianism.

The NATO factor. In recent years, South Korea has significantly intensified its engagement with NATO. In particular, President Yoon has personally participated in NATO summits. South Korean representatives regularly participate in the work of the Ramstein Group (although Seoul does not provide significant military assistance to Kyiv).

In other words, NATO is not only strengthening after Finland and Sweden joined but also expanding its interaction with countries far beyond the organization's "area of responsibility".

This interaction is not limited only to the sphere of security and defense. Seoul is interested in economic and trade cooperation. In recent years, there has been an increase in high-level exchanges. Thus, President Yoon has made several visits to European countries in a short period. Here it is enough to limit ourselves to stating the data that the GDP of NATO countries is more than 50% of the world's GDP [10]. The budget of NATO countries (\$1.34 trillion in 2023) is 55% of the defense budget of all countries in the world [11].

As Seoul is a global exporter and intends to play an important role in the arms market as well, President Yoon's administration is taking an active line in this area as well.

For its part, NATO is looking for new partners in other regions, especially in the growing Indo-Pacific region. Geopolitics and current global issues such as cybercrime, climate, space, new technologies, etc. are coming to the fore.

Here I would like to say a few words about the OSCE. Ukraine and Russia are members of this organization. We see that in the current confrontation not only the basic principles of the UN Charter but also the principles of "comprehensive and cooperative security" of the OSCE have been violated. This situation cannot but worry us as well, since the Central Asian states are also full members of the Organization [12].

Conclusion

At present, the world is witnessing rivalry and struggle between geopolitical blocs.

In such a situation, Central Asian states need to maintain a multi-vector foreign policy. The war in Ukraine and the current conflict between "West" and "East" may have a protracted character.

Historically, our region prospered when borders were open for exchange and trade on the Silk Roads.

Therefore, in the challenging geopolitical environment, CA countries need to pursue a policy of "active neutrality". Undoubtedly, it is difficult to repeat the role of Finland or Austria during the Cold War during the new confrontation. Nevertheless, it is important for Kazakhstan to maintain a balance and continue to use both: "active" and "neutrality".

The essence of "active neutrality", in our understanding, is as follows:

1. Kazakhstan cannot behave like Turkmenistan. Its neutrality has turned out to be passive, and the country has practically closed itself off from the outside world. Kazakhstan has a different geographical location and geopolitical environment.

2. Kazakhstan actively participates in the work of such organizations (forums, projects) as CICA, CSTO, EAEC, SCO, "One Belt and One Road", etc. Therefore, "active neutrality" is also beneficial for all our neighbors.

3. Even if Western sanctions are not a threat, Kazakhstan faces the task of ensuring the dynamic socio-economic development of the country.

Kazakhstan needs active neutrality in politics and no less active involvement in the economic processes of the region and the world.

This is due to the fact that in the new geopolitical conditions development, security, and technology are interconnected. Kazakhstan and other Central Asian countries need to maintain access to modern technologies and systems.

Competition between global powers can bring us both harm and benefit. It is important for Kazakhstan and other Central Asian countries to maintain access to modern technologies and systems. Therefore, in these difficult times, these countries need to maintain room for their maneuver. Without this, it is difficult to ensure the dynamic development of the state.

References:

1. Yoon, S.-y. (2022, February 8). South Korea needs to step up. Foreign Affairs. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/articles/south-korea/2022-02-08/south-korea-needs-step>
2. The Korea Herald. (2024, January 8). China trust is needed but priority remains on the US: FM nominee. Retrieved from https://koreaherald.com/view.php?ud=20240108000587&ACE_SEARCH=1
3. White House. (2022, May 21). United States-Republic of Korea leaders' joint statement. Retrieved from <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/21/united-states-republic-of-korea-leaders-joint-statement/>
4. White House. (2023, August 18). The spirit of Camp David: Joint statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States. Retrieved from <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/>
5. Reuters. (2024, April 1). US plans a trilateral summit with Japan, South Korea in July: Japanese media report. Retrieved from <https://www.reuters.com/world/us-plans-trilateral-summit-with-japan-south-korea-july-japanese-media-report-2024-04-01/>
6. The Dong-A Ilbo. (2024, March 16). Samsung is likely to receive over \$6 billion in U.S. semiconductor subsidies. Retrieved from <https://www.donga.com/en/article/all/20240316/4817407/1>

7. Asia Society Policy Institute. (n.d.). China's economy ahead of the Third Plenum: The end of the China miracle. Retrieved from <https://asiasociety.org/policy-institute/chinas-economy-ahead-third-plenum-end-china-miracle>
8. The Korea Herald. (2024, February 28). US Navy secretary scouts Korean shipbuilders for fleet support. Retrieved from <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20240228050672>
9. The Korea Herald. (2024, February 28). US takes a step toward signing defense procurement pact with S. Korea. Retrieved from <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20240228050112>
10. World Bank. (n.d.). GDP (current US\$) - Korea, Rep. Retrieved from <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>
11. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). (2024, April). Military expenditure 2023. Retrieved from https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-04/2404_fs_milex_2023.pdf
12. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). (2009, June). The OSCE concept of comprehensive and cooperative security. Conflict Prevention Center. Operations Service. Vienna. Retrieved from <https://www.osce.org/>

*Материал поступил в редакцию 22.10.2024.
Утвержден к публикации 25.11.2024*

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: КЕЙС КАЗАХСТАНА²

Аида Сагинтаева^{1*},
Гүлжанат Гафу²,
Жулдыз Давлетбаева³,

¹ кандидат филологических наук, доцент, декан Высшей школы образования Назарбаев Университета, e-mail: asagintayeva@nu.edu.kz

² PhD в сфере образования, постдокторант Высшей школы образования Назарбаев Университета, e-mail: gulzhanat.gafu@nu.edu.kz

³ кандидат социологических наук, профессор Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, e-mail: zhuldyz.davletbayeva@apa.kz

ORCID²: 0000-0003-3625-5745

ORCID³: 0000-0002-3094-5254

doi.org/10.52536/2415-8216.2024.112.4.004

Аннотация. Образование в интересах устойчивого развития (ОУР) представляют собой целенаправленные образовательные мероприятия, которые направлены на решение проблем глобальной справедливости и устойчивого развития. В Казахстане осуществление этой цели сосредоточено на создании равных образовательных возможностей, как указано в национальной Концепции развития высшего образования. Однако существует проблема фрагментарного восприятия ОУР, при котором не хватает целостного подхода к внедрению концепции устойчивости в секторе высшего образования. В данной статье мы аргументируем, что необходимо более целостно подходить к интеграции ОУР во все аспекты образовательной системы, не просто как отдельной темы, но и как основополагающего принципа во всех аспектах высшего образования, что обеспечит формирование глобальной гражданственности и системного мышления у студентов. Для интеграции принципов устойчивости в систему высшего образования предлагается

¹ Исследование выполнено в рамках проекта третьего потока Талдау мектебі - Школа аналитики.

ряд стратегий, направленных на трансформацию образовательных систем. Разработка и реализация комплексных стратегий, таких как создание целостной рамки ОУР, обеспечение финансовой поддержки инициативам и проведение информационных кампаний, могут значительно продвинуть Казахстан на пути к устойчивому развитию через образование. Это требует совместных усилий и постоянного диалога между всеми заинтересованными сторонами, включая организации высшего образования, правительственные институты, частный сектор и широкую общественность.

Ключевые слова: образование в интересах устойчивого развития, Казахстан, целостная рамка, инклюзивность

ТҰРАҚТЫ ДАМУ ҮШІН БІЛІМ БЕРУ: ҚАЗАҚСТАН МӘСЕЛЕСІ

Аида Сағынтаева^{1*}, Гүлжанат Гафу², Жұлдыз Давлетбаева³

¹ филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Назарбаев Университеті Білім беру жоғары мектебінің деканы, e-mail: asagintayeva@nu.edu.kz.

² Білім беру саласындағы PhD докторы, Назарбаев Университеті Жоғары білім мектебінің постдокторанты, e-mail: gulzhanat.gafu@nu.edu.kz.

³ элеуметтану ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Мемлекеттік саясаттың ұлттық мектебінің профессоры, zhuldyz.davletbayeva@apa.kz

Аңдатпа. Тұрақты даму үшін білім беру (ТББ) – жаһандық әділеттілік пен тұрақты даму мәселелерін қарастыратын мақсатты білім беру жүйесі. Қазақстанда бұл мақсатты жүзеге асыру жоғары білім беруді дамытудың ұлттық тұжырымдамасында көрсетілгендей білім берудің тең мүмкіндіктерін жасауға бағытталған. Дегенмен, жоғары білім беру жүйесінде тұрақтылық тұжырымдамасын жүзеге асыруға біртұтас көзқарас жоқ. Бұл мақалада біз ТББ-ны студенттерде жаһандық азаматтық пен жүйелік ойлауды дамыту мақсатында білім беру жүйесінің барлық аспектілеріне жеке тақырып ретінде ғана емес, іргелі қағидат ретінде біріктіру үшін неғұрлым тұтас көзқарас қажет екенін жеткіземіз. Жоғары білімге тұрақтылық қағидаттарын біріктіру үшін білім беру жүйелерін түрлендірудің бірқатар стратегиялары ұсынылады. Біртұтас ТББ негізін құру, бастамаларға қаржылық қолдау көрсету және ақпараттық науқандарды өткізу сияқты кешенді стратегияларды әзірлеу және іске асыру Қазақстанды білім беру арқылы тұрақты дамуға айтарлықтай ілгерілетеді. Бұл барлық мүдделі тараптардың, соның ішінде жоғары оқу орындарының, мемлекеттік органдардың, жеке сектордың және жалпы жұртшылықтың бірлескен күш-жігерін және тұрақты диалогын талап етеді.

Түйінді сөздер: тұрақты даму үшін білім беру, Қазақстан, тұтас құрылым, инклюзивтілік

EDUCATION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THE CASE OF KAZAKHSTAN

Aida Sagintaeva^{1*}, Gulzhanat Fafu², Zhuldyz Davletbaeva³

¹ PhD in Philology, Associate Professor, Dean of the Higher School of Education, Nazarbayev University, e-mail: asagintayeva@nu.edu.kz.

² PhD in Education, postdoctoral fellow at the Higher School of Education, Nazarbayev University, e-mail: gulzhanat.gafu@nu.edu.kz.

³ PhD in Sociology, Professor, National School of Public Policy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, zhuldyz.davletbayeva@apa.kz

Abstract. Education for sustainable development (ESD) is a purposeful educational activity that addresses issues of global justice and sustainable development. In Kazakhstan, the implementation of this goal is focused on creating equal educational opportunities, as stated in the National Concept for the Development of Higher Education. However, there is a problem of fragmented perception of ESD, which lacks a holistic approach to the implementation of the concept of sustainability in the higher education sector. In this article, we argue that there is a need for a more holistic approach to integrating ESD into all aspects of the educational system, not just as a separate topic but as a fundamental principle in all aspects of higher education, which will ensure the development of global citizenship and systems thinking in students. A number of strategies are proposed to transform educational systems to integrate sustainability principles into higher education. Developing and implementing comprehensive strategies, such as creating a holistic ESD framework, providing financial support for initiatives, and conducting information campaigns, can significantly advance Kazakhstan towards sustainable development through education. This requires a collaborative effort and ongoing dialogue among all stakeholders, including higher education organizations, government agencies, the private sector, and the general public.

Keywords: *education for sustainable development, Kazakhstan, holistic framework, inclusivity.*

Введение

Концепция качественного образования предполагает, что образовательные цели и задачи успешно достигнуты и выполнены, при этом качество оценивается в контексте определения обществами целей образования. Традиционно, особенно в индустриализированных странах, образование сосредотачивалось на подготовке квалифицированной рабочей силы, стремящейся к совершенству в определенных дисциплинах. Однако недавние исследования [1], включая анализ образовательных систем в 22 азиатских странах [2], выявили тенденцию акцентирования внимания на подготовке студентов к конкурентоспособности в глобальной экономике, а не на формировании их как критически мыслящих и ответственных граждан в соответствии с целями Образования для устойчивого развития (ОУР).

Цели устойчивого развития (ЦУР), принятые ООН, предлагают глобальный план действий по решению ключевых проблем, от искоренения бедности до обеспечения качественного образования для всех [3]. В данном аспекте образование универсально признано как важнейшая сила перемен, предлагающая потенциал для изменения общественных ценностей, восприятий и поведения в сторону устойчивости. Однако реализация концепции ОУР сталкивается с рядом проблем, включая неопределенность целей и несоответствие образовательных подходов. Исследования

показывают ограниченную эффективность существующих инициатив и вызывают необходимость в новых стратегиях, учитывающих комплексность устойчивого развития.

В данной аналитической статье раскрывается ключевая роль ОУР в решении национальных и глобальных проблем устойчивости. В этом контексте образование выступает не просто как инструмент передачи знаний, но как мощный катализатор социальных изменений, способный переосмыслить устойчивость и интегрировать ее принципы в повседневную жизнь. Однако, несмотря на признание значимости образования в достижении устойчивого развития, многие существующие образовательные подходы сталкиваются с проблемами адаптации к сложной и многогранной природе устойчивости, что требует выработки новых стратегий и методик.

Соответственно, целью данного исследования заключается в оценке текущего состояния образования для устойчивого развития в Казахстане, выявлении ключевых проблем и предложении рекомендаций по улучшению. Исследование направлено на выявление барьеров, мешающих эффективной интеграции принципов устойчивого развития в образовательную систему страны, а также на изучение международного опыта, особенно скандинавских стран, для адаптации успешных практик в Казахстане.

В статье мы ставим следующий исследовательский вопрос: Способствует ли политика высшего образования внедрению концепции ОУР? Для ответа на данный вопрос мы провели качественный анализ содержания официальных политик и документов в сфере высшего образования. Далее был проведен сравнительный анализ опыта внедрения ОУР в скандинавских странах, чтобы на его основе выработать рекомендаций для казахстанской системы высшего образования.

Концепция образование для устойчивого развития в глобальной повестке дня

ОУР представляет собой глобально признанный подход в образовании, который стремится к формированию знаний, навыков, ценностей и отношений, необходимых для продвижения устойчивого будущего [4]. Определение ОУР по UNESCO звучит как:

«Образование для устойчивого развития означает включение ключевых вопросов устойчивого развития в преподавание и обучение; например, изменение климата, снижение риска стихийных бедствий, биоразнообразие, сокращение бедности и устойчивое потребление. Для этого также необходимы методы совместного преподавания и обучения, которые мотивируют и дают учащимся возможность изменить свое поведение и принять меры для устойчивого развития. Образование для устойчивого развития, следовательно, способствует развитию таких компетенций, как критическое мышление, представление сценариев будущего и совместное принятие решений» [5].

В данном определении можно выделить два фокуса ОУР: содержание образования и педагогика. Касательно содержания можно увидеть, что ОУР охватывает различные дисциплины: изменение климата, сокращение бедности, потребление и т.д., а междисциплинарность имеет решающее значение для понимания сложности проблем устойчивого развития [6]. В литературе по ОУР это понятие называется целостным подходом, поскольку оно включает в себя множество точек зрения на содержание. Это означает,

что ОУР выходит за рамки традиционного экологического образования, охватывая экономические, социальные и экологические аспекты, делая акцент на их взаимосвязи во времени и пространстве [7]. В своем описании ОУР как традиции преподавания Ohman выделяет три основных аспекта целостного подхода: соединить экологические, социальные и экономические измерения проблем УР, интегрировать их прошлые, настоящие и будущие последствия и сосредоточиться на их местных, региональных, и глобальный характер [8].

Второй важный аспект касается процесса преподавания и обучения. Так как ОУР направлено на развитие навыков и компетенций для действий в целях устойчивого развития [9], педагогика ОУР характеризуется включением и признанием различных точек зрения, мнений и ценностей при решении вопросов устойчивого развития. В литературе по ОУР такая педагогика называется плюрализм [10]. Основная идея заключается в том, что сложность этих проблем и конфликт интересов делают невозможным обучение заранее определенным решениям. Вместо того чтобы учить «правильным» ответам и реагированию на вопросы устойчивого развития, ОУР сосредотачивается на критическом осмыслении проблем [11]. Этот прогрессивный и трансформирующий подход к преподаванию развивает у учащихся способность критически оценивать альтернативные точки зрения и требует применения ориентированных на учащегося стратегий обучения, таких как критическое мышление, совместное принятие решений, обучение, основанное на ценностях, и много методические подходы [12].

Тем самым, ОУР не просто обучает об устойчивости; оно вовлекает учащихся в процесс принятия ответственных решений и действий, которые учитывают долгосрочное благополучие экономики, экологии и социальной справедливости. ОУР обеспечивает платформу для подготовки следующего поколения к принятию информированных и ответственных решений, которые будут способствовать созданию более устойчивого, справедливого и процветающего мира для всех.

В то же время, ОУР стало предметом обширных академических и политических дискуссий с точки зрения его интеграции в образовательную политику. Эти дискуссий охватывают разные аспекты систем образования и процесса обучения в частности, включая педагогические подходы, внедрение в содержание образования, глобальный или локальный контекст содержания образования, метрики для оценки результатов ОУР, роль технологии, и т.д. Они также показывают, что, несмотря на инициативы на глобальном и местном уровне, общее мнение заключается в том, что реализация ОУР является сложной задачей. Более того, они демонстрируют необходимость постоянного критического осмысления и диалога по вопросам интерпретации и реализации образования в интересах устойчивого развития, а также необходимость комплексного и интегрированного подхода к устойчивому развитию, особенно в различных контекстах.

Внедрение ОУР в образовательные системы по всему миру является ключевым для достижения ЦУР. Так, Дорожная карта ЮНЕСКО «Образование в интересах устойчивого развития» рекомендует правительствам стран трансформировать систему образования для того, чтобы у обучающихся во всех сферах жизни во всем мире была возможность приобрести знания, навыки, ценности и взгляды, необходимые для содействия устойчивому

развитию и достижения 17 ЦУР, а также испытать устойчивое развитие в действии посредством целостного (схоластического) подхода к ОУР [4]. Наряду с этим, разработчики стратегии ЮНЕСКО предполагают, что принципы ОУР и цели 4.7 важно включить в основные национальные стратегии, в том числе по образованию, работе с молодежью, и других структурных документах.

Опыт скандинавских стран

Лидерами в области образования для устойчивого развития (ОУР) являются скандинавские страны, такие как Швеция, Дания, Норвегия и Финляндия. Они достигли значительных успехов в интеграции устойчивого развития в учебные программы благодаря междисциплинарным подходам и поддержке на государственном уровне. В данной статье анализируются ключевые стратегии и методы, используемые в скандинавских странах для интеграции ОУР, и их влияние на формирование системного мышления у студентов и готовности к активному гражданскому участию.

Швеция занимает лидирующую позицию в интеграции ОУР в образовательную систему. С 1990-х годов устойчивое развитие стало обязательной частью учебных программ всех уровней образования. Междисциплинарный подход помогает студентам понять взаимосвязь между экологическими, экономическими и социальными аспектами устойчивого развития. Такой подход способствует более глубокому пониманию сложных проблем и развивает навыки критического мышления [13].

В Дании устойчивое развитие интегрировано в образовательную систему, начиная с начального образования и заканчивая высшими учебными заведениями. Образовательные инициативы активно поддерживаются государством, что способствует формированию культуры устойчивости и осведомленности среди студентов. Датские учебные программы включают проектные работы и практические занятия, направленные на решение реальных проблем устойчивого развития [14].

Норвегия активно внедряет ОУР в свои образовательные программы, уделяя особое внимание вопросам климатических изменений и экологической ответственности. В 2006 году норвежское правительство утвердило Национальную стратегию по образованию для устойчивого развития, включающую рекомендации по интеграции устойчивого развития в учебные программы и методологии преподавания [15].

Финляндия уделяет особое внимание развитию критического мышления и практических навыков, необходимых для решения вопросов устойчивого развития. Финская система образования направлена на подготовку студентов к активному участию в решении глобальных и местных проблем через проектные работы и междисциплинарные инициативы [16].

Анализ национальных образовательных документов показывает, что в скандинавских странах интеграция устойчивого развития происходит на всех уровнях образования. В Швеции учебные программы включают обязательные курсы по устойчивому развитию, а междисциплинарные проекты позволяют студентам понимать комплексность глобальных проблем [13]. В Дании государственная поддержка и участие местных сообществ способствуют успешной реализации образовательных инициатив [14]. Финляндия делает акцент на развитии критического мышления и практических навыков [16]. Норвегия уделяет большое внимание профессиональному развитию преподавателей [17].

Интеграция устойчивости в образовательный процесс в скандинавских странах представляет собой успешный пример системного подхода к решению глобальных проблем через образование. Государственная поддержка и междисциплинарные подходы играют ключевую роль в успешной реализации ОУР. Опыт скандинавских стран показывает, что для успешной интеграции ОУР необходимо активное участие всех заинтересованных сторон, включая государственные институты, образовательные учреждения и местные сообщества.

Контекст исследования

Казахстан участвует в глобальном устойчивом развитии с 2000 года, когда были приняты Цели развития тысячелетия. В 2015 году ООН инициировала ЦУР, установив 17 целей и 169 задач по решению проблем бедности, справедливости и защиты окружающей среды посредством совместных усилий 193 стран, включая Казахстан. С тех пор Казахстан активно продвигает идею ЦУР в различных секторах экономики. Например, в 2018 году была создана национальная система ЦУР с Координационным советом и пятью межсекторальными рабочими группами, каждая из которых координирует и работает по разным аспектам ЦУР [18]. В 2020 году Казахстан подписал «Рамочную программу ООН по сотрудничеству в области устойчивого развития на 2021-2025 годы», в которой изложены стратегические принципы и приоритеты, определяющие сотрудничество между Казахстан и ООН. Тем самым, за последнюю декаду Казахстан добился значительного прогресса во всех секторах, обеспечивая прогресс в реализации инициатив по экономическим, экологическим и социальным аспектам ЦУР.

Соответствие страны ЦУР заметно в ее экономических стратегиях, изложенных в «Казахстан-2030» и «Казахстан-2050», в которых особое внимание уделяется экологическим инициативам таких как «Зеленый Казахстан» или ЕХРО 2017 ‘Будущая Энергия’. В социальном аспекте, в секторах образования и здравоохранения, как отмечает Организация Объединенных Наций (2020), страна добилась успехов в повышении качества за счет увеличения расходов в этих областях. Кроме того, социальный аспект получает дальнейшее развитие благодаря программе гендерного равенства, правам внутри семей и равным экономическим возможностям в рамках более широкой приверженности гендерному равенству [19].

В секторе высшего образования университеты (например, Narxoz, AlmaU, КазНУ им. Аль-Фараби) создали центры ЦУР. Одним из важнейших обязательств Казахстана в продвижении повестки ЦУР является создание SDSN Казахстан, национальной сети под эгидой Сети решений ООН по устойчивому развитию (UN SDSN) в Назарбаев Университете.

Ряд университетов (26 вузов) участвуют в глобальных рейтингах, таких как Times Higher Education Impact Ranking, который оценивает университеты на соответствие ЦУР. Последние данные Times Higher Education Impact Ranking за 2024 демонстрируют, что лидерами из вузов по ЦУРам являются КазНУ им. Аль-Фараби, также Карагандинский медицинский университет и Алматы университет менеджмента (AlmaU), расположившиеся на 401-600 801-1000 позициях соответственно [20].

Результаты данного рейтинга показывают, что казахстанские университеты демонстрируют заметные сильные стороны в таких областях, как гендерное равенство (ЦУР 5), партнерство (ЦУР 17) и ответственное потребление (ЦУР 12). Однако, как видно по результатам Times Higher Education Impact Ranking за 2024, необходимы значительные улучшения в ликвидации бедности (ЦУР 1), борьбе с голодом (ЦУР 2), здоровье (ЦУР 3), сокращении неравенства (ЦУР 10), устойчивом развитии сообществ (ЦУР 11) и правосудии и сильных институтах (ЦУР 16) [20]. Улучшение в этих областях поможет казахстанским университетам лучше соответствовать глобальным целям устойчивого развития и способствовать развитию общества.

В системе образования Казахстана ЦУР 4 «Качественное образование» продвигается через инклюзивность и доступность образования, согласно Концепции развития высшего образования на 2023-2029 гг. от Министерства науки и высшего образования (МНВО). Это включает меры для обучения студентов с особыми образовательными потребностями и переквалификацию преподавателей. В то же время, как показывают исследования, несмотря на некоторый сдвиг в сторону инклюзивного образования в стране, эта концепция все еще не совсем понятна заинтересованным сторонам в казахстанских школах, поскольку в настоящее время он в основном ориентирован на детей-инвалидов, а не на детей с ограниченными возможностями и другие категории разнообразия [21].

Вместе с тем наблюдается, что не все задачи ЦУР 4 в полном объеме включены в политику высшего образования. Так, например задача 4.7, которая включает в себя «обучение по вопросам устойчивого развития и устойчивого образа жизни, прав человека, гендерного равенства, пропаганды культуры мира и ненасилия, гражданства мира и осознания ценности культурного разнообразия и вклада культуры в устойчивое развитие» недостаточно прослеживается или не акцентируется в дискурсе политики. Более того представление задачи 4.7 во взаимосвязи с ЦУР 13, акцентирующей на необходимости срочных действий для борьбы с климатическими изменениями и их последствиями, не совсем четко выражается. Например, для достижения задачи МНВО разработан национальный индикатор, фокусирующийся на «Проценте студентов, участвующих в социально значимых проектах», что не совсем дает понятия взаимосвязи с борьбой с изменением климата. К мероприятиям для достижения задачи 4.7 МНВО относит активное функционирование органов студенческого самоуправления, включая студенческие парламенты, дебатные и спортивные клубы, а также интеллектуальные кружки, направленные на развитие различных компетенций студентов. Реализуется комплекс идеологических и воспитательных мер, целью которых является воспитание у студентов чувства социальной ответственности, равенства, патриотизма, а также привитие религиозных ценностей и продвижение идей «Еңбек адамы» и «Толық адам». В этом контексте также были разработаны и интегрированы в учебный процесс программы по финансовой грамотности и созданы структуры для социализации и воспитания молодежи, включая институт студенческого омбудсмена. Однако не четко указана взаимосвязь студенческого активизма и борьбы с изменением климата, включая зеленые навыки, необходимые для перехода к устойчивости.

Таким образом, прослеживается не совсем комплексная интеграция устойчивого развития в высшее образование, что может привести к проблеме обучения и воспитания осознанных граждан для решения локальных и глобальных проблем устойчивого развития на практике. ОУР должно вписываться в задачу 4.7 и охватывать не только инклюзивность и доступность образования, но и комплексную интеграцию устойчивого развития в высшее образование. Это подчеркивает необходимость всестороннего подхода к образованию, где образовательные программы и инициативы направлены на формирование системного мышления, социальной ответственности и готовности к решению глобальных проблем, включая изменение климата.

В следующих разделах представлена методология, результаты анализа документов и обсуждение результатов с последующими рекомендациями для целостного подхода к внедрению ОУР в системе национального ВО.

Методы исследования

В статье для изучения концепции образования для устойчивого развития в образовательной политике Казахстана применяется качественный контент-анализ (QCA). QCA был выбран из-за его способности выявлять глубинные значения и взаимосвязи в текстовых данных, что особенно важно для оценки политики и стратегий в области образования [22].

Анализ проводился на основе национальных нормативно-правовых актов (НПА) и законодательных документов, формирующих общую стратегию развития страны, таких как Стратегия развития «Казахстан-2050» и Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года. Дополнительно были рассмотрены Закон об образовании (2007 г.) и Концепция развития высшего образования и исследований на 2023-2029 годы. Эти документы были выбраны по принципу их актуальности и значимости для текущей образовательной политики Казахстана. Другие документы этого уровня включают государственные обязательные стандарты, а также политики, регулирующие деятельность вузов. Законы отбирались по принципу их действия на момент исследования, а стратегии и концепции проверялись на предмет их современной применимости.

Анализ включал несколько этапов:

- Идентификация ключевых терминов и понятий: Поиск ключевых терминов, связанных с ОУР, в текстах документов в соответствии с определением ОУР, данным ЮНЕСКО.

- Категоризация данных: Разделение данных на концептуальные категории, такие как инклюзивность, устойчивое развитие, гражданское участие и т.д.

- Интерпретация данных: Выявление взаимосвязей между различными аспектами ОУР и их отражение в политических документах.

Рассмотрение ОУР как руководящего концепта и поиск ключевых терминов в документах показывают, что ЦУР 4 реализуется через семь ключевых задач и три механизма их достижения. В рамках концептуальных категорий, связанных с ОУР в документах, мы сначала посмотрели, рассматривается ли ОУР как руководящий концепт. Мы выяснили, существуют ли конкретные цели и задачи, связанные с устойчивым развитием, в национальных стратегиях и политиках высшего образования.

Результаты исследования

В данном разделе представлен анализ политик национального и системного уровней для получения ответа на исследовательский вопрос, изложенный выше. Первый уровень анализа включает в себя Стратегию «Казахстан-2050» и Национальный план развития Республики Казахстан до 2025³, чтобы понять, насколько ОУР отражен в данных документах как аспект развития. Анализ национальных политических документов показывает, что стратегия «Казахстан-2050» и Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 отражают ОУР как аспект развития. В этих документах образование рассматривается как ключевой фактор экономического планирования и развития функциональной грамотности среди населения.

Как общенациональная стратегия развития, «Казахстан-2050» акцентирует на комплексном подходе к экономическому росту, социальному благосостоянию и национальному единству, подчеркивая важность квалифицированных кадров и образования в достижении стратегических целей. Образование рассматривается как ключевой фактор экономического планирования, ориентированного на потребности рынка и развитие функциональной грамотности среди населения. Стратегия также выделяет важность национальной идентичности и патриотизма для обеспечения прогресса и единства Казахстана.

В Национальном плане развития Республики Казахстан до 2025 года подчеркивается, что возрастает спрос на «гибкие» навыки, такие как технологические, социально-эмоциональные и высшие когнитивные. В числе 7-ми принципов реализации плана включен компонент «развитие человеческого капитала, инвестиции в образование нового типа» [23].

На уровне государственных политик в области устойчивого развития обсуждаются подобные вопросы, например, в Добровольном национальном обзоре целей устойчивого развития за 2023 год подчеркивается важность развития навыков обучения на протяжении всей жизни [24]. Политика в области «зеленой» экономики призывает к реализации широкомасштабной образовательной программы на национальном уровне, однако подразумевает только школьную систему и через предметы как Экология.

Согласно Закону «Об образовании», воспитание гражданственности и патриотизма, развитие и профессиональное становление личности на основе национальных и общечеловеческих ценностей являются основными задачами системы образования Казахстана [25]. Вышеупомянутые ценности подчеркнуты, хотя и не разъяснены в законе, это общая черта любых юридических текстов, где акцент делается на определении целей, а не на разъяснении процесса их достижения.

Концепция развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023-2029 годы задает направление развития образования и науки через 17 целевых показателей по 13 направлениям, таким как улучшение доступности, интернационализация и модернизация высшего образования.

³ В настоящее время утратил силу Указом Президента РК от 30.07.2024 № 611.

Документ также касается третьей миссии университетов, утверждая, что она включает «организацию социально значимых проектов, обеспечение исследований и технологического развития в регионе». Также упоминается важность обеспечения целостного развития студентов через социальный опыт, социальную ответственность и самоуправление.

На этом же уровне Государственный стандарт высшего и послевузовского образования устанавливает требования к образовательному процессу, включая результаты обучения и учебную нагрузку. В документах также обсуждаются принципы, которым должны следовать университеты, включая активное гражданство и здоровый образ жизни студентов. ГОСО также определяет компетенции, которые студенты должны усвоить через общеобязательные дисциплины, такие как межкультурная и межличностная коммуникация, предпринимательство, здоровый образ жизни, этика коммуникаций, междисциплинарность, обучение в течение всей жизни и адаптация к изменяющимся социокультурным условиям. Более детально, для общеобязательных дисциплин, Типовая учебная программа описывает цели и структуру обучения для всех студентов первого курса, где предложены интеграция темы устойчивого развития в различных дисциплинах. Однако ни в одном из этих документов не прослеживается сама идея устойчивости как основная идея развития. Более того, не прослеживается акцент на зеленые навыки и другие компетенции для изменения систем, отношений и поведения, необходимых для перехода к справедливому миру с низким уровнем выбросов и устойчивости к изменению климата.

Обзор национальной политики показывает, что образование рассматривается в первую очередь как инструмент экономического роста, с акцентом на подготовку кадров, соответствующих потребностям рынка труда. В то же время, нельзя утверждать, что ОУР как концепт отсутствует вовсе. Анализ показал, что некоторые его элементы присутствуют в государственной политике, такие как обучение на протяжении всей жизни, активное гражданство и адаптации к глобальным вызовам. Однако обзор литературы демонстрирует, что основная идея ОУР – продвижение системного мышления – на данном этапе не отражена в образовательной политике Казахстана в полной мере.

Обсуждение

Возвращаясь к основному исследовательскому вопросу «Способствует ли политика высшего образования внедрению концепции ОУР?» можно отметить несколько важных нюансов. Во-первых, интеграция устойчивости в образовательный процесс представляет собой уникальный набор задач, которые значительно варьируются в зависимости от культурных, экономических и образовательных особенностей каждой страны. В Казахстане, стране с огромными природными ресурсами и переходной экономикой, интеграция ОУР в учебные программы сталкивается с особыми трудностями. Например, внедрение принципов ОУР в учебные программы часто носит непоследовательный характер, что приводит к значительному разрыву между преподаваемым материалом и более широкими целями устойчивости. Это несоответствие можно отнести к начальному этапу развития ОУР в стране,

где до сих пор преобладают традиционные образовательные модели, а устойчивость часто рассматривается как дополнительный, а не неотъемлемый элемент образования. Такой систематический подход способствует более целостному пониманию устойчивости среди студентов и более тесно соответствует национальным целям в области устойчивости.

Во-вторых, оценка эффективности программ ОУР в Казахстане затруднена из-за ограниченности эмпирических исследований в этой области. Существующие данные предполагают несоответствие между целями инициатив ОУР и фактическими результатами, вызывая вопросы о способности текущих образовательных стратегий способствовать глубокому пониманию и приверженности принципам устойчивости. В отличие от этого, страны, такие как Финляндия, существенно инвестировали в исследования и инновации в образовании, включая ОУР, что привело к более обоснованному подходу к разработке учебных программ и лучшему пониманию эффективности различных практик ОУР. Более того опыт скандинавских стран представляет собой успешный пример интеграции устойчивости в учебный процесс через интерактивные и практические методы, часто вовлекая студентов в проектную работу и решение реальных проблем, связанных с их собственным опытом и сообществами. Это поддерживает интерес и мотивацию студентов и способствует более глубокому пониманию принципов устойчивого развития [13; 15].

В третьих, в Казахстане распространенные неверные толкование и восприятие устойчивости могут препятствовать эффективному образованию по данной теме. Эти заблуждения могут проистекать из-за недостатка общественного осознания и понимания вопросов устойчивости, что приводит к скептицизму относительно осуществимости устойчивых практик. В отличие от этого, во многих развитых странах, как Дания, Швеция и Финляндия, давно проводятся общественные кампании и образовательные программы, направленные на развенчание мифов об устойчивости и продвижение более осведомленного и позитивного взгляда на устойчивое развитие. Это способствует формированию культуры устойчивости в этих обществах, что, в свою очередь, делает образование по данной теме более эффективным.

Сравнение Казахстана со скандинавскими странами подчеркивает важность систематического, основанного на исследованиях подхода к интеграции ОУР в образовательную систему. Необходимо сделать образование в области устойчивости релевантным и привлекательным, а также признать роль общественного сознания в формировании отношения к устойчивости. Для Казахстана принятие некоторых стратегий и практик из этих стран может предложить ценные идеи для преодоления проблем интеграции устойчивости в образование, тем самым повышая эффективность ОУР и способствуя более устойчивому будущему.

Для успешной интеграции ОУР в Казахстане важно учесть следующие элементы из опыта скандинавских стран:

- *Государственная поддержка и финансирование:* Необходима государственная поддержка инициатив ОУР, а также создание специальных фондов или грантов для их реализации.

- *Междисциплинарный подход:* Включение вопросов устойчивости в различные дисциплины учебных программ, что позволит студентам понять комплексность глобальных проблем.

- *Проектная работа и практические занятия*: Вовлечение студентов в реальные проекты, направленные на решение проблем устойчивого развития, что способствует развитию критического мышления и навыков сотрудничества.

В Казахстане основные барьеры включают фрагментарное восприятие ОУР на уровне политики образования и недостаток общественного осознания вопросов устойчивого развития. Эти барьеры могут быть преодолены через проведение информационных кампаний и повышение осведомленности общества. В то же время, значительные природные ресурсы и переходная экономика создают возможности для внедрения инновационных подходов к ОУР.

Рекомендации по политике и практике в системе высшего образования Казахстана

Стратегии устойчивого развития в высшем образовании

Разработка целостной рамки для ОУР

Создание гибкой и всесторонней основы для ОУР является ключевым моментом для высшего образования Казахстана. Эта структура должна быть точно настроена на уникальную образовательную среду Казахстана, учитывая специфические потребности и проблемы образовательных учреждений. Она должна предоставлять ясные указания по внедрению устойчивых принципов в академические и исследовательские программы, согласуясь с национальными стратегиями развития Казахстана и глобальными ЦУР. Включение местных и региональных аспектов устойчивости повысит релевантность и эффективность ОУР для студентов.

Обеспечение финансовой поддержки

Адекватное финансирование является жизненно важным для успешной реализации инициатив ОУР в казахстанском высшем образовании. Необходимо финансировать широкий спектр мероприятий, включая разработку курсов, профессиональное развитие преподавателей в области устойчивого образования и создание новаторских учебных ресурсов. Рекомендуется, чтобы правительство Казахстана в сотрудничестве с международными организациями и представителями частного сектора рассмотрело возможность создания специальных фондов или грантов для поддержки инициатив по ОУР, что обеспечит их устойчивость и развитие.

Информационные кампании для общественности

Информационные кампании, направленные на повышение осведомленности о значимости устойчивого образования, критически важны для расширения его влияния в Казахстане. Цель таких кампаний - просвещение общественности о вкладе высшего образования в решение проблем устойчивости и о значении ОУР в подготовке нового поколения лидеров и специалистов. Медийные акции, открытые лекции и общественные мероприятия, демонстрирующие успехи и достижения в области ОУР в университетах, помогут привлечь внимание к этой важной теме. Активное участие студентов и преподавателей в этих мероприятиях способствует формированию устойчивых ценностей в обществе и поддерживает стремление к устойчивому развитию на всех уровнях.

Реализация этих стратегий позволит Казахстану значительно продвинуться в интеграции устойчивых принципов в систему высшего образования, способствуя формированию устойчивого и ответственного общества.

Новые подходы к образованию для устойчивого развития в вузах Казахстана

Актуализация образовательных программ

Важно обновить образовательные программы высших учебных заведений Казахстана для глубокой интеграции принципов ОУР. Это обновление должно охватывать не только включение вопросов устойчивости в разнообразные дисциплины, но и интеграцию принципов устойчивости в применяемые образовательные подходы. Это предполагает использование методик обучения, основанных на сотрудничестве, системном анализе и решении проблем, которые будут отражать основные идеи устойчивого развития и пронизывать весь академический процесс в университетах Казахстана.

Стимулирование системного мышления

Культивирование системного взгляда, навыков решения сложных задач и активного участия в дискуссиях по вопросам устойчивого развития является ключевым для создания атмосферы устойчивости в рамках образовательного процесса. Интеграция практических примеров, проектно-ориентированного подхода и инициатив, ориентированных на взаимодействие со сообществом, может сделать концепцию устойчивости более доступной и важной для студентов, способствуя их глубокому пониманию и приверженности устойчивому образу жизни.

Междисциплинарность в обучении

С учетом сложности глобальных проблем необходимо внедрение междисциплинарных методик обучения в казахстанском высшем образовании. Такие методики должны демонстрировать связь экологических, экономических и социальных аспектов, предоставляя студентам всестороннее понимание принципов устойчивости. Междисциплинарный подход поможет студентам осмыслить взаимодействие природных и социальных систем и подготовит их к комплексному решению профессиональных задач.

Развитие профессиональных компетенций профессорско-преподавательского состава

Совершенствование навыков преподавателей через специализированные программы повышения квалификации является ключевым. Программы должны обеспечить педагогов знаниями для преподавания устойчивости и методиками активного взаимодействия со студентами. Особое внимание следует уделить методам активного обучения, системного мышления, критического мышления и вовлечения студентов, чтобы преподаватели были полностью готовы к качественной передаче знаний по ОУР.

Оценка и адаптация образовательных практик

Регулярное и системное оценивание программ ОУР необходимо для их постоянного улучшения. Применение различных исследовательских методов позволит всесторонне оценить влияние и эффективность инициатив ОУР. Результаты этих оценок будут способствовать дальнейшему развитию учебных программ и методик преподавания, обеспечивая актуализацию высшего образования Казахстана в соответствии с современными требованиями образования в области устойчивости.

Эти рекомендации направлены на то, чтобы обогатить систему высшего образования Казахстана новыми подходами в области устойчивого развития,

подготавливая будущие поколения к активному вкладу в создание устойчивого будущего на национальном и международном уровнях.

Заключение (выводы)

Перед образовательным сообществом стоит сложная, но важнейшая задача. Необходимо глубже интегрировать принципы устойчивого развития в образовательные программы, методики преподавания и весь образовательный процесс в целом. Это требует не только пересмотра учебных программ и внедрения междисциплинарных подходов, но и активного вовлечения студентов и преподавателей в процесс обучения, направленного на решение реальных глобальных проблем.

Кроме того, следует признать, что достижение устойчивости в образовании требует системных изменений и поддержки на всех уровнях – от правительственной политики и институциональных стратегий до личного участия каждого преподавателя и студента. Однако, современный политический дискурс в области образования все чаще узко фокусируется на инклюзивности и доступности при рассмотрении ЦУР 4, однако вопрос о том, какие знания, навыки и ценности необходимы студентам для того, чтобы стать социально ответственными гражданами мира, которые формируют устойчивое будущее, часто остается в тени. Эта тенденция указывает на то, что многие образовательные системы в рамках ОУР ориентированы на продвижение неолиберальных ценностей, а не на обеспечение общественного блага.

Включение устойчивости в образовательную среду Казахстана представляет собой долгосрочную инвестицию в будущее страны и мира, предполагая формирование ответственного и осознанного отношения к окружающей среде, социальной справедливости и экономической стабильности.

Разработка и реализация комплексных стратегий, таких как создание целостной рамки ОУР, обеспечение финансовой поддержки инициативам и проведение информационных кампаний, могут значительно продвинуть Казахстан на пути к устойчивому развитию через образование. Это требует совместных усилий и постоянного диалога между всеми заинтересованными сторонами, включая организации высшего образования, правительственные институты, частный сектор и широкую общественность.

Список литературы / References

1. Laurie, R., Nonoyama-Tarumi, Y., McKeown, R., & Hopkins, C. (2016). Contributions of education for sustainable development (ESD) to quality education: A synthesis of research. *Journal of Education for Sustainable Development*, 10, 226–242.
2. Mochizuki, Y. (2019). Rethinking schooling for the 21st century: UNESCO-MGIEP's contribution to SDG 4.7. *Sustainability: Journal of Record*, 12, 88–92.
3. United Nations. (n.d.). The 17 goals. Sustainable Development Goals. Retrieved April 7, 2024, from <https://sdgs.un.org/goals>
4. UNESCO. (2020). Education for sustainable development: A roadmap. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Retrieved April 7, 2024, from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380898>

5. UNESCO. (2012). Education for sustainable development: Building a better, fairer world for the 21st century. Retrieved April 7, 2024, from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000216673>
6. Venkataraman, B. (2009). Education for sustainable development. *Environmental Science & Policy for Sustainable Development*, 51, 8–12.
7. Gough, S. (2002). Right answers or wrong problems? Towards a theory of change for environmental learning. *Trumpeter*, 18, 1–15.
8. Öhman, J. (2008). Values and democracy in education for sustainable development. *Liber*.
9. Mogensen, F., & Schnack, K. (2010). The action competence approach and the 'new' discourses of education for sustainable development, competence and quality criteria. *Environmental Education Research*, 16, 59–74.
10. Rudsberg, K., & Öhman, J. (2010). Pluralism in practice: Experiences from Swedish evaluation, school development and research. *Environmental Education Research*, 16, 95–111.
11. Lijmbach, S., van Arcken, M. M., van Koppen, C. S. A., & Wals, E. J. (2002). 'Your view of nature is not mine!': Learning about pluralism in the classroom. *Environmental Education Research*, 8, 121–135.
12. Sandell, K., Öhman, J., & Östman, L. (n.d.). Development: Nature, school and democracy (R. Billingham, Trans.). *Studentlitteratur*.
13. Borg, C., Gericke, N., Höglund, H.-O., & Bergman, E. (2012). The barriers encountered by teachers implementing education for sustainable development: Discipline-bound differences and teaching traditions. *Research in Science & Technological Education*, 30(2), 185–207.
14. Breiting, S., Mayer, M., & Mogensen, F. (2009). Quality criteria for ESD schools: Guidelines to enhance the quality of education for sustainable development. Austrian Federal Ministry of Education, the Arts and Culture.
15. Hofmann, M. (2016). The role of government in education for sustainable development. *Journal of Education for Sustainable Development*, 10(2), 55–67.
16. Aarnio-Linnanvuori, E. (2013). Environmental education in Finland: A case study. *Environmental Education Research*, 19(4), 512–528.
17. Jickling, B., & Wals, A. E. J. (2008). Globalization and environmental education: Looking beyond sustainable development. *Journal of Curriculum Studies*, 40(1), 1–21.
18. United Nations. (2020). The sustainable development goals report.
19. UN Women. (n.d.). Kazakhstan. Retrieved March 20, 2024, from <https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/kazakhstan>
20. Times Higher Education. (2024). Top universities pursuing sustainable development goals in 2024. Retrieved June 28, 2024, from <https://www.timeshighereducation.com/impactrankings>
21. Makoelle, T. M. (2020). Schools' transition toward inclusive education in post-Soviet countries: Selected cases in Kazakhstan. *SAGE Open*, 10(2).
22. Schreier, M. (2012). Qualitative content analysis. In *The SAGE handbook of qualitative data analysis*. SAGE Publications.
23. Президент Республики Казахстан. (2018, February 15). Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан [Указ № 636]. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». Retrieved April 7, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636>
24. Министерство национальной экономики Республики Казахстан. (2023). Добровольный национальный обзор о реализации Повестки дня до 2030 года в области устойчивого развития. Retrieved April 7, 2024, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33297115&pos=3;-119#pos=3;-119
25. Республика Казахстан. (2007, July 27). Об образовании [Закон № 319-III]. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». Retrieved April 7, 2024, from https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319_

*Материал поступил в редакцию 05.08.2024.
Утвержден к публикации 25.11.2024*

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В КАЗАХСТАНЕ: НА ПРИМЕРЕ АЛМАТИНСКОЙ И ЖЕТЫСУСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Меруерт Тулебаева

кандидат политических наук, постдокторант,
Евразийский национальный университет им
Л.Н.Гумилева, e-mail: tulebayeva_mk@enu.kz

doi.org/10.52536/2415-8216.2024.112.4.005

Аннотация. В данной статье поднимается проблема молодежи, составляющей основную часть внутренней миграции в стране, в том числе сельской молодежи, переехавшей из села в город. Молодежь является основным фактором социальных протестов и перемен, адаптация и интеграция сельской молодежи с ростом уровня урбанизации в городскую жизнь через эффективные механизмы очень актуальны, качественные социальные исследования очень необходимы.

Автор статьи представляет результаты фокус-исследования по вопросам адаптации и интеграции сельской молодежи через механизмы социального лифта в Алматинской и Жетысуской областей, где наблюдается большая концентрация молодежи. Проведена фокус-дискуссия среди молодых людей, переехавших из села в город в г.Талдыкоргане и г.Конаеве, сделаны выводы и рекомендации.

Ключевые слова: сельская молодежь, внутренняя миграция, адаптация, интеграция, социальный лифт, Жетысу, Алматинская область

ҚАЗАҚСТАНДА ЖАСТАРДЫҢ ІШКІ МИГРАЦИЯСЫ: АЛМАТЫ ЖӘНЕ ЖЕТІСУ ОБЛЫСТАРЫ МЫСАЛЫНДА

Меруерт Тулебаева

саяси ғылымдар кандидаты, постдокторант, Л.Н.Гумилев атындағы
Еуразия Ұлттық Университеті, e-mail: tulebayeva_mk@enu.kz

Аңдатпа. Осы мақалада еліміздегі ішкі миграцияның негізгі бөлігін құрайтын жастар оның ішінде ауылдан қалаға қоныс аударған ауыл жастары мәселесі көтеріледі. Жастар әлеуметтік протест пен өзгерістердің басты факторы, урбандалу деңгейі артып келе жатқан ауыл жастарын тиімді тетіктер арқылы қалалық өмірге бейімдеу мен интеграциялау өте өзекті, сапалы әлеуметтік зерттеулер аса қажет.

Мақала авторы жастар көп шоғырланған Алматы мен Жетісу облысында әлеуметтік лифт тетіктері арқылы ауыл жастарын бейімдеу мен интеграциялау бойынша фокустық зерттеу нәтижелерін ұсынады. Талдықорған мен Қонаев қаласында ауылдан қалаға қоныс аударған жастар арасында фокус дискуссия өткізіліп қортынды мен ұсыныстар жасалады.

Түйінді сөздер: ауыл жастары, ішкі миграция, адаптация, интеграция, әлеуметтік лифт, Жетісу, Алматы облыстары.

INTERNAL MIGRATION OF YOUTH IN KAZAKHSTAN: THE EXAMPLE OF ALMATY AND ZHETYSU REGIONS

Meruert Tulebayeva

Candidate of Political Sciences, postdoctoral fellow Eurasian National University named after L .N .Gumilyov, e-mail: tulebayeva_mk@enu.kz

Abstract. In this article, the problem of young people who make up the main part of internal migration in the country, including rural youth who have migrated from the village to the city, is raised. Youth is the main factor of social protests and changes, adaptation and integration of rural youth with increasing level of urbanization to urban life through effective mechanisms is very urgent, quality social research is very necessary.

The author of the article presents the results of a focus study on the adaptation and integration of rural youth through social elevator mechanisms in Almaty and Zhetysu regions, where there is a large concentration of young people. A focus discussion will be held among young people who have moved from the village to the city in the cities of Taldykorgan and Konaev, and conclusions and recommendations will be made.

Keywords: rural youth, internal migration, adaptation, integration, social lift, Zhetysu, Almaty region.

Введение

Неравномерность в экономическом развитии регионов способствует росту внутренней миграции. Более того, диспропорция доходов и возможностей развития в городской и сельской местности характерны для всех регионов страны. Отсутствие работы и низкий уровень развития социальной инфраструктуры в селах и малых городах становятся основными двигателями внутренней миграции и оттока сельского населения в города [1].

Значительную часть внутренних мигрантов составляет молодежь. В сфере интересов молодежи находится целый ряд экономических факторов, включая занятость, доходы, сбережения, расходы, доступ к образованию и здравоохранению [2].

Неравенство в доходах, социальное расслоение и растущий уровень бедности особенно сильно отражаются на сельской молодежи практически во всех регионах мира [3].

Таким образом, на первое место выходят вопросы адаптации и интеграции сельской молодежи в городах. Возможность улучшить свое положение в городе для сельской молодежи доступна благодаря наличию таких механизмов, как «социальные лестницы» или «социальные лифты».

Среди молодежи социальные лифты имеют большое значение, так как с помощью них они могут изменить свою жизнь: сделать карьеру, реализовать свои творческие, интеллектуальные, инновационные способности. К сожалению, существует ряд проблем для достижения этих целей. Безусловно, социальные лифты стали инструментами продвижения людей, представляющих отдельные группы. Однако в такой системе любой человек может столкнуться с ситуацией, когда он не имеет возможности реализовать свой имеющийся внутренний потенциал [4].

На сегодняшний день существует несколько государственных программ, направленных на социальное и профессиональное развитие молодежи. Важным приоритетом государственной молодежной политики является обеспечение равного доступа молодежи Казахстана ко всем социальным благам вне зависимости от каких-либо обстоятельств. В данном контексте одним из наиболее актуальных вопросов является разрыв в уровне предоставляемых государством возможностей в разрезе типа местности проживания: для городской и сельской молодежи [5].

Сельская молодежь, переселяющаяся в город требует дополнительного внимания для адаптации и интеграции в городской среде. Благодаря образованию, которое на сегодняшний день является самым распространенным социальным лифтом, молодежь имеет возможность продвигаться по социальной лестнице.

В этом отношении требуется постоянное изучение и анализ данного вопроса, в особенности посредством социологических исследований и изучения.

Исследования и выработки подходов к ее решению следует проанализировать теоретические и прикладные вопросы касающиеся ее природы, предпосылок, а также мировой опыт включая как положительный, так и отрицательный.

Методология исследования

Цель настоящей работы состоит в том, что на основе анализа статистических данных в данном регионе, *фокусного исследования с учетом особенностей каждой области* и т.д. На основе анализа роли социального лифта, в частности, конфликтов, влияющих на формирование молодежи в регионе через образование, армию, политику, религиозные факторы, мы получаем результаты по адаптации и интеграции сельской молодежи. На примере молодежи Южного региона мы можем сформировать механизм проведения анализа адаптации и интеграции сельской молодежи, а также выявить сильные и слабые стороны сельской молодежи через механизмы социального лифта и предложить пути предварительного решения

существующих проблем.

Настоящая статья описывает проведенные фокус-групповые дискуссии среди молодежи, переехавшей из сельских местностей в город. Всего было проведено 4 фокус-групп в Алматинской и Жетысуской областях Казахстана. В каждой области проведено по 2 фокус-группы с молодежью, переехавшей из села в город год назад и молодежью, переехавшей 5 лет назад. В таблице 1 представлена информация по респондентам.

Таблица 1. Скрининг респондентов – параметры отбора участников фокус-групповой дискуссии

Количество участников	Национальность	Пол	Возраст	Место проживания
8	70% - казахи 20% - русские 10% - другие	4 женщин 4 мужчин	18, 21, 24, 27. 29, 30, 32, 34	Со всей области

Результаты исследования и их обсуждение

Причины переезда

В первую очередь участникам предлагалось рассказать, каковы основные причины их переезда в город. Причины переезда участников фокус-групповой дискуссии *г. Талдыкорган* среди тех, кто переехал год назад, упоминались следующие:

- Учеба.
- Работа (больше платят, нет работы в селе).
- Поиск новых возможностей.
- Ради будущего детей.

«Я приехал работать в город побольше, так сказать. И здесь можно что-то новенькое найти для себя» (г. Талдыкорган, М,32.).

«Цель переезда дети. Чтоб они адаптировались в большом городе. Вторая цель - работы в городе больше чем в селе» (г. Талдыкорган, Ж,27).

Переехавшие 5 лет назад в г. Талдыкорган отметили следующие причины:

- Работа (больше рабочих мест чем в селе)
- Замужество
- Учеба
- Больше возможностей

«Здесь больше работы в городе, поэтому сюда» (г. Талдыкорган, Ж,21).

«Я замуж например вышла из за этого переехала» (г. Талдыкорган, Ж,24).

«Я учиться переехала» (г. Талдыкорган, Ж,27).

«Больше возможностей» (г. Талдыкорган, М,30).

Основные причины переезда участников фокус-группы из г. Конаев (1 год):

- Работа
- Перевод по работе супруга
- Перевод по работе отца
- Помощь родственникам

«Менің көшіп келу себебім ата-анамның жұмысының ауысуына байланысты, әкем әскери адам болған соң ауылдан көшітік» (г. Конаев, М, 19.)

Переехавшие пять лет назад из села в г. Конаев ответили, что причиной стала работа, замужество, переезд супруга/родителей, получение образования, желание открыть собственный бизнес, ради детей.

Основные причины переезда для всех участников — *это учеба, работа, поиск новых возможностей, ради детей, замужество, перевод супруга по работе. После переезда чаще всего участники сталкивались с проблемами в поиске жилья, работы и завышенными ценами на продукты.*

Проблемы и процесс адаптации

Участники фокус-группы среди талдыкорганцев, переехавших год назад, часто упоминали, что в первое время после переезда им было сложно найти жилье. Лишь некоторым из них помогали знакомые и родственники. Участники также жаловались на проблемы с *поиском работы и на высокие цены на аренду жилья и продовольственные товары*, в сравнении с ценами в сельской местности.

«Город очень мне нравится. Но пока не могу найти работу. Насчет жилья помогли мне родственники со стороны мамы. А вот с работой пока что проблемы». (г. Талдыкорган, М,30)

Тем не менее, большинство смогли быстро адаптироваться в городе *благодаря родственникам, друзьям и знакомым*. Несмотря на то, что некоторые смогли достичь целей переезда, например, поступили на учебу, есть те, кто все еще старается достичь успеха.

Достижение успеха

В целом участники из Талдыоргана, переехавшие 5 лет назад, достигли успеха после переезда в город, в особенности те, кто переехал с целью получить образование и успешно поступил и учится в вузе. Тем не менее, есть те, кто все еще *находится на пути к достижению успеха*, поднимаются по карьерной лестнице, планируют приобретение собственной недвижимости и автомобиля.

«Я думаю успех заключается в цели, который каждый из нас переехал да, ну для меня цель была это обучение поэтому я поступила обучилась работаю, цель достигнута». (г. Талдыкорган, Ж,21)

Некоторые участники считают личным успехом *вхождение в новый социальный круг и рождение ребенка после переезда в город.*

Влияние социальных лифтов на процесс адаптации

Среди социальных лифтов, сыгравших роль в процессе адаптации *талдыкорганцев с пятилетним опытом проживания в городе упоминались образование/личные знания и поддержка семьи*. Участники отмечали *важность семьи как мотивационный механизм в достижении целей и стремлении к профессиональному росту.*

«В процессе адаптации это образование мое, профессия, не скажу, что я добилась прямо, но всем процессе думаю главное желание. Не скажу, что я добилась всего, но это все в процессе». (г. Талдыкорган, Ж, 21)

При этом часто участниками отмечалось, что образование сыграло важную роль в их профессиональном развитии, а поддержка близких – роль мотиватора в достижении целей.

Государственные программы по поддержке молодежи

Чаще всего участники фокус-группы среди талдыкорганцев, уехавших из села год назад, отвечали, что никогда не слышали либо что-то слышали о каких-либо государственных программах по поддержке молодежи.

Один участник фокус-группы в Талдыкорган принимал участие в программе *Жетысу жастары* и кратко поделилась своим опытом.

«Там все очень отзывчивые и добрые. Те, кто сверху смотрит за студентами. Очень добрые. Помогали во многом... Много разных соревнований было. Помогали другим людям. Плюс соревнования были по сочинениям, по стихам. Там были денежные призы, гранты. Можно было за границу поехать. Потом как можно начать свой бизнес. Давали деньги если у человека были интересные идеи для бизнеса» (г. Талдыкорган, Ж,18.)

Никто из участников-талдыкорганцев, переехавших 5 лет назад, не участвовал в каких-либо государственных программах по поддержке молодежи. Более того не все участники осведомлены о существовании подобных программ. Среди осведомленных участников чаще всего упоминалась программа *«С дипломом в село»*, а также программа *финансирования бизнеса*, о которой сказали сами участники. Стоит отметить, что некоторые участники знакомы с госпрограммами по поддержке молодежи через своих близких и знакомых, которые в свою очередь принимали участие в подобных программах

Значение образования, политики, армии и религии в адаптации и интеграции сельской молодежи

Большинство участников из г. Талдыоргана, которые переехали год назад, не осведомлены каким образом система образования способствует повышению потенциала социальных лифтов для сельской молодежи. Однако некоторые упомянули о наличии *сельской квоты*, позволяющей получать бесплатное высшее образование молодежи из сельской местности.

«Да, сейчас много грантов выделяется. Для сельских именно» (г. Талдыкорган, Ж,18)

«Да квоты и гранты. Сельская квота, благодаря которой я тоже поступила» (г. Талдыкорган, Ж, 21)

Более опытные горожане-талдыкорганцы, переехавшие из села, также упомянули наличие квот для сельских студентов. При этом участники считают, что *система образования вносит определенный вклад* в развитие сельской молодежи благодаря выделению грантов, стипендий, обеспечением общежитиями при университете и так далее.

В целом участники считают, что *молодой специалист может добиться своих целей благодаря своим силам*, имея возможности для личностного и профессионального развития. Некоторые выделяют конкуренцию в качестве современного барьера в профессиональной сфере. Касательно влияния nepотизма, лишь в сфере государственной службы участники отметили наличие барьеров, преодоление которых возможно лишь с помощью влиятельных людей или коррупции. Не все из группы переехавших год назад талдыкорганцев, не смогли выделить принципы, по которым образование способствует повышению потенциала социальных лифтов, были лишь

упомянуты квоты для сельской молодежи. Участники из Талдыкоргана, переехавшие 5 лет назад, чаще говорили о том, что образование вносит вклад посредством грантов, стипендий, обеспечения общежитиями и т.д. Того же мнения придерживаются конаевцы, переехавшие 5 лет назад, отмечая развитость и разнообразие казахстанской системы образования. Конаевцы, переехавшие год назад, считают, что зарубежное образование более успешно справляется с поддержкой молодежи, поэтому многие студенты предпочитают отказаться от казахстанских вузов в пользу зарубежных.

Политические, военные и религиозные институты

Участники-талдыкорганцы, переехавшие год назад в целом не осведомлены каким образом политические и религиозные институты способствуют повышению потенциала социальных лифтов. Тем не менее, некоторые участники отметили, что военные институты – а именно армия – может являться одним из механизмов социальных лифтов позволяющему военнослужащим подниматься по карьерной лестнице благодаря четкой структуре системы.

«Ну со стороны партий я не замечал такого. А со стороны армии, конечно, мужчины служат потом могут пойти дальше куда-то. Я служил и начал работать». (г. Талдыкорган, М,32)

В целом политические и религиозные институты редко отмечались участниками как механизмы социальных лифтов. Некоторые участники все же считают, что религиозные институты способны поддержать духовное развитие молодых людей тем самым благотворно влияя на все аспекты жизни. При этом некоторые респонденты отметили роль военных институтов, которые могут стать способом продвижения и улучшения социального положения.

Современные формы социальных лифтов и влияние интернета

Участникам из Талдыкоргана, переехавшим в город 5 лет, назад предлагалось обсудить современные формы социальных лифтов и влияние интернета. Так, участники отметили положительную роль интернета в развитии современной молодежи. Благодаря интернету молодежи доступен огромный пласт информации для личностного и профессионального развития.

«Да онлайн, и думаю это будет самое оптимальное потому что вот курсы есть для детей и есть там допустим за 60 какие то разные, а вот именно для молодежи нету, а не всегда зачастую у молодежи есть много денег чтоб допустим где то обучаться, допустим вот мы бы хотели но допустим у меня не хватает денег на что то пойти, на какой то хотя бы 50 процентов скидку делали, или на бесплатной основе». (г. Талдыкорган, Ж,21)

Участники считают, что интернет играет важную роль в развитии молодежи, благодаря доступу к любой информации, позволяющей пройти различные курсы и получить необходимые знания. Участники из города Конаев, переехавшие 5 лет назад, упомянули «новые» профессии, появившиеся благодаря развитию социальных сетей и ставшие популярными источниками дохода для современной молодежи и источниками продвижения для сферы предпринимательства.

Заключение (выводы)

На будущее те талдыкорганцы, кто переехал год назад, планируют переезд в Алматы или Астану или открыть свой бизнес. В свою очередь, переехавшие 5 лет назад в г. Талдыкорган планируют карьерный рост, приобрести свое жилье и так же открыть бизнес. Конаевцы, прибывшие в город год назад, хотели бы тоже организовать свой бизнес, поступить или продолжить обучение и достичь успехов в работе. Участники из того же города (переехали 5 лет назад) планируют закрыть ипотеку, достичь финансовой стабильности, организовать собственный бизнес, завершить учебу.

Согласно результатам качественного исследования и рекомендациям его участников, в целях поддержки адаптации и интеграции сельской молодежи в городах посредством социальных механизмов, *предлагается следующее:*

Необходимо расширить льготную ипотечную программу для молодежи и программу по арендному жилью без права выкупа для работающей молодежи на все региональные центры Казахстана и облегчить условия подачи, например снизить требуемый уровень дохода подающих заявки. Обеспечить информационное обеспечение по всем каналам СМИ для большей осведомленности о программах.

Разработать программу по обеспечению мест в детских садах, льгот и скидок в городских кружках и секциях для молодых семей, переехавших из сел. При этом следует установить систему льгот в зависимости от доходности и размера семьи. Необходима информационная поддержка (сайт, портал, приложение) которая предоставит полную информацию о льготах, скидках, возможностях для сельской молодежи в городе,

Создание специализированных курсов/секций (например, по изучению языков или по определенному виду спорта) на бесплатной основе для переехавшей из села молодежи, которые помогут быстро и успешно интегрироваться в городское общество и получить новые знания.

Создать программу менторства, куда можно привлечь экспертов, которые будучи в молодом возрасте переехали из села в город и добились успеха в какой-либо из профессий. Можно привлечь знаменитых блогеров, в качестве дополнительных экспертов и в целях привлечения внимания и распространения информации.

Обязать городских работодателей принимать на работу или оплачиваемую стажировку студентов и выпускников вузов из села без требования опыта работы, с учетом потребностей работодателей. При этом специальность должна соответствовать получаемому/полученному образованию. Для определения наиболее эффективного пути предоставления работы/оплачиваемой стажировки сельской молодежи, необходима консультация с работодателями и владельцами бизнеса. В целях мотивации участия в программах занятости сельской молодежи также можно рассмотреть выделение налоговых льгот для работодателей.

Учитывая актуальность и необходимость «новых» профессий, связанных с интернетом и социальными сетями, а именно SMM-менеджер, таргетолог, блогер, SEO-специалист, организатор онлайн-курсов, мобилограф, необходимо обеспечить сельскую молодежь бесплатными онлайн-курсами с последующим созданием специальной общей платформы, куда войдут только обучившиеся на курсах молодые люди из сел, для поиска работодателей/работников. Привлечь к онлайн-курсам знаменитых блогеров, имеющих опыт проведения курсов. В качестве стимула обеспечить лучших студентов курсов

призами/подарками. Благодаря организации подобных курсов и платформы сельская молодежь будет иметь возможность дополнительного заработка в процессе основного обучения в вузе или работы. Кроме того, в последующем одна из этих профессий может стать основной при достижении определенного уровня и изучении дополнительных навыков.

Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН №AP15473328)

Список литературы

1. Махмутова, М. (2008). Анализ нужд и проблем малообеспеченных слоев населения (внутренних мигрантов, оралманов) и разработка рекомендаций по механизмам их решения. Центр анализа общественных проблем.
2. Махмутова, М. (2013). Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере г. Алматы. Центр анализа общественных проблем. Получено из https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2013/02/internal_migration_of_young_people_in_kazakhstan.pdf
3. Международная организация труда. (2021). Неравенство и сфера труда. Доклад IV, 109-я сессия Международной конференции труда. Женева: Международное бюро труда. Получено из https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_792165.pdf
4. Романова, К. С. (2015). Социальные лифты как средство социальной мобильности. Дискурс-Пи, (2). Получено из <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-lifty-kak-sredstvo-sotsialnoy-mobilnosti>
5. Научно-исследовательский центр «Молодежь». (2023). Социокультурные аспекты развития сельской молодежи. Астана: НИЦ «Молодежь».

References

1. Mahmutova, M. (2008). Analiz nuzhd i problem maloobespechennykh sloev naseleniya (vnutrennikh migrantov, oralmanov) i razrabotka rekomendatsii po mekhanizmam ikh resheniya [Analysis of the needs and problems of low-income populations (internal migrants, oralman) and development of recommendations on mechanisms for their solution]. Tsentr analiza obshchestvennykh problem.
2. Mahmutova, M. (2013). Vnutrennyaya migratsiya molodezhi v Kazakhstane: na primere g. Almaty [Internal migration of youth in Kazakhstan: The case of Almaty]. Tsentr analiza obshchestvennykh problem. Retrieved from https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2013/02/internal_migration_of_young_people_in_kazakhstan.pdf
3. Mezhdunarodnaya organizatsiya truda. (2021). Neravenstvo i sfera truda [Inequality and the world of work]. Mezhdunarodnaya konferentsiya truda, 109-ya sessiya, Doklad IV. Zheneva: Mezhdunarodnoe byuro truda. Retrieved from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_792165.pdf
4. Romanova, K. S. (2015). Sotsial'nye lifty kak sredstvo sotsial'noi mobil'nosti [Social elevators as a means of social mobility]. Diskurs-Pi, (2). Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-lifty-kak-sredstvo-sotsialnoy-mobilnosti>
5. Nauchno-issledovatel'skii tsentr "Molodezh". (2023). Sotsiokul'turnye aspekty razvitiya sel'skoi molodezhi [Sociocultural aspects of rural youth development]. Astana: NITs "Molodezh".

Материал поступил в редакцию 28.08.2024.

Утвержден к публикации 25.11.2024

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Гулискан Нахбаева ^{1*},
Роза Нуртазина ²,
Ляззат Адилова ³

¹ докторант PhD ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан, e-mail*:guliskhan.n@gmail.com

² доктор политических наук, профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, nurtazina_ra@enu.kz

³ директор Департамента международного сотрудничества Министерства науки и высшего образования РК, г. Астана, Казахстан,

ORCID¹: 0009-0000-2225-2944

ORCID² : 0000-0003-1646-2106

doi.org/10.52536/2415-8216.2024.112.4.006

Аннотация. Интернационализация высшего образования является стратегическим объектом государственной политики, так как ориентирована на подготовку необходимых кадров для страны. В то же время, академическая мобильность сопутствует развитию публичной дипломатии. Студенты в рамках академической мобильности выбирают зарубежные страны и высшие учебные заведения не только исходя из возможностей широкого спектра образовательных услуг, но и возможностей улучшения их уровня владения иностранным языком и ознакомления с культурой новой страны. Создавая наиболее привлекательный образовательный климат, высшие учебные заведения повышают свою конкурентоспособность в мировых исследовательских рейтингах.

В статье проанализированы влияние как внутренних, так и внешних социо-политических и демографических процессов на эффективность интернационализации и качество академической мобильности в Республике Казахстан в контексте современных геополитических реалий. Проведен анализ качественных и количественных трансформаций академической мобильности иностранных и отечественных студентов Казахстана. Также оценены перспективы становления Казахстана в качестве ведущего научно-образовательного хаба в Центральной Азии и выявлены практические рекомендации по ее реализации. Следует дополнительно отметить и о таких рисках, как увеличение потоков выезжающих для получения высшего

образования (обучение по краткосрочным программам, студенческие обмены, профессиональные стажировки и др.). Значительное место в потоке уезжающих занимает молодежь как наиболее мобильная часть студенческого сообщества.

Ключевые слова: интернационализация, геополитические процессы, интеграция, академическая мобильность, научно-образовательный хаб.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖОҒАРЫ БІЛІМДІ ДАМЫТУДЫҢ ҚҰРАМДАС БӨЛІГІ ЕСЕБІНДЕГІ ИНТЕРНАЦИОНАЛДАНДЫРУ: ҚАЗІРГІ АХУАЛ ЖӘНЕ ДАМУ ҮРДІСТЕРІ

Гүлісхан Нахбаева^{1*}, Роза Нуртазина², Ләззат Әділова³

¹ Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ PhD докторанты, e-mail*:guliskhan.n@gmail.com

² саясаттану ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ профессоры nurtazina_ra@enu.kz

³ ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігі Халықаралық ынтымақтастық департаментінің директоры

Аңдатпа. Жоғары білім беруді интернационалдандыру – мемлекеттік саясаттың стратегиялық объектісі, өйткені ол мемлекетке қажетті кадрларды даярлауға бағытталған. Оған қоса, академиялық ұтқырлық қоғамдық дипломатияның дамуын нығайтады. Студенттер академиялық ұтқырлық үшін шет елдерді және жоғары оқу орындарын білім беру қызметтерінің кең спектрдегі мүмкіндіктеріне қарай ғана емес, ондағы шет тілін меңгеру деңгейін жақсарту және жаңа елдің мәдениетімен танысу мүмкіндіктеріне қарай тандайды. Таңдауға тұрарлық білім беру климатын құра отырып, жоғары оқу орындары әлемдік зерттеу рейтингтеріндегі бәсекеге қабілеттілігін арттырады.

Бұл мақалада ішкі, әрі сыртқы әлеуметтік-саяси және демографиялық процестердің Қазақстан Республикасындағы интернационалдандырудың тиімділігі мен академиялық ұтқырлық сапасына ықпалы қазіргі геосаяси реалия контекстінде талданған. Қазақстандағы шетелдік және отандық студенттердің академиялық ұтқырлығындағы сапалық және сандық өзгерістерге талдау жүргізілді. Сондай-ақ, Қазақстанның Орталық Азиядағы жетекші ғылым және білім беру хабы болып қалыптасу перспективалары бағаланып, бұны іске асыру бойынша қолданбалы ұсыныстар берілді. Сонымен қатар, жоғары білім алу үшін шетел асатындар санының артуы (қысқа мерзімді бағдарламалар бойынша оқу, студенттік алмасулар, кәсіптік тағылымдамалар және т.б.) сияқты рисктерді атап өткен жөн. Шетел асатындардың атап айтарлық бөлігін жастар, яғни студенттер қауымының ең мобильді бөлігі құрайды.

Түйінді сөздер: интернационалдандыру, геосаяси процестер, интеграция, академиялық ұтқырлық, ғылым және білім беру хабы.

INTERNATIONALIZATION AS A PART OF HIGHER EDUCATION DEVELOPMENT IN KAZAKHSTAN: CURRENT SITUATION AND LATEST TRENDS

Guliskhan Nakhbayeva ^{1*}, Roza Nurtazina ², Lyazzat Adilova ³

¹ PhD Candidate at L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan, e-mail*:guliskhan.n@gmail.com

² Doctor of Political Science, Professor at L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan, nurtazina_ra@enu.kz

³ Director of the Department of International Cooperation of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

Abstract. Internationalization of higher education is a strategic asset of public policy, as it focuses on training the necessary workforce for the country. At the same time, academic mobility enhances public diplomacy. In terms of academic mobility, students choose foreign countries and higher educational institutions not only based on the range of educational services they provide, but also based on opportunities to improve their level of foreign language proficiency and to familiarize oneself with the culture of a new country. By creating the most attractive educational climate, higher educational institutions increase their competitiveness in global research rankings.

The present article analyzes the impact of both internal and external socio-political and demographic processes on the effectiveness of internationalization and quality of academic mobility in the Republic of Kazakhstan in the context of current geopolitical landscape. We conducted an analysis of qualitative and quantitative academic mobility transformations among foreign and local students in Kazakhstan. We also assessed Kazakhstan's prospects of becoming a leading scientific and educational hub in Central Asia and identified some practical recommendations for its implementation. It should be noted as well that there are some risks, such as an increase in the number of those leaving the country to get higher education (short-term studies, student exchanges, professional internships, etc.). A significant portion among those who leave is comprised of young people, as they are the most mobile part of the student community.

Keywords: *internationalization, geopolitical processes, integration, academic mobility, scientific and educational hub.*

Введение

Казахстан активно ведет переговоры с высокоразвитыми странами, где главным предметом международных соглашений и договоров является взаимовыгодное сотрудничество по экономическим, социальным и культурным вопросам, а также формирование привлекательного инвестиционного климата в стране. Сфера высшего образования не является исключением, и в новой реальности наша страна ставит амбициозные задачи по взаимодействию с мировым научно-образовательным сообществом.

Президент РК К. Токаев в своем выступлении на очередном расширенном заседании Правительства от 19 апреля 2023 года обозначил ряд важных системных задач, направленных на стабильность и улучшение социально-экономического положения граждан страны, в том числе развитие человеческого капитала [1]. Развитие системы высшего образования, означающее выпуск высококвалифицированных специалистов в разных сферах деятельности, приведет к укреплению человеческого капитала

страны. Более того, появятся новые возможности для казахстанских студентов интегрироваться в мировое научное сообщество, получить международный опыт и успешно применить их на практике по возвращению в Казахстан.

В рамках Концепции развития высшего образования и науки на 2023-2029 годы определены основные направления развития системы высшего образования, где вопрос интернационализации организации высшего и послевузовского образования (далее – ОВПО) рассматривается одним из определяющих индикаторов повышения конкурентоспособности вузов [2]. Реализация совместных образовательных двудипломных программ, открытие филиалов ведущих зарубежных университетов в стране проводится в целях привлечения талантливой иностранной молодежи и проведению комплексных мер, направленных на профилактику оттока специалистов.

Вместе с тем, последние геополитические и демографические изменения способствуют созданию в Казахстане большого образовательного-академического хаба, который привлечет молодежь из стран Центральной Азии и Восточной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш и др.).

Тема особенно актуальна на сегодняшний день, учитывая нынешние геополитические процессы, влияющие на количественный показатель внутренней и внешней академической мобильности студентов в целом. Например, программы Болонского процесса постоянно призывают европейские университеты инициировать программы финансовой помощи студентам социально-уязвимой категории в целях поддержания их европейской академической мобильности, однако данные инициативы к успеху не привели.

Необходимо изучить ключевые препятствия и барьеры, которые ограничивают академическую мобильность и существенно влияют на её развитие. Так, казахстанский исследователь Д.А. Мамбеталина привела конкретные причины основных барьеров, останавливающих студентов обучаться за границей [3]. Согласно данным социологических исследований и проведенного мониторинга, основными препятствиями академической мобильности являются ограничения в финансировании, на которые указали 62% опрошенных. Наличие финансового барьера указывает на неэффективное использование внутренних ресурсов вузов и недостаточные усилия по поиску альтернативных источников финансирования.

Также обзор научной литературы свидетельствует о наличии еще одного барьера – низкий уровень языковой подготовки. Слабые языковые навыки студентов остаются основным препятствием в академической мобильности. Для преодоления подобных барьеров необходимо постоянно обновлять и совершенствовать программы языкового обучения, а также обеспечить систематическое вовлечение студентов в данный процесс обучения. Для устранения языковых барьеров, на базах университетов необходимо создать центры дополнительных образовательных услуг, куда будут приглашены специалисты соответствующего профиля, носители иностранных языков.

Следующими проблемами можно в порядке убывания указать: 1) неосведомленность студентов о возможностях участия в зарубежных программах в связи с несвоевременным распространением необходимой информации; 2) отличия в учебных планах и курсах казахстанских и зарубежных университетов; 3) трудности с переносом кредитов и оценок;

4) несоответствие учебных планов между партнерскими вузами, что приводит к дополнительной учебной нагрузке для студентов и необходимости наверстывать пропущенные занятия после возвращения.

Вместе с тем, неготовность вузов к равноправному партнерству в программах мобильности связана с неопределенностью целей развития мобильности, как на уровне отдельного вуза, так и на уровне страны в целом. Принятие вузами ответственности за развитие мобильности должно быть подкреплено пониманием стратегической важности этой задачи непосредственно для конкретного вуза.

Таким образом, в результате анализа данных авторами поставлена главная проблема – выявить риски внутренней и внешней мобильности студентов, основанных на количественных и качественных показателях в контексте сегодняшней геополитической ситуации. Насколько повлияли внешние риски на уровень развития и стабильности академической мобильности. Речь идет о конфликте между Российской Федерацией и Украиной с февраля 2022 года по сегодняшний день, о январских событиях 2022 года в Казахстане, землетрясение в Турции и Сирии в феврале 2023 года с амплитудой мощности в 7,8 баллов (сильнейшее землетрясение за всю историю Турции), повлекшие за собой человеческие утраты и естественно, влияющие на интеграционные процессы и мобильность студентов в целом.

Вклад данной статьи в научные исследования по теме академической мобильности в том, что были выявлены основные направления развития организации высшего и послевузовского образования (ОВПО) в условиях сегодняшних политических реалий для привлечения иностранных студентов, самой главной целью которого является усиление роли и повышение статуса Казахстана, казахстанских вузов на международной арене. Ведь каждый иностранный студент, отучившийся в нашей стране, станет неким публичным дипломатом, популяризируя казахстанскую культуру, местные традиции, обычаи, и т.д. В этой связи интеграционные процессы необходимы и этого требует современные реалии успешной интеграции международных соглашений.

Обзор литературы

Последние мировые тренды указывают на необходимость высших учебных заведений к развитию в международном измерении. Эти процессы тесно связаны с такими явлениями, как трансформации в мировой системе обучения, внедрение искусственного интеллекта во все учебные процессы, интеграции IT решений в целях автоматизации бизнес-процессов и упрощение жизнедеятельности университетов в целом [4].

Как результат, в скором будущем мы будем свидетелями колоссального и мультипликативного эффекта в развитии высших учебных заведений по прогрессивной шкале. Необходимо так же отметить о социальном эффекте внедрения ИИ в нашу повседневную жизнь. В первую очередь, важно сформировать современную карту профессий с учетом глобализации и уровня досягаемости IT технологий. Чем больше университеты интегрируют в процесс обучения ноу-хау технологии, акселерационные лаборатории, IT-хабы, тем больше они становятся более привлекательными для международных студентов.

Интернационализация в данной сфере может приобретать технологичные формы. Со временем, данные новшества принесут закономерные ожидания в сферу увеличения процесса обучения в дистанционном формате. Ожидается, что все образовательные услуги должны стать доступными онлайн. Конечно, нельзя отменять традиционный формат обучения, ведь не зря все современные и лучшие передовые университеты ставят упор на развитие лидерских качеств, коммуникаций и soft skills среди студентов. Эти компетенции становятся наиболее востребованными качествами на рынке труда.

Более того, в своих трудах Дж. Найт отмечает, что интернационализацию в сфере высшего образования можно интерпретировать в нескольких категориях: 1) людей, как самых мобильных из числа преподавательского состава и студентов; 2) программ по обмену опытом; 3) провайдеров в лице организаций, создающих все условия к обучению; 4) услуг в виде форм сотрудничества в коллаборации в исследовательской деятельности и обеспечения качества образования [5].

Как было отмечено выше, американские ученые М. Мескон, А. Альберт, Ф. Хедоури так же пришли к выводу, что целью интернационализации является получения выгод от максимального синергетического эффекта [6]. Из трудов отечественных исследователей можно отметить работы Ш.А. Есимовой, Л.А. Хасеновой по выявлению перспектив развития академической мобильности в университетах РК. Исследователями проведены опросы, в результате которых были выявлено, что более половины респондентов хотя бы раз в своей карьере обучались по программам международной мобильности [7].

Другие казахстанские исследователи, к примеру, Е.В. Игнатова, в своей научной работе по управлению системой высшего образования Казахстана в условиях реформирования определила основные пути развития корпоративной модели в вузах с учетом последних тенденций. Автор провела социологические исследования на примере Павлодарской области, где дан емкий анализ модели управления полисубъектной системой высшего образования и методы ее реализации [8].

Целью нашего исследования является определение основных тенденций интернационализации с учетом влияния геополитических факторов. Еще одной целью данной статьи является выработка рекомендаций для дальнейшего становления Казахстана научно-образовательным хабом в Центрально-Азиатском регионе, вытекающих на основе аналитических данных.

В этой связи исследование тенденций интернационализации высшего образования в стране в контексте геополитических реалий требует углубленного изучения в политической науке.

Для этого определены следующие задачи: 1) анализ статистических данных внутренней и внешней академической мобильности; 2) выявление основных проблем, препятствующих росту количества входящей академической мобильности; 3) соответствие стратегических задач по линии профильного государственного органа по развитию количественных показателей внешней академической мобильности на предмет целесообразности данной проводимой политики в стране с

учетом геополитических рисков; 4) выработка рекомендаций по вопросам академической мобильности и развития уровня интернационализации дополнительно в контексте геополитических, также миграционных процессов внутри и за пределами страны.

Методы исследования

Методологическая база исследования основывается на совокупности научных методов и приемов, применяемых в процессе научного познания. Методами количественного анализа, дедукции и обработки данных проведен разбор интеграционных процессов во всех ее аспектах.

Болеетого, в статье представлен сравнительный анализ привлекательности казахстанских вузов для иностранных граждан в разрезе регионов и специальностей. В результате, можно увидеть рейтинг вузов страны по доле иностранных студентов, обучающихся в них и авторские видения на основе данных показателей, благодаря чему статья отражает тенденции совершенствования по вопросам процесса интеграции в мировое сообщество.

Результаты исследования

на заседании Мажилиса в 2022 году заявил, что вопрос доступности высшего образования остается злободневным в Казахстане. И для построения страны с новой экономикой важно повысить конкурентоспособность вузов, в частности необходимо к 2025 году открыть в нашей стране не менее пяти филиалов семи авторитетных зарубежных университетов, из них два филиала должны соответствовать техническому направлению [9]. Этому решению поспособствовал острый дефицит высококвалифицированных кадров по техническому направлению по всей стране.

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 248 «Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023-2029 годы» (далее – Концепция) принят основополагающий стратегический документ развития системы высшего образования и науки в Казахстане [10]. В данной Концепции определены основные концептуальные направления такие, как совершенствование модели непрерывного образования и образования в течении всей жизни (lifelong education), развитие инфраструктурных решений и цифровой экосистемы, улучшение материально-технической базы вузов, интернационализация в области высшего и послевузовского образования и др. Одной из приоритетных направлений развития данной Концепции является процесс интернационализации. В целях увеличения доли иностранных студентов в Казахстане предпринимаются и будут приняты ряд системных мер, направленных на повышение привлекательности казахстанских университетов на международном образовательном пространстве, создание благоприятных условий для обучения (инфраструктура, гранты, стипендии и др.), механизмы информирования, упрощение получения студенческой визы.

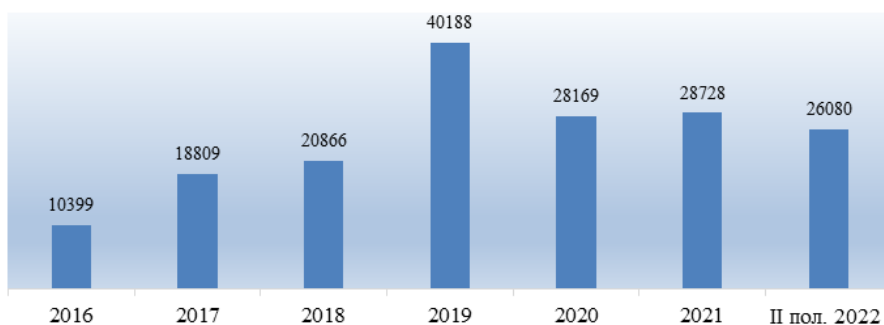
Необходимо отметить о скором внедрении онлайн-портала Study in Kazakhstan, целью которого является упрощения получения иностранными студентами консультаций и необходимой какой-либо информации на нескольких иностранных языках, что является обязательной мерой в мире цифровых технологий. Опять-таки, мы видим сегодня как легко справляется искусственный интеллект, говорящий почти на всех языках мира.

Реализация данных мер позволит увеличить долю иностранных студентов, привлечь к ежегодному проведению занятий иностранных ученых с высоким H-Index, увеличить долю профессорско-преподавательского состава (далее – ППС), прошедших зарубежную научную стажировку по педагогическим исследованиям.

Таким образом, с учетом сегодняшних реалий и внешней геополитической ситуации интеграционные процессы в системе высшего образования оказываются актуальной проблемой для анализа и представления всеобъемлющей картины по реализации поставленных целей и задач.

Если верить данным Центра Болонского процесса и академической мобильности, в 2022 году в РК обучаются 26 080 студентов из других стран. За год доля иностранных студентов снизилось на 9%. Ниже представлена динамика количества иностранных обучающихся за семилетний период.

Рисунок 1. Количество иностранных студентов в Казахстане, чел.

Источник: ТАЛДАУ - Информационно аналитическая система Комитета по Статистике РК (stat.gov.kz)

Важно отметить, что самая высокая доля иностранных обучающихся приходится на 2019 год. Количество студентов составило 40 188, что в сравнении с предыдущим годом указывает на почти двукратное увеличение.

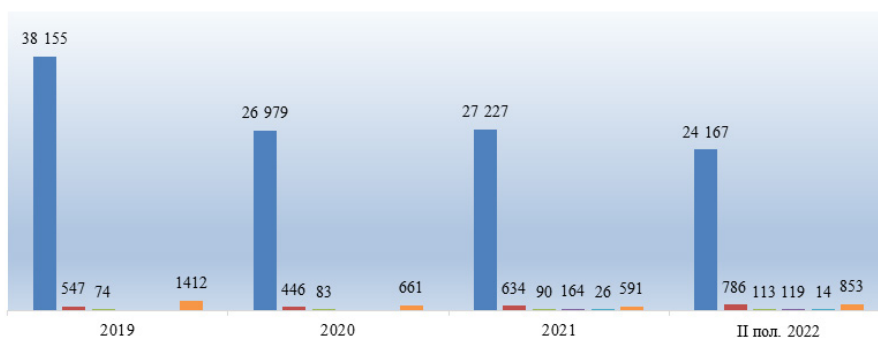
Далее в 2020 году в связи со всемирной пандемией COVID-19, оказавшее огромное влияние на все международные и внутренние процессы стран мира, в том числе без исключения на систему высшего образования в стране, сыграла исключительную роль в понижении показателей доли иностранных студентов, желающих учиться в нашей стране. В целом, можно констатировать факт, что до 2019 года шел постоянный прирост данного показателя, что говорит о правильной выстроенной стратегии развития системы высшего образования.

В числе университетов, которые не были выбраны иностранные студентами, оказались Аркалыцкий педагогический институт им. И.Алтынсарина, Академия физической культуры и массового спорта, Гуманитарно-технический институт Акмешит, Казахстанский медицинский университет ВШОЗ (Казахстанская Высшая школа общественного здравоохранения), Центрально-Казахстанская академия и Шымкентский университет.

Рейтинг университетов составляется и из количества представленности иностранных студентов, которая означает насколько тот или иной университет имеет необходимые ресурсы для создания качественных условий обучения. Речь идет о материально-технической базе самого университета, представленности ученых, квалифицированных кадров, погодных условий региона, состояние кампусов, качества учебной литературы и многое другое. Все эти факторы влияют на рейтинг университетов [11].

Согласно рисунку 2, свыше 90% иностранных обучающихся являются студентами бакалавриата. Всего 786 человек оказались магистрантами. Еще меньше обучающихся оказались докторантами (113), интернами (119) и врачами-резидентами (всего 14 чел.).

Рисунок 2. Количество иностранных студентов по уровням образования, чел.

Источник: ТАЛДАУ - Информационно аналитическая система Комитета по Статистике РК (stat.gov.kz)

Как показано выше, основная часть иностранных обучающихся проходит обучение на бакалавриате, но их количество заметно понизилось в 2022 году.

Данные факты указывают на то, что январские события в 2022 году в Казахстане могли повлиять на уменьшение показателей в интеграции студентов из ближнего зарубежья, то есть из стран СНГ. А увеличение показателей студентов из стран Европы и Африки не играют большую роль в связи с небольшими потоками студентов в количественном измерении. Основной приток иностранных студентов мы наблюдаем из стран СНГ.

Также на сокращение количества студентов могли повлиять внешние политические процессы, связанные, в первую очередь, с конфликтом между Россией и Украиной.

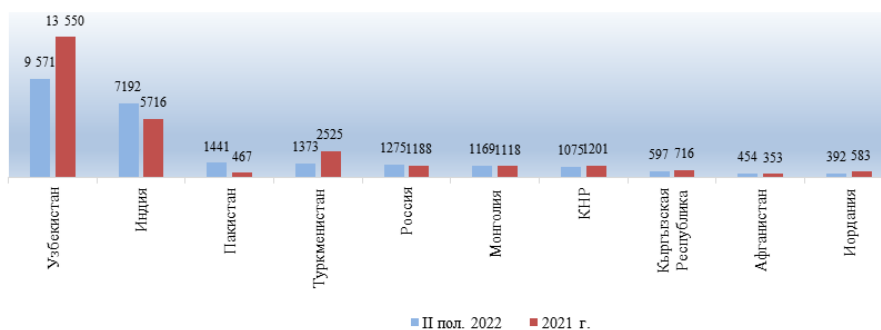
Наблюдается стремительный ежегодный прирост касательно количества иностранных магистрантов и докторантов. Возможно, возраст соискателей в получении послевузовского образования имеет значение. Можно предположить, что чем взрослее абитуриент, тем меньше влияют внешние происходящие политические процессы на осознанность выбора того или иного университета за рубежом. Тому подтверждение прирост количества поступающих абитуриентов из-за рубежа на магистратуру и докторантуру.

В разрезе регионов наивысшая доля иностранных обучающихся в 2022 году приходилась на страны СНГ и Азии [12].

Тем не менее, по сравнению с предыдущим годом численность обучающихся из стран СНГ понизилась на 27%, но отмечается возрастание студентов из стран Африки на 59%. Похожий тренд затронул количество обучающихся из европейских стран (38%).

Ожидаемым ежегодным лидером из стран СНГ по численности обучающихся остается Узбекистан (смотрите рис.3). Но во второй половине 2022 года количество узбекских студентов понизилось почти на одну треть. Студентов из Узбекистана можно встретить почти во всех университетах РК, где есть иностранные студенты, то есть в 95 вузах из 96.

Рисунок 3. Количество иностранных студентов в разрезе ТОП-10 стран, чел.

Источник: ТАЛДАУ - Информационно аналитическая система Комитета по Статистике РК (stat.gov.kz)

Индия занимала второе место по численности иностранных студентов, составив 7 192 человека. Многие студенты, прибывшие из Индии, выбирают медицинские вузы (5 700 из 7 192). Это объясняется тем, что в Индии медицинское образование обходится весьма дорого. То, что их выбор пал на Казахстан может свидетельствовать о повышении конкурентоспособности отечественных медицинских вузов.

К тому же, согласно данным из открытых источников, в Индии среднее количество новорожденных ежедневно составляет 86 тысяч, в то время как в Китае - 49400. Эти страны, в особенности, Индия, не смогут обеспечить качественным высшим образованием всю молодежь. В этой связи, Казахстан мог бы стать привлекательным образовательным хабом при наличии необходимой инфраструктуры.

Возрастание доли российских студентов может говорить о таком ряде факторов, как следствия российско-украинского конфликта и близость географического положения России к Казахстану.

В 2022 году ведущими университетами стали Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, Казахский национальный медицинский

университет имени С.Д. Асфендиярова, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Медицинский университет Караганды и Южно-Казахстанская медицинская академия (рис. 4).

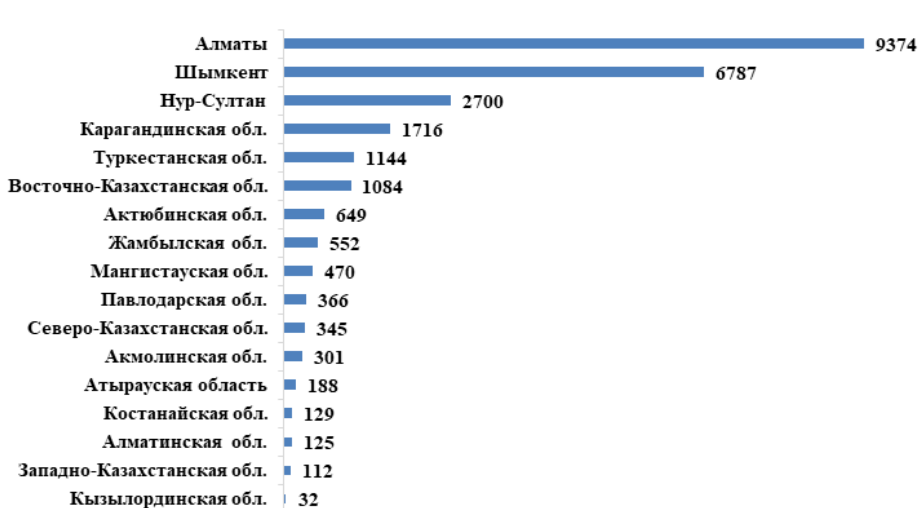
Рисунок 4. Количество иностранных студентов в разрезе ТОП-5 лидеров-ОВПО в 2022 году, чел.

Источник: ТАЛДАУ - Информационно аналитическая система Комитета по Статистике РК (stat.gov.kz)

Если анализировать регионы РК, то по привлечению иностранных студентов лидируют Алматы (38%) и Шымкент (20%). Наименьшее количество иностранцев выбрало Кызылординскую область (рис. 5).

Рисунок 5. Количество иностранных студентов в разрезе областей РК, чел.

Источник: ТАЛДАУ - Информационно аналитическая система Комитета по Статистике РК (stat.gov.kz)

Данное ранжирование по количественному показателю иностранных студентов можно логически объяснить тем, что студентам из Узбекистана как лидеру среди топ-иностраных стран комфортнее и выгоднее учиться в южных регионах РК по многим социально-экономическим аспектам и территориальной близости в целом.

Несомненно, каждый количественный и качественный показатель обоснован рядом причинно-следственных связей. В первую очередь, территориальная близость стран играет важную роль. Немаловажную роль также играет рейтинг самих вузов, авторитетность и престижность на международной арене, рейтинговый показатель вузов в мире, качество профессорско-преподавательского состава, материально-техническая база, состояние общежитий и многое другое.

Здесь цифры логично говорят о том, что крупные города всегда лидируют по многим показателям в целом, в том числе и по количеству обучающихся иностранных студентов. Развитая инфраструктура, в том числе авиа-инфраструктуры крупных городов, большая представленность иностранных студентов, огромное количество выбора программ обучения, специальностей и другие факторы дают основания полагать, что иностранные студенты выбирают университеты по возможности имеющихся больших удобств по данным показателям.

Во втором полугодии 2022 года популярность обрела область медицинского образования, привлекающая 10 728 студентов (41,1%). В первую тройку также вошли педагогические программы и образовательные программы в сфере управления бизнесом.

Студенты из Индии могут получить качественное медицинское образование в Казахстане за сравнительно низкую стоимость. Если в Индии обучение стоит около 45 тыс. долларов, то в нашей стране средняя стоимость обучения в год составляет 7 тыс. долларов. К примеру, одна из студенток Индии поделилась, что неслучайно выбрала РК. В первую очередь выбор пал с учетом экономической выгоды [13].

Академическая мобильность студентов Казахстана

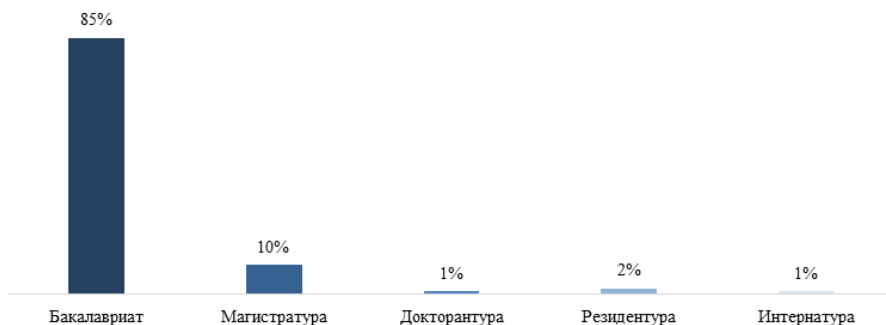
В 2022 году более 3600 студентов прошли обучение в зарубежных университетах, что превышает показатели предыдущего года. С 2020 года в большинстве вузов страны активно внедряются формы виртуальной академической мобильности. Более тысячи студентов выбрали онлайн-обучение, хотя это число все еще меньше по сравнению с количеством обучающихся в традиционном формате (2 500 человек). В целом наблюдается рост числа обучающихся на всех уровнях образования, за исключением интернатуры и резидентуры.

Конечно, в настоящее время большую роль играет профессиональные качества специалистов на рынке труда, ведь приоритетной задачей Казахстана становится развитие человеческого капитала, талантов, которые прославляют свою страну и национальную идеологию в целом. Следует отметить, что общество требует интеграции с внешним миром, большое количество молодежи стараются получить качественное образование в самых престижных университетах мира. Это оправданное решение, и государству необходимо создавать всевозможные условия для реализации

потенциала молодежи и подрастающего поколения. Ведь молодежь – это не будущее страны, молодежь – это настоящее. Здесь и сейчас следует правильно ставить стратегические национальные задачи и конкретный план действий по реализации поставленных задач. Посредством развития человеческого капитала страна развивает экономику знаний, а вместе с ней экономику государства.

Все мировые державы постоянно занимаются развитием науки и инноваций, целями устойчивого развития, креативной экономики и пополнения капитала страны за счет умов и талантов. В качестве лидеров, безусловно, является США, где на финансирование научного потенциала выделяются многомиллиардные суммы, что оправдывается увеличением вклада ВДС (валовой добавленной стоимости) от человеческого капитала в ВВП (валовой внутренний продукт) данной страны. На примере международного опыта и логического увеличения количества населения Казахстана с каждым годом (на сегодняшний день население Казахстана составляет около 20 млн.) будет увеличиваться количество студентов, выезжающих за пределы страны в целях получения качественного образования.

Рисунок 6. Доля обучающихся по академической мобильности в разрезе уровней образования, чел.

Источник: ТАЛДАУ - Информационно аналитическая система Комитета по Статистике РК (stat.gov.kz)

Очевидно снижение их количества по сравнению с предыдущим годом. Это сокращение на 11% можно считать значительным (2021 г. – 1812 чел.).

Число студентов, участвовавших в программах мобильности в странах СНГ, составило 1 602 человек в 2022 году (из них 958 человек обучались в дистанционном формате, а 644 в офлайн формате). Очевидно снижение их количества по сравнению с предыдущим годом. Это сокращение на 11% можно считать значительным (2021 г. – 1812 чел.).

Среди стран СНГ Россия традиционно занимает первое место по количеству принимаемых студентов в рамках академической мобильности: в 2019 году – 453 студентов, в 2020 году – 326 студентов, в 2021 году - 1 459 человек, в 2022 году - 1 146 человек. Второе место в 2022 году занял Узбекистан, который принял 255 студентов, что свидетельствует о растущем интересе к обучению в узбекских вузах.

Россия лидирует по нескольким причинам: 1) близкое географическое расположение; 2) множество совместных программ в рамках интеграции в сферах экономики, торговли, образования и др. между Казахстаном и Россией; 3) некоторые вузы России известны богатой историей с многовековыми традициями и высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом; 4) значимые позиции в мировых рейтингах.

Численность выбравших европейские страны также выросло в 3 раза – 1 695 чел. (2021 г. – 1282 чел.). Среди стран Европы новым лидером по приему студентов из РК стала Турция – 482 чел., на втором месте оказалась Польша – 439 чел. В привычной тройке лидирующих остается Германия – 135 чел.

Наблюдается рост по каждому региону. Стоит отметить, что в 2022 году открылся новый регион – Африка. Таким образом, казахстанский студент прошел обучение в вузе Египта.

Что касается стран Юго-Восточной Азии, то несомненным ежегодным лидером остается Китай – 157 чел. По сравнению с предыдущим годом заметен рост численности студентов из стран ЮВА в 2,5 раза.

В целом, можно резюмировать увеличение количества казахстанских студентов за рубежом обусловлено увеличением количества населения Казахстана и улучшением экономического и социального положения граждан. Растет вовлеченность граждан в получении качественного образования в передовых странах. Также следует отметить, что в последние годы увеличилось государственное финансирование на сферы высшего образования и науки, основной акцент делается на возвращение талантов, крутых специалистов, которые и формируют наше настоящее и будущее страны.

Обсуждение

По информации из открытых источников развитие мягких навыков (soft skills) выходят на лидирующие позиции из всех компонентов профессиональных качеств специалистов на рынке труда. Развитие и интеграция искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности заменит многие профессии и мир адаптируется в скором времени на новые технологичные и инновационные решения. Цифровые технологии помогают качественно улучшать бизнес-процессы, в том числе автоматизировать рутинную работу в системе высшего образования.

Сегодня вузы Казахстана автономны, имеют право самостоятельно выбирать и развивать те или иные учебные программы, составлять свой бюджет с привлечением бизнеса и других заинтересованных сторон, формировать свою повестку и брендировать в целом университет в целях привлечения отечественных и иностранных студентов. В этой связи с учетом текущих мировых инноваций вузам в срочном порядке необходимо провести полную модернизацию всей системы образования, начиная от формирования будущих специальностей, заканчивая до автоматизации всей бюрократии, которые сильно усложняют жизнь участникам образовательного процесса.

Нельзя забывать, что одной из главенствующих национальных задач Казахстана сегодня является развитие человеческого капитала, талантов, которые прославляют свою страну и национальную идеологию в целом. Но также важно проводить систематическую работу в успешной интеграции с внешним миром.

Геополитические и демографические изменения, происходящие в мире могут способствовать созданию в Казахстане большого образовательного-академического хаба. Согласно аналитическим данным сегодня мы видим рост молодежи из стран Центральной Азии, Индии, Пакистана, Бангладеш и др., обучающихся в Казахстане.

В 2022 году в 96 высших учебных заведениях Казахстана обучалось 26 080 иностранных студентов из 84 стран, что составляет 4% от общего числа учащихся, равного 609 150 человек.

Основной приток иностранных студентов мы наблюдаем из стран СНГ. Важно отметить, что январские события в 2022 году в Казахстане могли повлиять на уменьшение показателей в интеграции студентов из стран СНГ. А увеличение показателей студентов из стран Европы и Африки не играют большую роль в связи с небольшими потоками студентов в количественном измерении. Также на сокращение количества студентов могли повлиять внешние политические процессы, связанные, в первую очередь, с войной между Россией и Украиной.

В 2022 году наибольшая доля иностранных студентов была из стран СНГ (51%) и Азии (45%). При этом число студентов из СНГ сократилось на 27% (13 323 в 2022 году и 18 445 в 2021 году), в то время как количество студентов из Африки увеличилось на 59% (225 в 2022 году и 141 в 2021 году). Количество студентов из Европы возросло на 38% (160 в 2022 году и 116 в 2021 году). Основная часть иностранных студентов обучалась на бакалавриате, хотя их число уменьшилось в 2022 году (24 167 по сравнению с 27 227 в 2021 году и 26 979 в 2020 году).

Следует отметить, что стабильно ежегодным лидером по количеству студентов из стран СНГ является Узбекистан.

Индия и Пакистан заняли второе и третье места по количеству студентов. Наибольшая доля иностранных студентов из Индии обучается в медицинских программах, так как в данной стране стоимость обучения по медицинским специальностям обходится очень дорого. В этой связи, студенты Индии находятся в постоянном поиске лучших условий обучения по медицинским специальностям по качеству и материальным условиям обучения.

Конечно, можно также этот факт принять как повышение конкурентоспособности казахстанских вузов, специализирующихся на медицинском направлении, как мотивирующий фактор на пути становления Казахстана образовательным хабом.

А увеличение количества иностранных студентов из России ясно говорит о ряде причин, во-первых, связанных с российско-украинским конфликтом, во-вторых, близость расположения границ России и Казахстана.

Анализ данных также показал, что среди вузов в 2022 году лидерами степени интернационализации являются ЮКУ им. М.Ауэзова, КазНМУ им. С.Асфендиярова, КазНУ им. аль-Фараби, Медицинский университет Караганды, ЮКМА.

Данное ранжирование по количественному показателю иностранных студентов можно логически объяснить тем, что, например, студентам из Узбекистана как лидеру среди топ-иностраных стран комфортнее и выгоднее учиться в южных регионах РК по многим социально-экономическим аспектам и территориальной близости в целом. А в данные университеты

– КазНМУ им. С.Асфендиярова, Медицинский университет Караганды, ЮКМА – поступают в основном иностранные граждане из Индии при выборе медицинских специальностей.

В Казахстане наибольшее количество иностранных студентов зарегистрировано в Алматы (38%) и Шымкенте (20%), тогда как в Кызылординской области их доля составляет всего 0,13% (см. Рис. 5). Здесь цифры логично говорят о том, что крупные города всегда лидируют по многим показателям в целом, в том числе и по количеству обучающихся иностранных студентов. Развитая инфраструктура, в том числе авиа-инфраструктуры крупных городов, большая представленность иностранных студентов, огромное количество выбора программ обучения, специальностей и другие факторы дают основания полагать, что иностранные студенты выбирают университеты по возможности имеющихся больших удобств по данным показателям.

Общее количество казахстанских обучающихся, принявших участие в программе академической мобильности за счет средств МНВО РК и внебюджетных средств за 12 лет составило 25 066 человек. В 2022 году 85 ОВПО реализуют программу академической мобильности казахстанских обучающихся.

В разрезе стран мира наибольшая численность казахстанских студентов поехали учиться в 2022 году в Российскую Федерацию. Конечно, каждый количественный и качественный показатель обоснован рядом причинно-следственных связей. В первую очередь, территориальная близость стран играет первостепенную роль. Немаловажную роль также играет рейтинг самих вузов, конкурентоспособность и престижность на международной арене, рейтинговый показатель вузов в мире, качество профессорско-преподавательского состава, материально-техническая база, состояние общежитий и многое другое.

Выводы

Анализ влияния внешних и внутренних геополитических, демографических процессов на текущую ситуацию в контексте современных геополитических реалий привел к тому, что профильным государственным органам нужно разработать стратегию развития вузов, в том числе процесса интернационализации исходя из четкого анализа потребности собственных граждан в системе высшего образования. Следует учесть демографические риски, происходящие в странах Индии, Китая, Бангладеша и др.

Например, нужно учесть потоки увеличения студентов из Индии, так как население данной страны постоянно увеличивается и является второй по численности населения страной в мире (около 1,21 миллиарда человек). Согласно прогнозам, к концу 2030 года в Индии будет проживать более 1,53 миллиарда человек [14]. С учетом данных геополитических и демографических процессов следует рассчитать алгоритм вместимости (проектной мощности) и возможности каждого вуза для привлечения n-количества иностранных студентов. Таким образом, можно полагать, в сумме данные меры приведут к определению основных тенденций интернационализации и академической мобильности в РК. В целях оценки качества проводимой политики в вопросах интернационализации каждого вуза нужны измеримые показатели в виде проектной деятельности. Каждый вуз – отдельный проект, что в итоге анализа деятельности суммы всех вузов приведет к реальной оценке качества развития высшего образования.

В заключение следует отметить, что в случае точной оценки потребности, создания благоприятных условий для большого количества обучающимся других стран и определения необходимых инструментов для ее реализации можно превратить Казахстан в качестве ведущего научно-образовательного хаба в регионе.

Авторы не получали финансовую поддержку в виде грантов или других средств для проведения данного исследования. Все работы были выполнены на безвозмездной основе, с использованием открытых источников и общедоступных данных. Авторы выражают благодарность всем организациям и платформам, предоставившим доступ к необходимым материалам и данным.

Список литературы

1. Абдулманов, А. (2023, 19 апреля). О чем говорил Токаев на расширенном заседании правительства. Bizmedia.kz. Доступно по ссылке: <https://bizmedia.kz/2023/04/19/o-chem-govoril-tokaev-na-rasshirennom-zasedanii-pravitelstva/>
2. Правительство Республики Казахстан. (2023, 28 марта). Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023–2029 годы (Постановление № 248). Доступно по ссылке: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248>
3. Мамбеталина, Д. А. (2020). Внутренняя мобильность студентов в вузах Казахстана: SWOT-анализ. Вестник КазНУ. Серия педагогическая, 65(4), 49–61.
4. Прохоров, А. В. (2012). Интернационализация высшего образования: состояние, проблемы, перспективы. Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы, 2(4)), 8–17.
5. De Jong, H., & Teekens, H. (2003). The case of the University of Twente: Internationalisation as education policy. Journal of Studies in International Education, 7(1), 41–51.
6. Мескон, М., Альберт, М., & Хедоури, Ф. (1997). Основы менеджмента. Издательство "Дело".
7. Есимова, Ш. А., & Хасенова, Л. А. (2022). Состояние и перспективы развития академической мобильности в университетах Республики Казахстан. Economics: The Strategy and Practice, 17(1), 127–143.
8. Игнатов, Е. В. (2011). Управление системой высшего образования Казахстана в условиях реформирования (Магистерская диссертация). Тюменский государственный нефтегазовый университет.
9. Смайл, М. (2022, 11 апреля). Токаев поручил открыть 5 филиалов авторитетных зарубежных вузов. Tengrinews.kz. Доступно по ссылке: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-poruchil-otkryit-5-filialov-avtoritetnyih-zarubejnyih-458814/
10. Министерство образования и науки Республики Казахстан. (2011, 20 апреля). Об утверждении Правил организации учебного процесса по кредитной технологии обучения в организациях высшего и (или) послевузовского образования (Приказ № 152). Доступно по ссылке: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1100006976>
11. Центр Болонского процесса и академической мобильности Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. (2022). Мониторинг реализации программы академической мобильности обучающихся. Доступно по ссылке: https://enic-kazakhstan.edu.kz/uploads/additional_files_items/138/file/3-1-monitoring-akademicheskoy-mobilnosti-2022-rus.pdf
12. Международное информационное агентство «Казинформ». (2022, 12 октября). Более 5 тысяч студентов из Индии обучается в казахстанских вузах. Доступно по ссылке: https://www.inform.kz/ru/boleee-5-tysyach-studentov-iz-indii-obuchaetsya-v-kazahstanskih-vuzah_a3990778
13. Рао, А. Г. (2021). Лингвистическое разнообразие, образование и демократия в Индии: перспективы и проблемы. Вестник Челябинского государственного университета, 9(455), 135–141.
14. Altbach, P. G., & Knight, J. (2007). The internationalization of higher education: Motivations and realities. Journal of Studies in International Education, 11(3–4), 290–305.

References:

1. Abdulmanov, A. (2023, April 19). O chem govoril Tokaev na rasshirennom zasedanii pravitel'stva [What Tokayev discussed at the expanded government meeting]. Bizmedia.kz. Retrieved from <https://bizmedia.kz/2023/04/19/o-chem-govoril-tokaev-na-rasshirennom-zasedanii-pravitelstva/>
2. Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan. (2023, March 28). Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya vysshego obrazovaniya i nauki v Respublike Kazakhstan na 2023–2029 gody [On the approval of the Concept for the development of higher education and science in the Republic of Kazakhstan for 2023–2029] (Postanovlenie № 248). Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248>
3. Mambetalina, D. A. (2020). Vnutrennyaya mobil'nost' studentov v vuzakh Kazakhstana: SWOT-analiz [Internal mobility of students in Kazakhstani universities: SWOT analysis]. Vestnik KazNU. Seriya pedagogicheskaya, 65(4), 49–61.
4. Prokhorov, A. V. (2012). Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: sostoyanie, problemy, perspektivy [Internationalization of higher education: State, problems, prospects]. Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy, (2(4)), 8–17.
5. De Jong, H., & Teekens, H. (2003). The case of the University of Twente: Internationalisation as education policy. Journal of Studies in International Education, 7(1), 41–51.
6. Mescon, M., Albert, M., & Khedouri, F. (1997). Osnovy menedzhmenta [Fundamentals of Management]. Izdatel'stvo "Delo".
7. Esimova, Sh. A., & Khasenova, L. A. (2022). Sostoyanie i perspektivy razvitiya akademicheskoi mobil'nosti v universitetakh Respubliki Kazakhstan [State and prospects of academic mobility development in universities of the Republic of Kazakhstan]. Economics: The Strategy and Practice, 17(1), 127–143.
8. Ignatova, E. V. (2011). Upravlenie sistemoy vysshego obrazovaniya Kazakhstana v usloviyakh reformirovaniya [Management of the higher education system of Kazakhstan under reform conditions] (Master's thesis). Tyumenskii gosudarstvennyi neftegazovyi universitet.
9. Smayyl, M. (2022, April 11). Tokaev poruchil otkryt' 5 filialov avtoritetnykh zarubezhnykh vuzov [Tokayev instructed to open 5 branches of reputable foreign universities]. Tengrinews.kz. Retrieved from https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-poruchil-otkryit-5-filialov-avtoritetnykh-zarubezhnykh-458814/
10. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan. (2011, April 20). Ob utverzhdenii Pravil organizatsii uchebnogo protsessa po kreditnoi tekhnologii obucheniya v organizatsiyakh vysshego i (ili) poslevuzovskogo obrazovaniya [On the approval of the Rules for organizing the educational process using credit technology in higher and (or) postgraduate education institutions] (Prikaz № 152). Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1100006976>
11. Tsentr Bolonskogo protsessa i akademicheskoi mobil'nosti Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Respubliki Kazakhstan. (2022). Monitoring realizatsii programmy akademicheskoi mobil'nosti obuchayushchikhsya [Monitoring the implementation of the academic mobility program for students]. Retrieved from https://enic-kazakhstan.edu.kz/uploads/additional_files_items/138/file/3-1-monitoring-akademicheskoy-mobilnosti-2022-rus.pdf
12. Mezhdunarodnoe informatsionnoe agentstvo "Kazinform". (2022, October 12). Bolee 5 tysyach studentov iz Indii obuchayutsya v kazakhstanskikh vuzakh [More than 5,000 students from India study in Kazakhstani universities]. Retrieved from https://www.inform.kz/ru/bole-5-tysyach-studentov-iz-indii-obuchaetsya-v-kazakhstanskikh-vuzah_a3990778
13. Rao, A. G. (2021). Lingvisticheskoe raznoobrazie, obrazovanie i demokratiya v Indii: perspektivy i problemy [Linguistic diversity, education, and democracy in India: Perspectives and challenges]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, (9(455)), 135–141.
14. Altbach, P. G., & Knight, J. (2007). The internationalization of higher education: Motivations and realities. Journal of Studies in International Education, 11(3–4),

Материал поступил в редакцию 07.07.2024.

Утвержден к публикации 25.11.2024

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Сауле Искендинова¹
Кульжахан Бакирова^{2*}
Даниал Саари³

¹ кандидат экономических наук, профессор филиала Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по Акмолинской области. E-mail s.iskendirowa1968@gmail.com

^{2*} доктор педагогических наук, профессор кафедры географии и экологии Казахского национального педагогического университета им. Абая. E-mail*: bakirova59@mail.ru

³ магистр экономических наук, Professor of Practice, директор Центра политических исследований, Школы политики и права Алматы Менеджмент Университета. E-mail: danialsaari@mail.ru

ORCID¹: 0000-0003-3596-8831

ORCID²: 0000-0002-2175-3576

ORCID³: 0000-0003-3561-8209

doi.org/10.52536/2415-8216.2024.112.4.007

Аннотация. Данная статья является обзорной. С целью выявления факторов, влияющих на качество высшего образования нами проведен всесторонний анализ качества высшего образования в Республике Казахстан. Рассмотрены основные группы факторов, определяющих качество высшего образования: академические стандарты и аккредитация, курсы и программы обучения, трудоустройство выпускников и др. Ряд изученных факторов оказывают значительное влияние на его уровень, к таким факторам относятся профессиональная квалификация преподавателей, их активное участие в научных исследованиях, актуальность образовательных программ, соответствующих потребностям рынка труда и научных достижений. Кроме того, важно наличие современной инфраструктуры и технических ресурсов для эффективного обучения и научной работы в вузах Казахстана. Исследование влияния данных факторов позволит глубже понять основные стороны проблемы и разработать эффективные стратегии ее решения, адекватное финансирование и управление университетами, способствующее их развитию и повышению качества высшего образования в Казахстане.

Выявлено и исследовано положительное влияние на качество образования международного сотрудничества и обмена опытом с ведущими зарубежными университетами.

Проведен сравнительный анализ факторов, влияющих на качество образования в Республике Казахстан и мировом сообществе, выявлены общие тенденции, разнообразные подходы к оценке качества высшего образования, каждый из которых отражает уникальные исторические, культурные и политические контексты. Предложены рекомендации по улучшению качества высшего образования в Республике Казахстан на основе мирового опыта.

Ключевые слова: качество образования, факторы, влияющие на качество образования, высшее образование Республики Казахстан, мировое сообщество.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ЖОҒАРЫ БІЛІМ САПАСЫНА ЭСЕР ЕТЕТІН ФАКТОРЛАР

Сәуле Ескендірова¹, Күлжахан Бәкірова^{2*}, Даниал Саари³

¹ экономика ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Ақмола облысы бойынша филиалының профессоры, e-mail: s.iskendirowa1968@gmail.com

^{2*} педагогика ғылымдарының докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің география және экология кафедрасының профессоры, e-mail*: bakirova59@mail.ru

³ Экономика ғылымдарының магистрі, практика профессоры, Алматы Менеджмент Университетінің Саясат және құқық мектебінің Саяси зерттеулер орталығының директоры. e-mail: danilsaari@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада берілген ақпарат шолу болып табылады. Қазақстан Республикасындағы жоғары білім сапасына әсер ететін факторларды анықтау мақсатында Қазақстан Республикасындағы жоғары білім саласына кешенді талдау жүргізілді. Жоғары білім сапасын анықтайтын факторлардың негізгі топтары қарастырылды: олар академиялық стандарттар мен аккредитациялау, курстар мен оқу бағдарламалары, түлектерді жұмысқа орналастыру және т.б. Сапа деңгейіне бірқатар зерттелетін факторлар айтарлықтай әсер етеді, мұндай факторларға оқытушылардың кәсіби біліктілік пен олардың ғылыми зерттеулерге белсенді қатысуы, еңбек нарығы мен ғылым жетістіктерінің сұраныстарына сәйкес келетін білім беру бағдарламаларының өзектілігі жатады. Осы факторлардың әсерін зерттеуі проблеманың негізгі жақтарын тереңірек түсінуге және оны шешудің тиімді стратегияларын, университеттерді барабар қаржыландыру мен басқаруды әзірлеуге, олардың дамуына және Қазақстанда жоғары білім сапасын арттыруға мүмкіндік береді.

Шетелдік жетекші университеттермен халықаралық ынтымақтастық пен тәжірибе алмасудың білім сапасына оң ықпалы анықталып, зерделенді.

Қазақстан Республикасындағы және әлемдік қоғамдастықта білім сапасына әсер ететін факторларға салыстырмалы талдау жүргізілді, жалпы тенденциялар мен жоғары білім сапасын бағалаудың әртүрлі тәсілдері анықталды, олардың әрқайсысы бірегей тарихи, мәдени және саяси жағдайды контекстері көрсетілді. Халықаралық тәжірибе негізінде Қазақстан Республикасында жоғары білім беру сапасын арттыру бойынша ұсыныстар енгізілді.

Түйінді сөздер: Білім сапасы, білім сапасына әсер ететін факторлар, Қазақстан Республикасының жоғары білімі, әлемдік қоғамдастық.

FACTORS INFLUENCING THE QUALITY OF HIGHER EDUCATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Saule Iskenderova¹, Kulzhakhan Bakirova^{2*}, Danial Saari³

¹ PhD in Economics, Professor of the Akmola Region Branch of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan. E-mail s.iskenderova1968@gmail.com

^{2*} Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Geography and Ecology of the Kazakh National Pedagogical University named after Abay. E-mail*: bakirova59@mail.ru

³ Master of Economics, Professor of Practice, Director of the Center for Political Research, School of Politics and Law, Almaty Management University. E-mail: danialsaari@mail.ru

Abstract. This article is an overview. In order to identify the factors affecting the quality of higher education in the Republic of Kazakhstan, we have conducted a comprehensive analysis of the quality of higher education in the Republic of Kazakhstan. We considered the main groups of factors that determine the quality of higher education: academic standards and accreditation, courses and programs of study, employment of graduates, etc. A number of studied factors have a significant impact on its level, such factors include professional qualification of teachers, their active participation in scientific research, relevance of educational programs that meet the needs of the labor market and scientific achievements. In addition, it is important to have modern infrastructure and technical resources for effective teaching and research work in higher education institutions in Kazakhstan. The study of the influence of these factors will allow a deeper understanding of the main sides of the problem and develop effective strategies to solve it, adequate funding and management of universities, contributing to their development and improving the quality of higher education in Kazakhstan. The positive impact of international cooperation and experience exchange with leading foreign universities on the quality of education has been identified and investigated.

The comparative analysis of factors influencing the quality of education in the Republic of Kazakhstan and in the world community has been carried out, common trends, various approaches to assessing the quality of higher education, each of which reflects unique historical, cultural and political contexts have been revealed. Recommendations for improving the quality of higher education in the Republic of Kazakhstan based on the world experience are proposed.

Keywords: *Quality of education, factors affecting the quality of education, quality of education of the Republic of Kazakhstan, the world community.*

Введение

Высшее образование играет важную роль в создании человеческого капитала, развитии интеллектуального потенциала и повышении конкурентоспособности государства на фоне глобализации и инновационного развития. Качество высшего образования в Республике Казахстан, как и во многих других странах, является предметом особого внимания. Исследование проблем качества высшего образования в Казахстане должно учитывать не только текущее состояние образовательной системы, но и основные факторы, влияющие на его качество [1].

В настоящее время Казахстан ставит амбициозные цели по модернизации и развитию своей образовательной системы, подчеркивая важность качественного образования для устойчивого социально-экономического развития страны. Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи, в системе высшего образования сохраняются серьезные проблемы, такие как низкие показатели качества образования, недостаточная конкурентоспособность выпускников на рынке труда и несоответствие образовательных программ требованиям современной экономики и общества [2].

Так, по мнению исследования, проведенного журналом CEOWORLD на основе анализа и сравнения 93 стран по двум ключевым категориям - качество и возможности высшего образования, которые включают 16 показателей, Казахстан оказался лишь на 62 месте с показателем 51 балл из 100 по категории «качество» и 43.65 по категории «возможность» [3].

Анализ качества высшего образования в Республике Казахстан выявляет ряд факторов, оказывающих значительное влияние на его уровень. К таким факторам относятся профессиональная квалификация преподавателей, их активное участие в научных исследованиях, актуальность образовательных программ, соответствующих потребностям рынка труда и научных достижений. Кроме того, наличие современной инфраструктуры и технических ресурсов для эффективного обучения и научной работы в вузах Казахстана, особенно в отдаленных регионах, также имеет решающее значение. Качественное международное сотрудничество и обмен опытом с ведущими зарубежными университетами могут положительно повлиять на качество образования [4]. Помимо этого, адекватное финансирование и управление университетами, способствующее их развитию и повышению качества образования, позволят глубже понять проблему качества высшего образования в Казахстане и разработать эффективные стратегии ее решения.

Исследование факторов, влияющих на качество образования, имеет важное значение как на мировом уровне, так и в контексте Казахстана, поскольку оно способствует разработке стратегий и механизмов для улучшения образовательной системы. Качественное образование не только повышает конкурентоспособность выпускников на рынке труда, но и способствует устойчивому социально-экономическому развитию страны, улучшению уровня жизни населения, сокращению бедности, улучшению здравоохранения и других социальных показателей. В итоге, изучение факторов, влияющих на качество образования [5], является важной задачей с точки зрения социального, экономического и культурного развития общества.

Обзор литературы

Качество высшего образования в Казахстане определяется множеством факторов. Исследование К.Момуналиевой (2020) [6] показало, что восприятие качества образования студентами зависит от инфраструктуры университетов, финансовой и другой поддержки, квалификации учителей и отношения персонала. С.Ли (2008) [7] определил критические факторы, влияющие на удовлетворенность студентов, включая качество образовательных услуг и намерения к покупке. Ж.Джумакулов (2016) [8] выделил роль инициатив международного сотрудничества, таких как программы мобильности студентов и преподавателей, межправительственные соглашения и интернационализацию учебных программ. А.Кусаинов (2016) [9] подчеркнул необходимость улучшения качества всех компонентов образования, включая переход к 12-летней средней школе. Эти исследования в совокупности подчеркивают важность различных факторов, от инфраструктуры и поддержки до международного сотрудничества и общего качества образования, в формировании ландшафта высшего образования в Казахстане [10].

Обзор литературы по предыдущим исследованиям факторов, влияющих на качество высшего образования на глобальном уровне, охватывает широкий круг тем и аспектов. Качество высшего образования тесно связано с квалификацией преподавательского состава. Исследования подчеркивают важность наличия высококвалифицированных и опытных учителей для обеспечения эффективного обучения и развития студентов. Разработка современных и актуальных образовательных программ, соответствующих требованиям рынка труда и научным достижениям, является ключевым фактором обеспечения качества высшего образования. Наличие современных аудиторий, библиотек, лабораторий, доступа к информационным технологиям и других ресурсов играет важную роль в предоставлении качественного образования. Эффективная система оценки знаний студентов и обратной связи от учителей способствует стимулированию академической деятельности и повышению качества образования. Участие в международных образовательных программах, обмен студентами и преподавателями, а также сотрудничество с международными университетами помогают повысить качество образования и его конкурентоспособность. Адекватное финансирование и эффективное управление университетами считаются важными факторами, влияющими на их способность предоставлять качественное образование. Свобода и автономия университетов от государственного вмешательства способствуют инновациям, исследованиям и образованию высокого качества. Эти факторы подчеркивают сложный характер проблемы и необходимость интегрированного подхода к ее решению [10].

Методология и методы исследования

Целью нашего изучения явились факторы, влияющие на качество обучения. Методология оценки качества высшего образования включает анализ самообследования университета, экспертные мнения, количественные данные, а также формат итогового отчета. В ходе самообследования университеты собирают информацию о своей деятельности, результатом которой становится отчет, формат которого может быть задан агентством [11]. Экспертные оценки вносят значимый вклад, обеспечивая оценку на

основе наблюдений во время визита в университет. Количественные данные предоставляют индикаторы, отражающие входные условия и итоговые результаты учебного заведения, которые могут включать результаты тестирования студентов и опросы работодателей.

Итоговый отчет, созданный для университета или профильного министерства, зависит от целей процедуры оценки. Если цель состоит в улучшении качества, то отчет будет содержать подробные рекомендации по необходимым изменениям. Определение формата оценки зависит от ответов на вопросы о контроле процесса оценки, обязательности ее проведения, стандартизации методов и последствий оценки. Решение этих вопросов зависит от того, как определена главная проблема качества образования и нуждается ли она в минимальных стандартах или постоянном улучшении [12].

В оценке качества ключевую роль играют отчеты о самообследовании с описанием стратегии развития и внутренних процессов. Различные типы проблем качества образования требуют соответствующих систем оценки. Процедура аккредитации оценивает возможность университета предоставить минимально необходимое качество образования и включает этапы самообследования, визит экспертов и решение комиссии [13]. Аудит качества направлен на проверку способности университета поддерживать высокие стандарты качества и может основываться на регулярной оценке департаментов с привлечением внешних экспертов.

Оценка студенческих результатов может проводиться через тесты и опросы, что отражает прямую оценку качества образования через результаты обучения студентов [14]. При этом важно анализировать не только инфраструктуру и учебные планы, но и как университет работает со студенческими результатами для улучшения преподавания и обучения.

Результаты исследования и их обсуждение

Качество высшего образования на глобальном уровне определяется рядом взаимосвязанных факторов, которые в совокупности формируют уникальную образовательную среду. В эпоху глобализации и массового образования важность внедрения систематической оценки университетов становится особенно значимой [15]. Этот процесс ускорился вследствие роста числа частных университетов и расширения программ старых учебных заведений, что повысило конкуренцию и потребность в доказательствах эффективности использования финансов [13].

Сокращение государственного финансирования заставило университеты стать более подотчетными перед обществом, что привело к регулярному прохождению оценок качества и получению статуса надежных организаций [16]. Болонский процесс стимулировал международную мобильность студентов, акцентируя внимание на необходимости поддержания минимальных стандартов качества в мировом образовательном сообществе.

Министерства образования многих стран предпринимают шаги для «очищения» высшего образования, закрывая частные вузы, которые не соответствуют даже минимальным стандартам качества, что подчеркивает важность регулирования институционального поведения для обеспечения качественного образовательного процесса [17].

Аккредитация в Соединенных Штатах и Европе стала инструментом для оценки образовательных программ и признания вузов, что дает им определенные привилегии, например, возможность открывать новые программы без государственного одобрения или право студентов получать федеральные займы [18]. Гибкость в форматах аккредитации может варьироваться от обязательной проверки каждой программы до более адаптивных подходов [19].

Международные рейтинги, такие как US News & World Report, Шанхайский рейтинг, Times Higher Education и другие, отражают позиции университетов на глобальной арене и оказывают значительное влияние на их репутацию и привлекательность для студентов со всего мира.

Аудит качества, особенно в Гонконге, является примером оценки способности организаций достигать поставленных целей с учетом того, что понятие качества может различаться в разных учебных заведениях [20]. Система оценки студенческих результатов в США через опросы подчеркивает необходимость оценки не только структуры учебного процесса, но и фактического опыта студентов.

Мировой опыт оценки качества высшего образования предлагает ценные уроки для оптимизации и улучшения образовательной среды, включая непрерывное повышение стандартов качества и адаптацию к меняющимся условиям глобализированного мира.

Факторы, влияющие на качество высшего образования в Казахстане

В контексте качества высшего образования в Республике Казахстан можно выделить несколько ключевых аспектов, оказывающих существенное влияние на его развитие и эффективность. Академическая честность является основой академической политики и исследовательской деятельности университетов. Ответственность за признание квалификации усилена в связи с принятием Закона Республики Казахстан «О профессиональных квалификациях».

Университеты несут полную ответственность за признаваемость дипломов, что определено стандартами внутренней системы обеспечения качества, основанными на международных стандартах ENQA. Повышение квалификации и мотивация профессорско-преподавательского состава напрямую связаны с качеством высшего образования, при этом особый статус признается преподавателям вузов и ученым, чему способствует система достойного вознаграждения за труд.

Развитие научных школ и поддержка молодых ученых является одним из приоритетных направлений. Финансирование научных исследований сохраняется на должном уровне, а также продолжается политика открытия филиалов ведущих зарубежных университетов для повышения качества образовательных программ и их соответствия мировым стандартам.

Особое внимание уделяется инновационной экосистеме и региональному развитию, что включает в себя создание Центров академического превосходства и поддержку кастомизации образовательных программ. Эти меры направлены на рост научно-инновационной активности и удовлетворение региональных потребностей в кадрах и инновациях.

Государственное регулирование в системе высшего и послевузовского образования переходит от стационарной модели к цифровой, с фокусом на университеты с наибольшим потенциальным риском, что позволяет снизить административные нагрузки на вузы, демонстрирующие благонадежность [21].

Проблемы, которые влияют на качество образования в Республике Казахстан, связаны с рядом факторов, включая отсутствие автономии университетов, недостаточное финансирование и коррупционные проявления. Это приводит к низкому уровню оплаты труда преподавателей и устареванию материально-технической базы [22].

Для решения этих проблем важно рассматривать комплексные меры, учитывая мировые тенденции и лучшие практики. Все это требует глубокого анализа и обобщения факторов, влияющих на эффективность рынка образовательных услуг в условиях глобализации. На сегодняшний день, чтобы улучшить качество высшего образования, в Казахстане принимаются законы, усиливающие ответственность вузов за признаваемость квалификаций, а также актуализируются перечни регулируемых профессий. Это включает в себя аспекты, как прозрачность и четкость классификации должностей в вузах, так и обеспечение справедливой системы оплаты труда, связанной с конкретными научными достижениями и требованиями к квалификации [23].

Процедуры подготовки научных кадров также пересматриваются с целью привлечения талантливой молодежи и обеспечения преемственности научных направлений. В этом контексте, молодым ученым предлагаются программы для обучения и исследований за рубежом, а также поддержка в коммерциализации научных разработок.

Стратегическое развитие высшего образования включает также цифровую трансформацию, направленную на создание эффективных механизмов управления рисками и автоматизацию процедур оценки через Единую платформу высшего образования. Это позволяет повысить качество управления высшим образованием и снизить нагрузку на вузы, соблюдающие установленные стандарты [21].

Важным элементом в улучшении качества высшего образования является усиление международного сотрудничества вузов, что включает международную аккредитацию и сотрудничество с ведущими международными академическими рейтинговыми агентствами. Учитывается также уровень квалификации и профессиональная мотивация преподавателей, что является основой для повышения качества образовательного процесса.

Систематическое финансирование и инвестиции в инфраструктуру и материально-техническую базу государственных вузов становятся необходимым условием для поддержания устойчивого развития высшего образования и обеспечения его соответствия современным требованиям.

Таким образом, качество высшего образования в Казахстане зависит от комплекса мер, направленных на укрепление институциональной автономии, усиление ответственности вузов, обновление образовательных программ, инвестирование в научные исследования и развитие международного сотрудничества.

Каждый вуз в Республике Казахстан разработал свои стандарты внутреннего качества образования, включающие политику качества обучения, разработку и утверждение программ, студентоцентрированное обучение, прием студентов, преподавательский состав и другие аспекты, что подчеркивает их стремление к обеспечению качественного образования. Эти стандарты согласуются с международными требованиями и ориентированы на улучшение качества образовательного процесса.

Национальные рейтинги вузов в Казахстане, начиная с 2006 года, отражают стремление страны к разработке собственной системы оценки качества высшего образования. Эти рейтинги основаны на изучении мирового опыта и адаптированы к национальным особенностям. Они включают ранжирование вузов по различным критериям, таким как концентрация талантов, ресурсы, международное сотрудничество и научные исследования.

Вызовы, с которыми сталкивается высшее образование в Казахстане, включают необходимость укрепления связей с международным образовательным и научным сообществом, обеспечение достаточного финансирования и модернизацию учебных программ. Кроме того, страна сталкивается с задачей обеспечения равного доступа к высшему образованию и повышения его качества для соответствия международным стандартам.

Таким образом, качество высшего образования в Казахстане зависит от ряда факторов, включая эффективность управления, финансирование, качество преподавания и научных исследований, а также интеграцию с мировым образовательным пространством.

Качество высшего образования в мировом контексте зависит от множества факторов, которые влияют на его эффективность, репутацию и значимость для студентов, работодателей и общества в целом. Рассмотрим основные группы факторов, определяющих качество высшего образования:

Академические стандарты и аккредитация: Высшие учебные заведения должны соответствовать строгим академическим стандартам, которые гарантируют качество образования. Одним из способов обеспечения этого качества является аккредитация университетов так как она оценивает их соответствие определенным стандартам и критериям. Наряду с независимой аккредитацией в Казахстане существует контроль, проводимый уполномоченным органом в сфере образования – Министерство науки и высшего образования (МНВО). Квалификационные требования, предъявляемые при лицензировании образовательной деятельности кроме прочего включают:

- наличие образовательных программ, внесенных в Реестр образовательных программ уполномоченного органа в области науки и высшего образования;
- наличие библиотечного фонда учебной, учебно-методической и научной литературы и требования к нему;
- наличие необходимых учебных корпусов, обеспечивающих качество образовательных услуг;
- создание равных условий и безбарьерного доступа к образовательным услугам для обучающихся с особыми образовательными потребностями;
- доступность широкополосного интернета, включая беспроводные технологии и наличие информационной системы управления образованием с актуальными базами данных;
- наличие учебно-лабораторной и материально-технической базы, технических средств обучения и оборудования, необходимых для реализации образовательных программ;
- требования к прохождению преподавателями повышения квалификации в соответствии с профилем преподаваемых дисциплин и др.

Вместе с тем Министерство науки и высшего образования (далее МНВО) с 2018 года проведена работа по расширению академической свободы вузов, что позволяет вузам самостоятельно определять до 80% содержания обучения, предлагая как узкопрофессиональные, так и междисциплинарные образовательные программы. Это значительно повышает ответственность вузов за качество предоставляемого образования, но и дает возможности использовать гибкие механизмы при адаптации образовательных услуг требованиям стейкхолдеров.

Репутация учебного заведения и его место в международных рейтингах также могут служить индикатором качества. Это может быть свидетельством о том, что учреждение признано в мировом сообществе и имеет высокую степень доверия.

Измерения данного фактора могут быть представлены в виде результатов участия в различных рейтингах университетов, такие как QS World University Rankings, Times Higher Education World University Rankings и другие, которые часто основаны на статистических данных о качестве обучения, исследованиях, ресурсах и многих других факторах. В 2023 году 6 из 125 отечественных вузов, а именно КазНУ им. аль-Фараби, ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Сатбаев Университет, ЮКУ им. Ауезова, КазНАИУ, КазНПУ им. Абая вошли в QS-WUR, ТОП-700 лучших университетов мира, при этом целевой индикатор не достиг запланированных 9 вузов. Определенное негативное влияние на отдельные вузы, способствовал потере их позиции оказало изменение методологии рейтинга.

Преподаватели и исследования: Компетентные преподаватели, обладающие актуальными знаниями и опытом в своих областях, играют ключевую роль в качестве высшего образования. Репутация исследовательской работы учреждения также важна, поскольку это способствует развитию новых знаний и инноваций. В целом можно констатировать, что существуют вопросы к оценке качественного состава вузов Казахстана, выполнению квалификационных требований к уровню острепенности ППС и их профилю. Переход к системе «бакалавр-магистр-доктор PhD» создал определенные проблемы с выполнением требований МНВО, так как количество кандидатов и докторов наук по старой системе уменьшалось, в том числе по возрасту, а количество докторов PhD и докторов по профилю не покрывало, и не покрывает образовавшийся разрыв. Последние годы МНВО увеличивает количество выделяемых образовательных грантов, выдает лицензии на подготовку этой категории региональным вузам, но дефицит кадров еще существует.

Несмотря на увеличивающийся выпуск докторантов в Казахстане существует проблема завершения процесса подготовки кадров – определенная для выпускников не проходит процедуру защиты. Это негативно сказывается как на общей острепенности ППС, так приводит к нерациональному использованию бюджетных средств.

Показатели, такие как количество и качество научных публикаций, уровень цитирования, привлечение грантов и т. д., могут свидетельствовать о научной активности университета и его вкладе в мировую науку.

Курсы и программы обучения: Качественные курсы и программы обучения должны отвечать потребностям студентов и рынка труда, предоставляя актуальные знания и навыки, необходимые для успешной карьеры. Гибкость

в выборе курсов и возможность индивидуализированного обучения также ценятся. Оценку данного фактора можно провести проанализировав показатели успеваемости и результаты студентов - статистика по результатам экзаменов, оценкам, проценту выпускников с отличием, а также показатели уровня знаний и навыков, полученных во время обучения, которые могут быть использованы для оценки качества высшего образования.

Такие данные доступны МНВО в рамках Единой платформы высшего образования (ЕВПО), используемой как инструмент для управления высшим образованием, она представляет собой сложную структуру, охватывающую широкий спектр в том числе академических показателей. Эта платформа наблюдать данные по образовательным программам всех вузов, включенных в реестр уполномоченного органа.

Инфраструктура и ресурсы: Современные учебные заведения должны обладать современной инфраструктурой и доступом к необходимым ресурсам, таким как библиотеки, лаборатории, компьютерные классы и техническое оборудование. Уровень финансирования и инвестиции в образование могут быть оценены через статистические данные о бюджете на образование, расходах на учебные материалы, научные исследования, инфраструктуру и другие аспекты могут отражать уровень финансирования и, как следствие, качество образования.

Международная перспектива: Учреждения высшего образования, которые активно сотрудничают с международными учреждениями и предлагают международные программы обучения, могут предоставить студентам широкие возможности для культурного обмена, международного опыта и глобальной перспективы

Трудоустройство выпускников: Один из показателей качества высшего образования – это успешность трудоустройства выпускников и уровень их заработной платы. Высшее образование должно обеспечивать студентов не только знаниями, но и навыками, которые будут востребованы на рынке труда. Доля выпускников, которые успешно находят работу в своей профессиональной области, уровень их заработной платы, время, затраченное на поиск работы после окончания обучения – все это показатели, которые можно оценить статистически. Данные анализируются НПП «Атамекен» в рамках рейтинга образовательных программ, однако не все вузы принимают в нем участие.

Доступность и равенство: Качественное высшее образование должно быть доступно для всех групп населения без дискриминации, а также должно поддерживать разнообразие и инклюзивность студенческого сообщества. Статистические данные о доле студентов из разных социальных и экономических групп, о поддержке студентов с ограниченными возможностями и других аспектах доступности и инклюзивности также могут быть важны для оценки качества образования.

Эти статистические данные, собранные и анализируемые соответствующими организациями и учреждениями, могут быть полезны для сравнения университетов, оценки качества образования и принятия решений о дальнейшем развитии образовательной политики.

Единая платформа высшего образования в Казахстане представляет собой систему, объединяющую учебные заведения страны с целью

совершенствования качества образования, обеспечения доступности образовательных ресурсов и развития инновационных подходов к обучению и научным исследованиям. В этом контексте единая платформа создает основу для развития высшего образования в Казахстане и способствует достижению стратегических целей развития образовательной системы.

Сравнительный анализ и выводы

Анализ различных факторов, таких как финансирование, квалификация преподавателей и инновации в образовании, показывает их важность для качества высшего образования в Республике Казахстан. Финансирование играет критическую роль в поддержке качественного образования, поскольку оно влияет на доступность и оснащенность учебных заведений, а также на их исследовательскую деятельность. Недостаточное финансирование может привести к снижению качества образовательной инфраструктуры и учебных материалов, что отрицательно сказывается на обучении студентов [23].

Квалификация преподавателей является еще одним ключевым фактором, определяющим качество высшего образования. Компетентность и опыт преподавательского состава напрямую влияют на успеваемость и мотивацию студентов. Повышение квалификации преподавателей и их участие в научно-исследовательской работе способствуют инновациям, развитию учебного процесса и повышению успеваемости студентов [24].

Инновации в образовании, включая внедрение новых технологий и методик обучения, также существенно влияют на качество высшего образования. Использование цифровых технологий и интерактивных методов обучения может улучшить доступ студентов к знаниям и сделать обучение более эффективным и интересным.

Однако исследования показывают, что в Казахстане существуют значительные проблемы с качеством образования, включая низкие результаты на международных оценках, таких как PISA и PIAAC (Макаров, 2022). Это указывает на необходимость комплексного подхода к улучшению качества высшего образования в стране, включая инвестиции в финансирование, повышение квалификации преподавателей и поощрение инноваций в образовательном процессе [25].

Факторы, влияющие на качество высшего образования, имеют глобальное значение. В мире оценка качества высшего образования часто связана с рейтингами, такими как Times Higher Education, которые учитывают академическую репутацию, цитирование исследований, международное сотрудничество и качество образовательных программ [26].

В Казахстане качество высшего образования также подвергается влиянию множества факторов, включая квалификацию преподавательского состава, актуальность учебных программ, инфраструктуру учебных заведений и их финансирование.

Сравнение показывает, что, несмотря на различия в региональных условиях, существуют общие тенденции, такие как необходимость обновления учебных программ для соответствия требованиям рынка труда, улучшение квалификации преподавателей и инвестиции в инфраструктуру учебных заведений. Однако в Казахстане особое внимание уделяется реструктуризации образовательной системы и укреплению международного сотрудничества, чтобы улучшить качество образования и интеграцию в мировое образовательное пространство.

Выводы из международных рейтингов и национальных исследований подчеркивают важность устойчивого финансирования и стратегического управления в образовательном секторе. Кроме того, акцент на международной аккредитации и стандартизации образовательных программ способствует повышению качества высшего образования в глобальном масштабе.

В разных странах мира применяются разнообразные подходы к оценке качества высшего образования, каждый из которых отражает уникальные исторические, культурные и политические контексты. В Восточной Европе акцент на обязательной аккредитации устанавливает минимальные стандарты, необходимые для поддержания базового уровня качества образовательных услуг [28].

В Казахстане, как и во многих странах постсоветского пространства, система оценки качества образования также претерпевает изменения, стремясь соответствовать международным стандартам. Нацеленность на создание собственных стандартов качества и их соответствие мировым требованиям стала неотъемлемой частью реформ в образовательной сфере страны.

Германия подошла к аккредитации с точки зрения аудита качества, что подразумевает оценку внутренних процедур оценки деятельности университета, подчеркивая важность самостоятельной работы над поддержанием качества образования [13].

Схожий подход принят в Австрии, где различные типы учебных заведений подлежат различным видам оценки. Государственные университеты подвергаются менее жесткому регулированию по сравнению с частными и прикладными, что дает им больше свободы в разработке и реализации образовательных программ [13].

В Чили, к примеру, система высшего образования охватывает несколько уровней, и оценка качества трансформировалась от лицензирования к аккредитации, основанной на достижении университетами поставленных целей [13].

Таким образом, мировой опыт показывает, что нет единого идеального способа оценки качества высшего образования. Каждая страна адаптирует систему оценки качества под свои условия, но вместе с тем стремится следовать международным тенденциям для обеспечения конкурентоспособности своих выпускников на глобальном рынке труда.

Рекомендации

Выполняя задачу синтеза и анализа результатов, можно предложить рекомендации по улучшению качества высшего образования в Республике Казахстан на основе мирового опыта, можно выделить несколько ключевых направлений для реформирования системы оценки.

Во-первых, важно сосредоточить усилия на развитии внутренних механизмов оценки качества в каждом вузе, а не на повторном подтверждении соответствия минимальным стандартам. Это требует перехода от формата аккредитации к формату аудита качества, который более ориентирован на результаты и отзывы студентов [14,20].

Во-вторых, система оценки должна стимулировать непрерывное улучшение и развитие образовательных программ и методик преподавания. Для этого аудит качества должен быть гибким и адаптированным к конкретной миссии и специфике вуза, а также учитывать его потребности и контекст [13].

В-третьих, необходимо уйти от унифицированной оценки всех университетов, поскольку это ведет к стандартизации и уменьшению разнообразия образовательной среды. Следует рассматривать индивидуальные показатели каждого вуза, обеспечивая тем самым более точное соответствие между образовательными услугами и запросами рынка труда [13].

Конкретные рекомендации включают следующее:

1. Установление системы внутреннего качества, которая будет адаптирована к условиям и задачам каждого конкретного вуза.

2. Разработка индикаторов и стандартов, которые будут отражать разнообразие образовательных программ и направленности вузов.

3. Создание механизмов для регулярного самоанализа и самооценки вузами с целью непрерывного улучшения качества образования.

4. Обеспечение участия всех заинтересованных сторон в процессе оценки и аудита, включая преподавателей, студентов и работодателей.

5. Внедрение процедур аудита качества, которые будут прозрачны и справедливы для всех университетов независимо от их размера и ресурсов.

Эти меры должны взаимодействовать с общими усилиями по повышению качества высшего образования на национальном уровне, учитывая как международный опыт, так и уникальный контекст Казахстана.

Заключение (выводы)

Таким образом, оценка качества высшего образования остается одной из ключевых задач современного образовательного дискурса, как в мировом масштабе, так и в контексте Республики Казахстан. Мировой опыт демонстрирует значительное разнообразие подходов к управлению и оценке качества образовательных услуг, что подчеркивает необходимость адаптации систем оценки к специфике регионального образовательного контекста.

В Республике Казахстан улучшение качества высшего образования предполагает комплексный подход, включающий переоценку существующих методик аккредитации, углубление внутренних процессов самооценки учебных заведений, развитие инновационных программ и укрепление международного сотрудничества. Важно отметить, что акцент должен быть сделан на создании условий для непрерывного улучшения качества образовательного процесса, обеспечения его соответствия меняющимся требованиям рынка труда и научно-технологического прогресса.

Существенное внимание необходимо уделить и качеству преподавательского состава, актуализации учебных программ, развитию инфраструктуры и технических ресурсов. Внедрение цифровых технологий и обновление методик преподавания способствуют более эффективному взаимодействию студентов и преподавателей, повышают качество образовательного процесса и его результативность.

Сотрудничество с международными образовательными учреждениями и интеграция в мировое образовательное пространство позволят Казахстану не только улучшить качество собственного высшего образования, но и укрепить свои позиции на международном уровне, способствуя тем самым развитию национальной экономики и общества.

В заключение, изучение факторов, влияющих на качество высшего образования, представляется крайне важным для разработки эффективных стратегий образовательной политики, способствующих улучшению

качества обучения и подготовки кадров, соответствующих требованиям современности. Таким образом, анализ мирового опыта и особенностей образовательной системы Казахстана позволяет сформировать рекомендации, направленные на улучшение качества высшего образования, что является ключом к успешному социально-экономическому развитию страны.

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН BR21882434 «Системный подход к мониторингу, анализу и оценке качества высшего образования в Казахстане» программно-целевого финансирования на 2023-2025 годы, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Список литературы

1. Ахметжанова С. Б., Тусупбеков М. Б., & Тилеуберген, Д. М. (2016). Высшее образование в Казахстане: проблемы и перспективы развития. Вестник КазЭУ, (5), 10-18
2. Байкенов Ж. Е., & Денисова О. К. (2016). Современное состояние и тенденции развития системы высшего образования в Казахстане. Вестник университета Туран, (1), 249-255.
3. <https://ceoworld.biz/2024/04/02/countries-with-the-best-performing-education-systems-2024/>.
4. Ефремова-Шершукова Н. А., Коллегов, А. К., & Минеев-Ли, В. Е. (2020). Международное сотрудничество России и Казахстана в сфере высшего образования как фактор инновационного развития общества. Профессиональное образование в России и за рубежом, (1 (37)), 139-142.
5. Наумкина В. В. (2019). Факторы, влияющие на качество высшего образования. In Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры (pp. 4027-4030).
6. Момуналиева К. (2020). Инфраструктура университетов и восприятие качества образования.
7. Ли С. (2008). Критические факторы удовлетворенности студентов.
8. Джумакулов Ж. (2016). Интернационализация и высшее образование.
9. Кусаинов А. (2016). Улучшение качества компонентов образования.
10. 20:7†Бюллетень №21 (дата обращения 1 июня 2023 года) А. Сергеев. Отв. Ред. Е. Алесандров 2018. 141с. ISBN: 978-5-98604-671-6
11. Westerheijden D. F., Stensaker, B., & Rosa, M. J. (2007). Quality Assurance in Higher Education: Trends in Regulation, Translation and Transformation. Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6012-0_3
12. Billing D. (2004). International Comparisons and Trends in External Quality Assurance of Higher Education: Commonality or Diversity? Higher Education, 47(1), 113–137. <https://doi.org/10.1023/B:HIGH.0000009804.31230.5e>
13. Bernhard A. (2012). Quality Assurance in an International Higher Education Area: A Case Study Approach and Comparative Analysis. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
14. Dill D., & Beerkens, M. (Eds.). (2010). Public Policy for Academic Quality: Analyses of Innovative Policy Instruments. Dordrecht, London: Springer.
15. Frazer M. (1997). Report on the Modalities of External Evaluation of Higher Education in Europe, Higher Education in Europe, 22(3), 349–401. <https://doi.org/10.1080/0379772970220308>
16. Harvey L., & Newton, J. (2007). Transforming Quality Evaluation: Moving On. In D. F. Westerheijden, B. Stensaker, & M. J. Rosa (Eds.), Quality Assurance in Higher Education: Trends in Regulation, Translation and Transformation (pp. 225–247). Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6012-0_9
17. Capano G. (2017). The Re-regulation of the Italian University System through Quality Assurance. A Mechanistic Perspective, Policy and Society, 33(3), 199–213. <https://doi.org/10.1016/j.polsoc.2014.08.001>
18. МК в Казахстане. (2019). Высшее образование в Казахстане – традиции и современность. Mk-kz.kz. <https://mk-kz.kz/social/2019/07/17/vysshee-obra-zovanie-v-kazakhstane-tradicii-i-sovremennost.html>

19. Kehm V. (2010). The German System of Accreditation. In D. Dill & M. Beerkens (Eds.), *Public Policy for Academic Quality: Analyses of Innovative Policy Instruments* (pp. 227–249). Dordrecht, London: Springer. https://doi.org/10.1007/978-90-481-3754-1_12
20. Massy, W. (2010). Education Quality Audit as Applied in Hong Kong. In D. Dill & M. Beerkens (Eds.), *Public Policy for Academic Quality: Analyses of Innovative Policy Instruments*. Dordrecht, London: Springer.
21. 3†СиВО в РК.docx (дата обращения 27 ноября 2023 года)
22. Искандарова Н.С. Проблемы и тенденции развития электронного правительства российской федерации. *Administrative Consulting*. Volume 7. Issue 3 (15). 10†Тенденции и проблемы.docx
23. Закон Республики Казахстан от 4 июля 2023 года № 14-VIII «О профессиональных квалификациях». (2023).
24. <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/article/details/135521?lang=ru> (дата обращения 27 сентября 2023 года).
25. Август Макаров. (2022). Как сильно образование в Казахстане ухудшается? *Bizmedia.kz*. <https://s.bizmedia.kz/wp-content/uploads/2022/04/111111-6.jpg>
26. Айгерим Копеева. (2019). Взяться за ум: почему важны результаты последних исследований в сфере образования? *Ekonomist.kz*. <https://ekonomist.kz/кореуева/obrazovaniya-piza-issledovanie/>
27. Евдокимова Ю. В. (2015). Проблемы развития сферы образования в РФ и пути их решения. DOI: 10.12737/11300.
28. Stensaker, B., & Harvey, L. (2006). Old Wine in New Bottles? A Comparison of Public and Private Accreditation Schemes in Higher Education. *Higher Education Policy*, 19(1), 65-85. <https://doi.org/10.1057/palgrave.hep.8300110>

References:

1. Akhmetzhanova S. B., Tusupbekov M. B., & Tileubergen, D. M. (2016). Vyshee obrazovanie v Kazakhstane: problemy i perspektivy razvitiya. *Vestnik KazEU*, (5), 10-18
2. Baikenov Zh. E., & Denisova O. K. (2016). Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya sistemy vysshego obrazovaniya v Kazakhstane. *Vestnik universiteta Turan*, (1), 249-255.
3. <https://ceoworld.biz/2024/04/02/countries-with-the-best-performing-education-systems-2024/>.
4. Efremova-Shershukova N. A., Kollegov, A. K., & Mineev-Li, V. E. (2020). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana v sfere vysshego obrazovaniya kak faktor innovatsionnogo razvitiya obshchestva. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, (1 (37)), 139-142.
5. Naumkina V. V. (2019). Faktory, vliyayushchie na kachestvo vysshego obrazovaniya. In *Universitetskii kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury* (pp. 4027-4030).
6. Momunaliyeva K. (2020). Infrastruktura universitetov i vospriyatие kachestva obrazovaniya.
7. Li S. (2008). Kriticheskie faktory udovletvorennosti studentov.
8. Dzhumakulov Zh. (2016). Internatsionalizatsiya i vysshee obrazovanie.
9. Kusainov A. (2016). Uluchshenie kachestva komponentov obrazovaniya.
10. 20:7†Byulleten' №21 (data obrashcheniya 1 iyunya 2023 goda) A. Sergeev. *Otv. Red. E. Alesandrov 2018*. 141s. ISBN: 978-5-98604-671-6
11. Westerheijden D. F., Stensaker, B., & Rosa, M. J. (2007). *Quality Assurance in Higher Education: Trends in Regulation, Translation and Transformation*. Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6012-0_3
12. Billing D. (2004). International Comparisons and Trends in External Quality Assurance of Higher Education: Commonality or Diversity? *Higher Education*, 47(1), 113–137. <https://doi.org/10.1023/B:HIGH.0000009804.31230.5e>
13. Bernhard A. (2012). *Quality Assurance in an International Higher Education Area: A Case Study Approach and Comparative Analysis*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

14. Dill D., & Beerkens, M. (Eds.). (2010). Public Policy for Academic Quality: Analyses of Innovative Policy Instruments. Dordrecht, London: Springer.
15. Frazer M. (1997). Report on the Modalities of External Evaluation of Higher Education in Europe, Higher Education in Europe, 22(3), 349–401. <https://doi.org/10.1080/0379772970220308>
16. Harvey L., & Newton, J. (2007). Transforming Quality Evaluation: Moving On. In D. F. Westerheijden, B. Stensaker, & M. J. Rosa (Eds.), Quality Assurance in Higher Education: Trends in Regulation, Translation and Transformation (pp. 225–247). Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6012-0_9
17. Capano G. (2017). The Re-regulation of the Italian University System through Quality Assurance. A Mechanistic Perspective, Policy and Society, 33(3), 199–213. <https://doi.org/10.1016/j.polsoc.2014.08.001>
18. MK v Kazakhstane. (2019). Vysshee obrazovanie v Kazakhstane – traditsii i sovremennost'. Mk-kz.kz. <https://mk-kz.kz/social/2019/07/17/vysshee-obrazovanie-v-kazakhstane-tradicii-i-sovremennost.html>
19. Kehm B. (2010). The German System of Accreditation. In D. Dill & M. Beerkens (Eds.), Public Policy for Academic Quality: Analyses of Innovative Policy Instruments (pp. 227–249). Dordrecht, London: Springer. https://doi.org/10.1007/978-90-481-3754-1_12
20. Massy, W. (2010). Education Quality Audit as Applied in Hong Kong. In D. Dill & M. Beerkens (Eds.), Public Policy for Academic Quality: Analyses of Innovative Policy Instruments. Dordrecht, London: Springer.
21. 3†SiVO v RK.docx (data obrashcheniya 27 noyabrya 2023 goda)
22. Iskandarova N.S. Problemy i tendentsii razvitiya elektronnoho pravitel'stva rossijskoi federatsii. Administrative Consulting. Volume 7. Issue 3 (15). 10†Tendentsii i problemy.docx
23. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2023 goda № 14-VIII «O professional'nykh kvalifikatsiyakh». (2023).
24. <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/article/details/135521?lang=ru> (data obrashcheniya 27 sentyabrya 2023 goda).
25. Avgust Makarov. (2022). Kak sil'no obrazovanie v Kazakhstane ukhudshaetsya? Bizmedia.kz. <https://s.bizmedia.kz/wp-content/uploads/2022/04/111111-6.jpg>
26. Aigerim Kopeeva. (2019). Vzyat'sya za um: pochemu vazhny rezul'taty poslednikh issledovaniy v sfere obrazovaniya? Ekonomist.kz. <https://ekonomist.kz/kopeyeva/obrazovaniya-piza-issledovanie/>
27. Evdokimova Yu. V. (2015). Problemy razvitiya sfery obrazovaniya v RF i puti ikh resheniya. DOI: 10.12737/11300.
28. Stensaker, B., & Harvey, L. (2006). Old Wine in New Bottles? A Comparison of Public and Private Accreditation Schemes in Higher Education. Higher Education Policy, 19(1), 65-85. <https://doi.org/10.1057/palgrave.hep.8300110>

Материал поступил в редакцию 12.08.2024.

Утвержден к публикации 25.11.2024

POLITICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF ALASH FIGURES IN 1920-1930

Baurzhan Sheriyazdanov^{1*},
Tengesh Kalenova²,
Raziya Assylgozhina³,
Assem Ospanova⁴

^{1*} Leading researcher of the Institute of State History of the Ministry of Science and higher education of the Republic of Kazakhstan, candidate in political sciences. Astana, Republic of Kazakhstan. e-mail:b.sher54@mail.ru

² Associate professor of the Department of Political Sciences of L.N. Gumilyov Eurasian National University, candidate in historical sciences, Astana, Republic of Kazakhstan. e-mail:kalenovats@mail.ru

³ Senior lecturer of the Kazakh Agrotechnical Research University named after S.Seifullin, master of History, Astana, Republic of Kazakhstan. e-mail:raziya.assyl@gmail.com

⁴ Senior lecturer of Esil University, Master of Political, Astana, Republic of Kazakhstan. e-mail:asem_enu_81@mail.ru

ORCID¹: 0000-0002-6574-1016

ORCID²: 0000-0002-4767-5537

doi.org/10.52536/2415-8216.2024.112.4.008

Abstract. This article highlights the Alash intelligence's political and educational efforts between 1920 and 1930. The article investigates the current role of Kazakhstan's national intelligence in education and science. The writers examine the impact of political and social developments on the activities of the Alash intelligence, as well as their involvement in educational reform and scientific research. Special attention is paid to the initiatives and achievements of Alash movement figures, including well-known activists, and Kazakh women scientists, their contribution to the formation of national culture and society during this period. As a result of the study, conclusions are drawn about the importance of intelligence as a driving force in the development of education and science in Kazakhstan at the beginning of the twentieth century.

Keywords: *Kazakhstan, Alash, intelligence, Education, Science, Reform, University, State, Politics, History, party, civil society.*

1920-1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ АЛАШ ҚАЙРАТКЕРЛЕРІНІҢ САЯСИ ЖӘНЕ АҒАРТУШЫЛЫҚ ҚЫЗМЕТІ

Бауржан Шериязданов^{1*}, Тенгеш Қаленова², Рәзия Асылгожина³, Әсем Оспанова⁴

¹ ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институтының жетекші ғылыми қызметкері,

саяси. ғылымдары. кандидаты., Астана қ., Қазақстан Республикасы. e-mail:b.sher54@mail.ru

² Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының қауымдастырылған профессоры, тарих ғылымдарының кандидаты, Астана қ., Қазақстан Республикасы. e-mail:kalenovats@mail.ru

³ С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті оқытушысы, тарих магистрі, Астана қ., Қазақстан Республикасы. e-mail:raziya.assyl@gmail.com

⁴ Esil University оқытушысы, саясаттану магистрі, Астана қ., Қазақстан Республикасы. e-mail:asem_enu_81@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада 1920-1930 жылдар аралығындағы Алаш зиялыларының саяси және ағартушылық қызметі қарастырылған. Мақалада осы кезеңдегі Қазақстанның білім және ғылым саласындағы ұлттық зиялы қауымның ролі зерттеледі. Авторлар саяси және әлеуметтік өзгерістердің Алаш зиялыларының қызметіне әсерін, олардың білім беру жүйесі мен ғылым саласын реформалауға қатысуларын талдайды. Алаш қозғалысы қайраткерлерінің, соның ішінде белгілі белсенді, қазақ әйел ғалымдарының бастамалары мен жетістіктеріне, осы кезеңдегі олардың ұлттық мәдениет пен қоғамды қалыптастыруға қосқан үлесіне ерекше назар аударылады. Зерттеу нәтижесінде ХХ ғасырдың басында Қазақстанда білім мен ғылымды дамытуда зиялы қауымның қозғаушы күш ретіндегі маңыздылығы туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: Қазақстан, Алаш, интеллигенция, білім, ғылым, реформа, университет, мемлекет, саясат, тарих, партия, азаматтық қоғам.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛАШСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1920-1930 ГОДЫ

Бауыржан Шериязданов^{1*}, Тенгеш Қаленова², Рәзия Асылгожина³, Әсем Оспанова⁴

¹ ведущий научный сотрудник института истории государства Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, кандидат политических наук. Астана, Республика Казахстан. e-mail:b.sher54@mail.ru

² ассоциированный профессор кафедры политологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, кандидат исторических наук, Астана, Республика Казахстан. e-mail:kalenovats@mail.ru

³ старший преподаватель Казахского агротехнического исследовательского университета им. С.Сейфуллина, магистр истории, Астана, Республика Казахстан. e-mail:raziya.assyl@gmail.com

⁴ старший преподаватель университета Esil, магистр политологии, Астана, Республика Казахстан. Kazakhstan. e-mail:asem_enu_81@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается политическая и просветительская деятельность алашской интеллигенции в период с 1920 по 1930 годы. В статье исследуется роль национальной интеллигенции в сфере образования и науки Казахстана в рассматриваемый период. Авторы анализируют влияние политических и социальных изменений на деятельность интеллигенции, ее участие в реформировании образовательной системы и развитии науки. Особое внимание уделяется инициативам и достижениям деятелей Алашского движения, в том числе известным активистам, казахским женщинам-ученым в этот период, их вкладу в формирование национальной культуры и общества. В результате исследования делается вывод о значимости интеллигенции как движущей силы в развитии образования и науки в Казахстане в начале XX века.

Ключевые слова: *Казахстан, Алаш, интеллигенция, образование, наука, реформа, университет, государство, политика, история, партия, гражданское общество.*

Introduction

Undoubtedly, studying the history of the Alash movement is crucial in shaping national memory. The modernization of the country's national historical consciousness is closely tied to recent sociopolitical developments as well as the steady growth of historical science in modern independent Kazakhstan. It is vital to provide a real, comprehensive examination of all topics associated with such a significant event in the nation's history as the Alash movement, as well as to examine their significance in the present political and educational context. The Alash movement and the Alash party were the first to take important political and organizational moves toward the contemporary national democratic state and contribute to the formation of modern independent Kazakhstan, as well as the democratization processes. Alash figures and representatives of the Kazakh educated elite, scientific and creative intelligentsia laid the foundation for Kazakh statehood. The borders of our state were set by the members of Alashorda in the early 1920s, and the creation of the Kyrgyz (Kazakh) Autonomous Soviet Socialist Republic as part of the RSFSR in 1920 was the result of an agreement between Alashorda and the Soviet government. Furthermore, Alash personalities actively participated in the national-territorial demarcation of Central Asia and the reunification of Kazakh territory. The Alash party was the first Kazakh political group to formulate a set of economic, social, legal, and educational policies to resolve societal issues at the time.

It is evident that in today's globalized world, the country's destiny rests with an educated and well-mannered youth. There are numerous examples in international practice where enhancing education has always been one of the top priorities for any industrialized country. The Kazakh National Teacher, Alash arys Akhmet Baitursynuly, stated that "The correction of the country should begin with the education of children". Education remains relevant yesterday, today, and tomorrow.

The beginning of the social activity of the Alash intelligence, who lived in the Almagai period of the last century, was the Enlightenment. Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, alashologist, doctor of historical sciences, professor Mambet Koigeldy writes about this in his article "Activities for the formation of the ideology of liberation of Alash figures" that the people of the nation began their social activities with enlightenment. That is, the Kazakh country is not among the largest countries in the Empire in terms of numbers,

but also does not belong to the category of small and weak countries. They have a path as people, a heroic history, and the main one is the homeland, formed through centuries of bloody struggle. Presently, by sowing the seed of knowledge among themselves, it should become the main task to make him an active subject who can decide his fate. They were convinced that real education, purposeful educational activities, and upbringing on this path would change the people.

That is why the nation included in all its programs documents the formation of a system of education of new quality and content so that it could meet the needs of the times in the Kazakh land. To bring this milestone closer, it took up the transformation of the Kazakh language into the language of education and science, the preparation of textbooks and manuals for this purpose, and the publication of books and newspaper magazines for the nation [1].

Many leaders of the Alash movement were not only human rights defenders and politicians but also major educators: publishers of newspapers and magazines, poets, thinkers, authors of books and textbooks. The leaders of the Alash movement not only dreamed of the future of the Kazakh state but also wanted the first Kazakh autonomy in the XX century in the most difficult years of turning points, anarchy, and civil war in Russia. The main idea of the Alashorda people is the unity of the people, this motto is relevant to this day. In this regard, the analysis of the leaders and members of the Alash movement, divided by political work and educational activities, is a very important issue. Alash intellectuals in their reform activities in the field of education and science sought a modern educational model based on the principles of scientific, educational and public good. It focused on the development of national culture and language, the creation of modern educational institutions and research centers, as well as reforms in the field of education and science. The intelligence has carried out several measures to modernize curricula, introduce new teaching methods, as well as improve the qualification level of teachers and researchers. They actively promoted the advancement of scientific research in a variety of disciplines. The Alash intelligence had an important part in the development of education and science in the Republic during the 1920s and 1930s since they were the intellectual elite of the Kazakh people at the time. They actively participated in the implementation of educational reforms aimed at overcoming the problem of the alphabet, opening schools in the Kazakh language, and promoting the development of national culture..

The intelligence sought to create a harmonious educational and scientific space in which Kazakhstani scientists and specialists could successfully work. They wrote scientific papers, published books and articles, and developed new teaching methods and training programs. In general, the reform activities of the Alash intelligence in the field of education and science during the period under review were aimed at creating a strong and progressive scientific and educational base that would contribute to the development of society, culture, and science of the Kazakh people.

Research Methodology

The methodological basis of the research. This paper was written using methodical comparative, factual-historical, and chronological methods of analysis grounded in the values of objectivity and historicity.

Science on the activities of the national intelligence in the field of Education and Science of Kazakhstan in the 1920s and 1930s the scientific methods used in the article included the analysis of sources, historical documents, archival materials,

and statistical data. Methods of comparative analysis, and information synthesis were also used. During this time, the study of national intelligence activities in the field of education and science in Kazakhstan was conducted using an analysis of historical events, political decisions, and social and economic processes that influenced the development of education and science in Kazakhstan. The researchers analyzed the reasons and goals of the national intelligentsia's activities, as well as their contribution to the country's education, science, and culture. As a result, the application of scientific research methodologies enabled the identification of key elements of the National Intelligence's actions in the field of science and education in Kazakhstan during the 1920s and 1930s, as well as the formulation of significant findings that may be helpful in future investigations.

The level of study of the topic. The study of the socio-political activities of the Alash intelligence and their creative heritage dates back to the period after the collapse of the Soviet Union, that is, the 1990s. The fact is that in Soviet literature the figures of the Alash movement were considered “enemies of the people”.

Among the fundamental works based on archival documents of the political and social activities of Alash figures, it is necessary to mention such famous Alash scientists as M. Kozybayev, I. Kozybayev, M. Koigeldiev and T. Omarbekov, H. Abzhanov and A. Alpeisov [2]. In particular, we can mention the work “On the Kazakh Intelligence and culture”, which was published under the authorship of H. Abzhanov and A. Alpeisov. In this work, the authors studied the socio-political activities and literary heritage of the Alash intelligence. At the same time, it is worth noting the monograph “Alash Literary Studies” by Alash scientist

Aigul Isimakova [3]. This author considers the activities of Alash figures in the field of Science and their creative heritage as well. However, mainly literary analysis is carried out here. Therefore, in the above works, the political and educational activities of representatives of the Alash movement were not studied in detail.

Several monographs of famous historians-scientists K. Nurpeisov,

M. Koigeldiev, and D. Amanzholova, who make a deep historical analysis of the Alash movement through the materials of domestic and foreign archives and develop important theoretical concepts, are outstanding works in the field of Alash Studies [4]. In addition, the works of Foreign Alash scientists, Professor of the Center for Slavic-Eurasian Studies of Hokkaido University Uyama Tomohiko and shokayologist, professor of Mimar Sinan University Abdukap Kara, dedicated to the Alash topic in English, Japanese, Turkish, Russian and Kazakh languages are of scientific value [5].

It is known that in the following years, works were published that studied the life and socio-political, creative activities of the Alash intelligence in the field of history, philology, and law [6]. However, in these scientific works, the political and educational activities of Alash figures are considered only indirectly.

Research results

Since independence, the relevance of the Alash intelligence's political and educational actions to the Kazakh people has been accurately appraised. At the same time, their future efforts to benefit the Kazakh people might be split into two categories.

The first direction is that through political struggle, Alash figures felt democratic opportunities in turbulent times and sought to gain the independence of the Kazakh country. Even during the years of the Civil War, when objective democratic

institutions and forms were reduced to a minimum, Alash was tested for political perfection. According to scientists and experts of the state commission (created by the Presidential Decree in 2021-2023), in those difficult years, on the initiative of the leaders of the Alash party, 144 Kazakh congresses were held, in which the political will and interests of the Kazakh people were raised. The Kazakh people expressed their sadness [7].

Among the most important objectives of modernization, the program of the national political party “Alash” is to modify the economic foundations of the country's life, traditional economy by evolutionary methods: to maintain the scale, pace, and conditions for adaptation to market conditions, balance of nomadic animal husbandry and agriculture. In addition, the leaders of the movement sought to create a political and legal framework for the full implementation of particularly delicate needs and requests in the field of freedom of religion, individual and citizen rights, and national equality. The Alash democratic movement has a special merit in forming the basis of local self-government in Kazakhstan in a zemstvo format, supporting advanced forms and structures of legal proceedings, harmonizing world, and national experience, as well as tolerant attitude towards all ethnic and religious groups.

It can be noted that the lessons of participation in democratic procedures and institutions before and after the revolution, as well as the experience of negotiations conducted by Alashordans with various political movements throughout history, are of great importance. The program of state and social transformation of Kazakhstan, proposed by the leaders of the Alash party, based on advanced civilizational and national values, and the revolutionary struggle against class differentiation and artificiality, was a political and ideological struggle between the Enlightenment. Democratic ideas, which were reflected in the program of the national political party and government “Alash”, clearly demonstrate that their authors adhered to universal human values, were one of the most advanced and brilliant figures of their era. At the Congress held in Orenburg on December 5-13, 1917, the draft program of the Alash party was adopted.

However, it was first published on November 21, 1917, in the newspaper “Kazakh” and was called “Alash party program”. The program proclaimed democratic values, equality, individual integrity, freedom of expression, the press, trade unions, etc. In the modern world, after so many years, the planning of local gatherings of Kazakhs and the agenda of all-Kazakh sizes is striking. The resolutions of the people's assemblies contained the requirements for the eternal transfer of the ancestral National Land and its natural resources to the Kazakhs, the creation of the police and the Kazakh zemstvo, the organization of universal primary education in the Kazakh language [8].

Alash figures have now made efforts to modernize national statehood (at least in the shape of autonomy); to secure limited sovereignty for Kazakhstan, and to return regions that historically belonged to the Kazakh people but were usurped by the kingdom.

The Kazakh people got a real opportunity to restore their main goal – national statehood. However, the peaceful development of events was disrupted by the crisis in Russian society, which itself led to the establishment of the dictatorship of the Bolshevik Party” [9].

There is every reason to assume that the leaders of Alash sacrificed their liberal

democratic ideas, and many of them gave their lives, to carry out the goal of the Kazakh national sovereign state. Thus, we can construct two theses that are critical to understanding national history.

The first. The Alash Republic (autonomy), which lasted from December 1917 to March 1920, was the first modern Kazakh democratic sovereign state to be overthrown by the Bolsheviks during the Russian Civil War.

The second. The modern independent Republic of Kazakhstan, being the legal successor of the Kazakh SSR, and through it – the Kazakh SSR, is the successor of the Alash Republic (autonomy), which has become the historical basis for all subsequent constitutional and legal evolution of the Kazakh statehood [10].

From the early beginning, the Kazakh regional party committee and the Kazakh revkom, formed from the center against the Alash party and the government of Alashorda, received mandatory instructions and recommendations from the center to suppress the national liberation movement of the Kazakh people, first of all for this all because it was necessary to destroy the central and local organizations of the alashordists. Therefore, work began to eliminate them using Bolshevik methods of coercion using punitive bodies, legally, by the will of the people, the elected party “Alash”, the government of Alashorda, and the local Kazakh committees stopped their work.

The Soviet government intended to use the members of Alashorda to stabilize the political, legal, and cultural order and organize a new administrative-territorial, social-household structure. Attempts to find compromises between the different social forces and the search for all levers for the reconstruction of socio-economic and other problems in the unique ethnocultural regions were carried out on both sides and sometimes polar ideas about the ways and means of achieving progress and its meaning were debated.

Alash figures have always made the right, state, and political decisions for the Kazakh people. In particular, having received Soviet autonomy, they entered into negotiations with the Soviet government, although they did not support the methods of solving political problems, punitive and repressive methods of their implementation to revive the Kazakh statehood, at least according to the Bolshevik scenario. That is why one of the spiritual leaders of Alash, the chief ideologist of the movement A. Baitursynov, to achieve creation, tried to use in practice the principle of national self-determination declared to the whole world by V. Lenin, to create an autonomous republic according to Bolshevik methods, as well as to lay its foundation, to maximize the national interests of the Kazakh people, he joined the Communist Party and agreed to serve as deputy chairman of the Revolutionary Committee for the management of the Republic of Kazakhstan. It should be noted that A. Baitursynov completed this mission, moved away from the Bolsheviks, and returned to his socio-political and scientific activities [11].

The proclamation of Alash autonomy had a direct impact on Moscow's decision to establish Kazakh autonomy on Soviet principles. It is known that the people's commissar for nationalities I. Stalin in April 1918 made it possible to recognize the decisions of the second all-Kazakh Congress to recognize the power of the ICC in the center and local councils. Preparations for the declaration of Soviet autonomy were started in Alashorda, by the Alash national government. Thus, the proclamation of autonomy and the approval of the borders was carried out by the Bolshevik Party and V. Lenin. It should not be accepted by its leaders, as any gift to the Kazakh people.

The second direction is educational action by members of the Alash movement

for the future of the Kazakh people. In this light, it is worth noting the efforts of the Alash intelligence in the People's Commissariat of Education to establish a National University. The white guards and white cossacks, who sided with anti-Soviet movements during the Civil War, were opposed to the Alash movement's notion of a national state. On November 4, 1918, the provisional All-Russian Government made a special order to disband the municipal governments of Alashorda [12, 134.]. In this case, the Alashorda government's representatives had no alternative but to recognize the Soviet Union.

During this period, on behalf of Alashorda A. Baitursynov and A. Yermekov went to Moscow to negotiate with the Bolsheviks on the fate of the Kazakh people. As a result, on July 10, 1919, V.I. Lenin signed the “Temporary Regulations on the Revolutionary Committee Governing the Kyrgyz (Kazakh-TK) Territory” [13, 110.]. Initially, S. Mendeshev., A. Baitursynov, S. Pestkovsky (chairman) were members of Kazrevkom, and later B. Karataev, M. Tungashin, Y. Mukashev, K. Sidorov, T. Sedelnikov, T. Alibekov and others are included [14]. On November 4 of this year, the Revolutionary War Council of the Turkestan Front stated all Kazakhs who had fought directly and indirectly against the Bolshevik government: unconditional recognition of the Soviet government, cessation of all aid to the white guards and extradition of white guards hiding in the Kazakh steppes, decides to pardon the white guards, plundering the civilian population and obstructing the transition to a peaceful life, with conditions such as assistance to the Red Army [15, 173]. Thus, after the official pardon of Alash leaders, they began to interfere in the affairs of the Soviets.

In 1920-1923. Certain prominent figures of the national democratic intelligence held responsible positions in the system of public administration of Kazakhstan and the Turkestan ASSR. For example, A. Baitursynov was the People's Commissar of Education of the Kazakh ASSR. Auezov held a responsible position in the Central Executive Committee of the republic. A significant group of former activists of the Alash movement held responsible positions at the republican, provincial, and district levels of the Kazakh ASSR and Turkestan ASSR [15].

According to paragraphs 4-7 of the decree of the All-Russian Executive Committee of September, the right of general management of public education in the republic is given to the People's Commissariat of Education [16].

The competence of the People's Commissariat of Education includes all issues of cultural construction in the country, such as the elimination of illiteracy, high schools and research institutions, cultural and educational work, art, publishing.

In general, the People's Commissariat of Education served as the current Ministries of Education and Science, Information and Social Development, Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan.

It is known that in the early twenties, the People's Commissariat of Education was engaged in opening a state university to train the necessary personnel for the republic. Certainly, Alash intellectuals were at the forefront of this work.

In 1921, at several meetings of the board of the People's Commissariat of Education, the issue of opening a State University in Orenburg with working, agricultural, and technical (industrial) faculties was considered [17, p. 26]. In particular, the Board of the Commissariat took part in the organization of the university: sending the necessary teachers to the university for further education in Moscow, St. Petersburg, and other research centers in the RSFSR, opening additional

departments (reclamation, technical, land surveying, etc.) at the university. They discussed and resolved the issue of sending a representative from the Commissariat to Orenburg to organize the Kazakh parallel, and the release of the manufactory for the university dormitory. Thus, in the 1920s, the Kazakh intelligence, along with the opening of the national school, worked hard to open a national university. For the first time in the history of Kazakhstan, the university was opened in 1921. In particular, the Kazakh State University was opened on September 15, 1921, in Orenburg with the direct participation of Alash intellectuals. The university had faculties of biology, agriculture, economics, mining, engineering, pedagogy and social sciences. However, the lack of training facilities, equipment, and teaching staff, as well as the lack of training in 1921-1922. Due to the famine, the university was closed immediately. Thus, the life of the first national educational institution, opened by the Kazakh intelligence in the early XX century for the training of national specialists, was so short. This is understandable. Zhusupbek Aimaurov, an outstanding Alash intellectual, called the cultural events organized in the republic in 1921-1922 a tragic event in the history of the Kazakh people. Especially in 1922, when the People's Commissariat of Education and the Communist Party of the Republic were planning to hold a congress of writers in Orenburg, Zh. Aimaurov emphasized: Is it possible to have a holiday conversation? We must put everything aside and fight hunger. Holding such a congress is like celebrating when one part of the population is starving and the other part is celebrating it” [18]. Indeed, at that time it was illogical to invite hungry people to read and improve their literature.

The issue of opening a university in the Kazakh Republic was raised only in July 1925 at a meeting of the board of the People's Commissariat of Education of the RSFSR with the participation of representatives of the Kazakh Bureau [19].

In the 1920s, the Kazakh state publishing company was led by the Alash intelligence. There are dozens of various sorts of literature, particularly textbooks and manuals in Kazakh. All of this at the time was a reflection of the Republic's enormous successes in the sphere of education.

Representatives of the Alash intelligence at the beginning of the XX century became the founders of the branches of the science of our republic. This is evidenced by their works written in various fields of science. For example, A. Baitursynov's "Literary Guide", M. Zhumabayev's "Pedagogy", M. Dulatov's "Kazakh History", A. Bukeykhanov's "Geography", S. Aspandiyarov's "History of Kazakhstan", Zh. Aimaurov's "Psychology" and others. Such Kazakh intellectuals as A. Baitursynov, M. Dulatov, Zh. Aimaurov, K. Satpayev, as well as others, served in the national interest. These were intellectuals who formed the first group of the Kazakh national scientific intelligence. This is because intellectuals are people of mental work who, through their activities or creativity, laid the foundation for stepping on the next ladder, discovering a new aspect of cognition, practice, progress. Intellectuals do not repeat each other, and it is impossible to confuse the legacy they have left. It is impossible to fake intellectuals. They are born by time, by the requirement of life [20, pp. 29, 30].

The name of Akhmet Baitursynov is forever established in the history of independent Kazakhstan. He was one of the leaders of the national liberation movements of Kazakhs against colonial tsarist oppression and the Soviet regime, the organizer of the National Democratic Party "Alash" and the government of Alashorda, as well as the editor of the newspaper "Kazakh". As a socio-political

activist and educator, Baitursynov called his people to education and culture, it was here that he saw freedom from tsarist oppression and progress in social development.

A. Baitursynov's socio-political activity developed under two political systems — tsarism and socialism, which finally determined his attitude to culture and education. It should be mentioned that his own views, and then theoretical notions, were mostly influenced by Kazakh, Russian, and other Turkic national cultures. This is why he was one of the first Turks in the world to develop a theory of art and culture. He spent a lot of time on the challenges of language and literature [21].

A. Baitursynuly was born in 1882-1884 in the village of Akkol, Zhangelinsky district of Kostanay region. In 1886-1891, at the age of 14, he studied at the Russian-Kazakh school in Turgai. In 1891-1895, he studied at the four-year teachers' school in Orenburg and received a referral to teach. In 1895-1897 he taught at the Kazakh school in the Bestamak volost of Aktobe province. In 1897-1898, he taught at the 2nd grade school in Auliekol. One of seven lakes in Auliekol was named “Teacher's Lake” in honor of Akhmet Baitursynov.

In 1898-1902 he taught at the Mendykarinsky school. Additionally, he teaches at a two-class Russian-Kazakh school in Kostanay. This Mendykarinsky school later became a Pedagogical School, and in 1974 it was moved to Rudny.

From 1902 to 1904, he worked as a clerk in Omsk. On September 21, 1904, by order of the head of the West Siberian District, he moved to the position of teacher and manager of the county Russian-Kazakh school in Karkaraly. In 1909, A. Baitursynuly was arrested in front of his students at a Karkaraly school for his political views, spent 8 months in a Semipalatinsk prison, and on February 21, 1910, he was deported to Orenburg.

As a result of this pedagogical experience of

Akhmet Baitursynov, the works “Manual”, and “Language Tool” were subsequently published on the issues of effective education of Kazakh children. After the establishment of Soviet power, Akhmet taught at higher educational institutions, in particular, at the Kazakh Institute of Public Education in Orenburg (later moved to Kyzylorda), in 1928-1929 he was a Professor of the Kazakh Pedagogical Institute in Almaty. In conclusion, Akhmet Baitursynov's teaching activity regulated not only the methodology of literacy but also the full system of teaching his native language [22].

Mukhtar Auevov in his article “Fifty-year anniversary of Akhan” said that the Kazakh school opened by Akhan, the native language transformed by Akhan, “Forty fables”, “Masa”, “Kazakh” newspaper in 1916, all these are activities on the work done to the crying Kazakh child, art-education, tireless efforts in the field of politics, history will not be forgotten [23]. Akhmet Baitursynov in a letter of appeal to the head of the fund for assistance to intellectuals in political exile Ekaterina Pavlovna Peshkova stated “I am a teacher who has worked for 34 years to educate the Kazakh people, and this activity took place in a completely separate situation from the activities of teachers of other cultured countries with centuries-old training necessary for educational activities. Before the revolution of 1905, the Kazakh language was not allowed to write, read, and receive education, so there was no elementary training in this language that would allow educational activities, that is, it did not have an alphabet, spelling, grammar, language theory, textbooks, printed literature and newspapers. I had to create and justify all this again because the freedom given to language after 1905 was a powerful challenge to my creativity.

I am a teacher who connected enlightenment with socio-cultural, journalistic, and literary activities, and also combined my activity as a child of an oppressed nation with a certain idea of saving the Kazakh people from the reigning system through struggle, raising the culture and consciousness of the nation.

For this, too, during the reign of the kingdom, he had to spend time in prison and experience exile. I, as the son of a nation that is lagging behind in social development, diligently worked, and tried my best and ability to educate the Kazakh people, and even health. Now, by fate, I am in old age (I am 62 years old) for 20 months in prison and 22 months in a concentration camp” [24], – he wrote.

In this letter, the following two situations could be traced, and they are clearly expressed by a fighting person. Firstly, from the point of view of his civic position and profession, he was an educator at first, and also devoted this activity to his native people, and secondly, for this activity he was persecuted by the former tsarist and new Soviet systems of power [25, p. 6].

Khalel Dosmukhamedov is a figure of the Alash movement, a doctor, teacher, and scientist. Although he is a doctor by profession, he has a multifaceted talent: a political and public figure, a historian, a natural scientist, a linguist, a literary critic, a collector and popularizer of rare examples of oral literature, and a master translator. After the February Revolution in Russia, he took part in organizing and holding regional and All-Kazakh congresses in the Kazakh steppes. In April, at the Ural Regional Kazakh Congress with the participation of more than 800 delegates, together with Zh. Dosmukhamedov, proposed a draft law “Temporary rules for the management of the steppe part of the Ural region”, which fully covers the management system at the local and regional levels, and the delegates unanimously voted for it. He participated in the All-Russian Congress of Muslims in Moscow and was nominated as a candidate for deputy from the I All-Kazakh Congress to the All-Russian Constituent Assembly. In 1917, he was elected to the Council of the nation — the government of Alashorda announced at the II all-Kazakh Congress. Together with Alash figures, he made efforts to form the National Army — the people's police, which primarily protects the people from destruction, to create the Alash fund, and to collect tax funds from the country. After the dissolution of Alashorda, Khalel, like other Kazakh intellectuals, was involved in the work of the new government. On August 21, 1920, under the People's Commissariat of Education of the Republic of Turkestan, he was elected as a member and then chairman of the Education Commission, organized specifically to meet the educational, cultural, and scientific needs of the people of Turkestan. He was a teacher at the Tashkent Institute of Public Education.

He was a resident of the surgical clinic of the Faculty of Medicine of the Central Asian University (Turkestan), a member of the board of the People's Commissariat of Health of Turkestan, and the head of the medical and sanitary department. He also made a great contribution to the development of domestic science, holding the positions of head of the Central Asian State Publishing Board, then the Eastern Department of the Kazakh State Publishing House, and deputy head of the Kazakh State Publishing Department.

Khalel Dosmukhamedov worked in several positions and participated in the development of scientific terminology in national schools.

He wrote textbooks and scientific works “Natural Studies”, “Animals”, “Human

Life” (Kazakh Russian Dictionary of Natural Science)”, “Protecting the Health of schoolchildren”, “Stories about physical shape and its work”, and “About bone holders”, etc. In addition, he published the Journal “Sana” under the Kazakh Kyrgyz Education Commission, and was its editor. In 1924, he was elected as a corresponding member of the Central Bureau of local lore of the Russian Academy of Sciences, and this year, on behalf of the Turkestan People’s Commissariat of Education, he participated in the All-Russian congresses of Kazakh educators in Orenburg, Moscow. He was appointed a chairman of the commission on the organization of the Kazakh State University based on the Kazakh Pedagogical Institute, the first higher educational institution of our people, where he acted as a vice-rector, its first vice-rector. He was an associate professor of the Kazakh Pedagogical Institute, head of the administrative and economic Department of the Kazakh State University, and professor of this educational institution [26].

In the meantime, it should be noted that Gulsim Asfendiyarova, Akkagaz Doszhanova, and Nazipa Kulzhanova, who were among the Alash figures, were the first scientists specialists from Kazakh girls who were socially active in the name of the Alash ideology. For example, Gulsim Asfendiyarova (1880-1941) was one of the first medical professionals. She graduated from Tashkent women’s Gymnasium and the Saint Petersburg Women’s Medical Institute. In 1913, he worked as the chief physician of the Tashkent maternity hospital. In Tashkent, at the request of the Turkestan Regional Bureau of the Muslim organization, he organized a midwifery school for women from local peoples, where he was the head and teacher of the same school.

Akkagaz Doszhanova (1893-1932) was one of the first women doctors, teachers, and activists to defend women’s rights. He studied at the medical course in the city of Moscow, at the Medical Institute in Tomby, and at the Medical Faculty of the Central Asian State University. In addition to medical practice, she also participated in organizational and pedagogical work. A. Doszhanova’s works on medicine were published in such publications as

“Women’s equality”, “Abai”, “Young Citizen”. In 1930-1931, she worked as a gynecologist at hospital No. 1 in Almaty. A. Doszhanova’s life was short.

The first journalist-educator from Kazakh girls Nazipa Kulzhanova was one of the Kazakh girls who stood out for her figure during the Alash movement. She published articles on women’s issues in the newspapers “Kazakh”, “Saryarka” and “Alash”. In 1920, she joined the special commission of the People’s Commissariat of Education of the Kazakh ASSR for the publication of textbooks, and books in the Kazakh language, the press, and then the committee for the introduction of the new Kazakh alphabet. She held responsible positions in the publications “Aikap”, “Kazakh”, “Flag of Unity”, “Alash”, “Enbekshi Kazakh” and “Red Kazakhstan”, It is also known that N. Kulzhanova wrote textbooks for Kazakh schools.

One of the representatives of the Alash movement, an outstanding scientist, educator, and public figure was Zhumagali Tleulin. He was one of the first Kazakhstani specialists in the field of medicine, and the author of works on eye diseases and infectious diseases. In 1923, A. Baitursynov assigned Zh. Tleulin the task of writing medical textbooks in the Kazakh language. In 1924, the book “Hygiene” was published in Orenburg, in 1926 “Infectious Diseases” in Moscow, “Scabies and Infectious Diseases, measures taken against them”, in 1926 “Health” in Orenburg. As one of the first Kazakh translators, in 1924 he translated into Kazakh

the books “Eye Disease – trachoma” (Moscow), “Syphilis” (Moscow), in 1926 “Diseases Transmitted from Animals to Humans” (Moscow) [27].

In 1921, Zhumagali Tleulin worked as a paramedic in the Kokshetau County Health Department, and on September 16, Petropavlovsk hosted the I Congress of councils of Akmola province, and the delegates of the Congress elected him in his absence as a member of the first council. Executive committee of the Akmola Provincial Council of workers, peasants, and Red Army deputies. Being one of the founders – volunteers of the first special educational institution in the region- Petropavlovsk Kazakh Pedagogical School, until 1927 Zh. Tleulin was also its director [28].

Due to the post-civil war devastation, hunger, and lack of premises, and fuel, Kazakh pedagogical courses in Akmola and Atbasar were closed, and in Petropavlovsk, on October 1, 1922, Kazakh pedagogical courses were organized throughout the province. In such a difficult period, Zh. Tleulin, who was appointed head of the courses, had to organize three-year pedagogical courses for teachers of Kazakh schools in Akmola province. Soon, to strengthen educational institutions, it was decided to transform pedagogical courses into a pedagogical college. On November 3, 1922, at a meeting of the board of the Akmola Provincial Department of Public Education, according to the report of T. Kirikov, it was decided to turn the three-year courses into a Pedagogical Technical School [29].

Since August 1927, he worked in the Akmola provincial department, then until 1930 in the Petropavlovsk County Health Department. In early January 1931, he was appointed a teacher of the Kazakh language at the Petropavlovsk Medical Technical School [30]. In 1927-1928 the preserved minutes of these meetings prove that Zhumagali participated 15 times in meetings of the heads of departments of the Akmola provincial health department. In addition, he participated in meetings of inspectors and doctors of the Department of Health. For example, in the minutes of these meetings, 12 entries were recorded in Akmolgubzdrav and 38 in the Petropavlovsk District Health Department. Moreover, he conducted all these gatherings as deputy head of the provincial and county health department [31]. From archival documents, it became known that Zh. Tleulin, while working in the provincial health department, opened a course for teaching the Kazakh language to employees of the department [32]. In 1927-1930, Zh. Tleulin worked as the head of the Akmola province and Petropavlovsk Territorial Health District.

Zh. Tleulin made a great contribution to the preservation of the health of the regional population, as well as for the first time in the history of Northern Kazakhstan, he organized a training course for Kazakhstani specialists for schools and other institutions.

Conclusion

1. The Alash autonomy was the first democratic autonomy founded at the start of XX century based on national interests, notwithstanding its brief existence. The government of Alashorda and the party

“Alash” in a short time tried to put into effect the mechanisms of direct and horizontal socio – political communication and interaction, the creation of a national democratic press, the popularization of education and the formation of modern political components, legal culture, institutionalization of civic activity of the public (at that time, the branch of the cadet parties in national committees and zemstvos, party structures and autonomous bodies-local and Central) and other necessary

mechanisms for the life of the population. Modernization of the economy, a legal framework capable of meeting citizens' needs and demands, equality, harmony, and peace, which the Alash people have always demanded, national cultural progress, participation not only of the elite but also of the majority in political processes through inclusion in representative bodies and public structures — these ideas are still relevant in modern times. They must undoubtedly serve as the foundation for Kazakhstan's and any other contemporary country's progress.

2. It is true that Alash figures dominate Kazakh national education. For those who have studied, the contributions of the Alash people at the turn of the twentieth century to the development of secular education in our nation, as well as the innovations introduced into the educational system, are numerous. The Alash intelligence prepared the people crushed by colonial tyranny for the war for liberation, calling on them to unite on their knees in the political struggle against citizenship, preserving the nation's unity and the integrity of the land, and encouraging the people to study. Through educational activities, it was intended to awaken the mental consciousness of the people. Thus, the essence of the ideology of Alash is that “If people know, we will find wealth, respect, and all kinds of pleasures. If there is no education, no art, then all the breadth of the world is empty, it will be eaten up by the visible, thirsty, and degraded”. After all, the Alash intelligence at the beginning of the XX century, led by Alikhan Bukeikhanov, saw the future of their homeland as a whole with world civilization.

The article was prepared within the framework of the program-targeted financing of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “study of the historical memory of the people during the years of independence in Kazakhstan and the policy of national construction” (IPN № BR21882266)

References:

1. Altynbek, K. (2022, June 16). Alash kajratkerlerinin agartushylyk kyzmeti. Retrieved from <https://e-history.kz/kz/news/show/33689>
2. Kozybaev, M. (1991). *Istoriya i sovremennost'* (252 pp.). Almaty: Gylym; Kozybaev, I. (1990). *Istoriografiya Kazahstana: uroki istorii* (134 pp.). Almaty: Rauan; Abzhanov, H., & Apejisov, A. (1992). *Kazak intelligenciya men madeniet i turaly* (127 pp.). Almaty: Respublika madeniet kyzmetkerlerinin mamandygyn arttyru instituty; Kojgeldiev, M., & Omarbekov, T. (1993). *Tarih tagylymy ne dejdi?* (205 pp.). Almaty: Ana tili.
3. Ismakova, A. (2017). *Alash әдебиеттануы* (480 pp.). Almaty: Kazak enciklopediyasy.
4. Nurpejisov K. Alash hәм Alashorda.- A: Atatek, 1995.- 253 b.; Kojgeldiev M. Alash qozgalysy.- A: Sanat, 1995.- 368 b.; D.A. Amanzholova *Partiya Alash: istoriya i istoriografiya. Uch. posobie. - S: Semipalatinskij pedinstitut im. Shakarima, 1993.- 137 s.; Amanzholova D. Kazahskij avtonomizm i Rossiya. Istoriya dvizheniya Alash.- M: Rossiya molodaya, 1994.- 217 s.*
5. Tomohiko U. *Politicheskaya strategiya Alash-Ordy vo vremya grazhdanskoj vojny: sravnenie s nacional'no-kul'turnoj avtonomiej tyurko-tatar //Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii: sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 70-letiyu d-ra ist. nauk, 3 prof. V. I. Shishkina. N: Izd-vo SO RAN, 2018. S. 260–271.; Tomohiko U. Evolyuciya idei avtonomii Alash na volne obshcherossijskih politicheskikh sobytij do i vo vremya revolyucii // Ot Alash k nezavisimosti i nacional'noj konsolidacii Kazahstana. O: Zapadno-Kazahstanskij centr istorii i arheologii, 2017. S. 315–325.*
6. Kul-Muhamed, M. (2000). *Programma «Alash»: fal'sifikaciya i dejstvitel'nost'* (236 pp.). Almaty: Atamura; Kamzabekuly, D. (2008). *Alashtyn ruhani tугyry* (360 pp.). Almaty: El-shezhire; Zhurtbaj, T. (2012). *Uranym-Alash. Talky. Tyrme afsanasы.*

- Vol. 3 (646 pp.). Almaty: El-shezhire; Akkuly, S. (2017). Əlihan Bokejhan. Kazak zherinin zhoqshysy. Vol. 1 (550 pp.). Astana: Alashorda qogamyk kory; Sadvokasova, Z. T. (2018). Nasledie alashskoj intelligencii po problemam prosveshcheniya kazahskih detej (v kontekste kazahskoj gosudarstvennosti). World of Great Altay, 4(3), 425–435.
7. Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody XX veka). (2022). Gosudarstvennoe presledovanie i politicheskie repressii nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya «Alash». (Vol. 12, 505 pp.). Astana.
 8. Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody XX veka). (2022). Borcy za nacional'nuyu svobodu, nezavisimost' i territorial'nuyu celostnost' Kazahstana. Sbornik dokumentov i materialov (Vol. 11, 568 pp.). Astana.
 9. Nazarbaev, N. (2017). Keshi-qon zhəne qazaq əlemi: bayandamalar, maqalalar zhəne syr-suhbattar. Astana: Foliant.
 10. Əbil, E. A. (2022, December 11). Istoriya dvizheniya «Alash» v usloviyah zakonomernogo interesa kazahstanskogo obshchestva k svoemu proshlomu. Kazahstanskaya pravda.
 11. aterialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody XX veka). (2022). Borcy za nacional'nuyu svobodu, nezavisimost' i territorial'nuyu celostnost' Kazahstana. Sbornik dokumentov i materialov (Vol. 11, 568 pp.). Astana.
 12. Alash Orda: Sbornik dokumentov (N. Martynenko, Ed.). (1992). Almaty: Maloe izdatel'stvo: Ajkap.
 13. Baishev, S. (1960). Torzhestvo leninskih idej v Kazahstane (112 pp.). Almaty: Izdatel'stvo Akademii nauk KazSSR.
 14. Nurpejiso, K. (1998). Kazak kogamy zhane Alash qozgalysy. Sayasat, (1), 79–94.
 15. Nurpejiso, K. (1998, mausym 12). Kazak intelligenciyasynyn amirshil-akimshil zhujege gylm men mədeniet salasyndagy karsylygy (20-30 zhyldar mysalynda). Stolichnoe obozrenie, 10.
 16. State Archive of the Republic of Kazakhstan (SA RK). F. 30, S. 1, F. 6, P. 70.
 17. Avksent'evskij, D. (1927). Kazahskij gosudarstvennyj universitet (2nd ed., 53 pp.). Kyzyl-Orda: Kazahskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
 18. Ajmauytov, Zh. (1922). Oba uaktyndagy toj. Kazak tili, (193).
 19. SA RK. F. 81, S. 1, F. 47, PP. 24–26.
 20. Abzhanov, H., & Alpejiso, A. (1992). Kazak intelligenciyasy men madeniet turaly (127 pp.). Almaty: Respublika madeniet kyzmetkerlerinin mamandygyn arttyru instituty.
 21. Ibragim, Zh. D. (2023). Ahmet Bajtursynulynyn aleumettik-sayasi kuzmeti. Molodoj uchenyj, 13.1(460.1), 9–11.
 22. Kazhigalieva, Zh. (2022). Ult ustazynyn agartushylyk kyzmeti. Ahmet Bajtursynuly. Retrieved from <https://Egemen.kz/article/315959-ult-ustazynynh-aghartushylyq-qyzmeti>.
 23. Bajtursynuly, A. (2013). Alty tomdyk shygarmalar zhinagy. Makalalar, hattar, A. Bajtursynuly turaly quzhattar men materialdar (Vol. VI, pp. 120–127). Almaty: Elshezhire.
 24. Kenestik ideologiya zhasyrgan akikat. (2016, kyrkyjek 29). Zhas Alash.
 25. Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody HH veka). (2022). Ahmet Bajtursynuly. Kiyanatka karsylyk. Kuzhattar men materialdar zhinagy (Vol. 3, 436 pp.). Astana.
 26. Rizuan, R. Halel Dosmuhamedov. Retrieved from <https://martebe.kz/category-mugalimderge-ashyq-sabaqtar-halel-dosm-hamedov-referat/>.
 27. Chakenova, B., & Kalabekova, M. (2018). KMKPU Habarshysy, (4), 97.
 28. The State Archive of Northern Kazakhstan (SA NK). F.1074, S. 1, F. 9, PP. 9–10.
 29. SA NK. F. 2, S. 1, F. 1, PP. 55.
 30. SA NK. F. 17, S. 2, F. 19, P. 5.
 31. SA NK. F. 1185, S. 1, F. 1, P. 377.
 32. SA NK. F. 1185, S. 1, F. 1, P. 3.

*Материал поступил в редакцию 29.07.2024.
Утвержден к публикации 25.11.2024*

**Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ)
Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы
16 маусымдағы Жарлығына сәйкес құрылған
мемлекеттік болжамдық-талдау мекеме.**

Талдау орталықтарының 2020 жылғы Дүниежүзілік индекс-рейтингіне сәйкес (Global Go To Think Tank Index Report, University of Pennsylvania) ҚСЗИ Кавказ, Орталық және Оңтүстік Азияның жетекші талдау орталықтарының үштігіне кіреді (58 орталықтан), сондай-ақ «Covid-19-ға ең үздік саясат және институционалдық жауап» номинациясы бойынша әлемнің топ ақыл-ой орталықтарының қатарына кірді. Бұл номинацияға әлемнің түкпір-түкпірінен 83 талдау орталығы кірді, олардың ішінде ҚСЗИ Орталық Азия елдерінен кірген жалғыз құрылым болды.

Институттың негізгі қызметі – Қазақстан Республикасы Президентінің қызметін мемлекеттің ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық бағыттары бойынша талдамалық, зерттеу және сараптамалық қамтамасыз ету.

ҚСЗИ мекен-жайы мен байланыс телефоны:

Қазақстан Республикасы, 010000

Астана қ., Бейбітшілік к-сі 4

Тел.: +7(7172) 75-20-20

Факс: +7(7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

kisi_kz

kisi_kz

kisi.kz

kaz_iss

kisi_kz